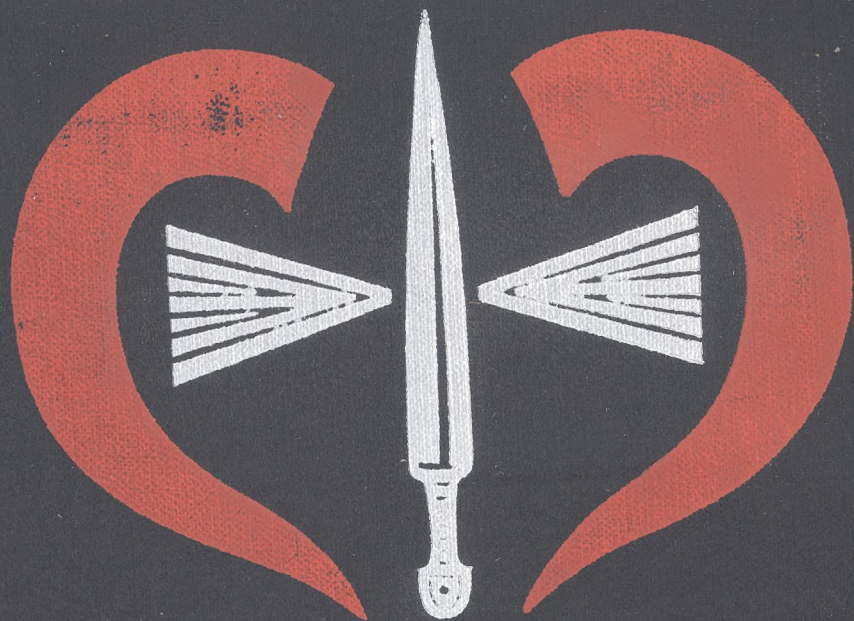

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

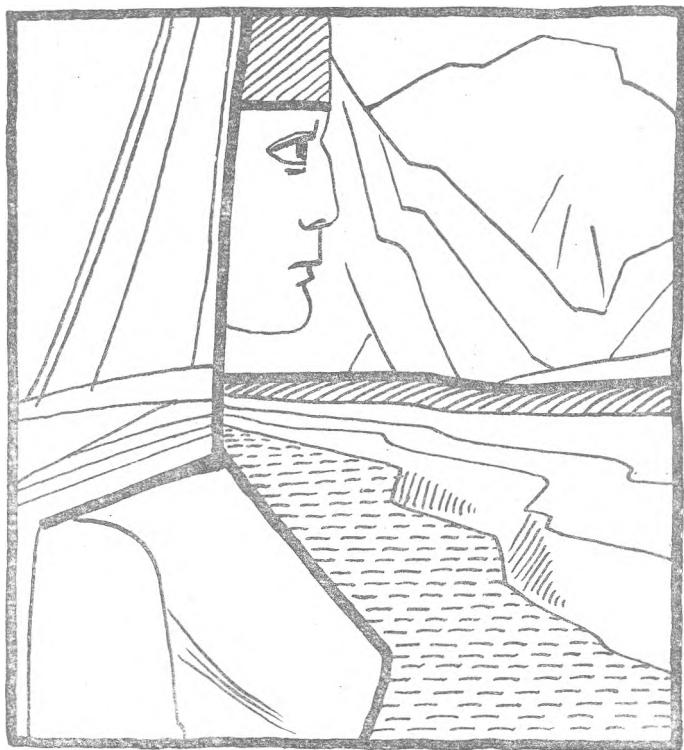
КАЙСЫН КУЛИЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ПЕРЕВОД С БАЛКАРСКОГО

КАЙСЫН КУЛИЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1970

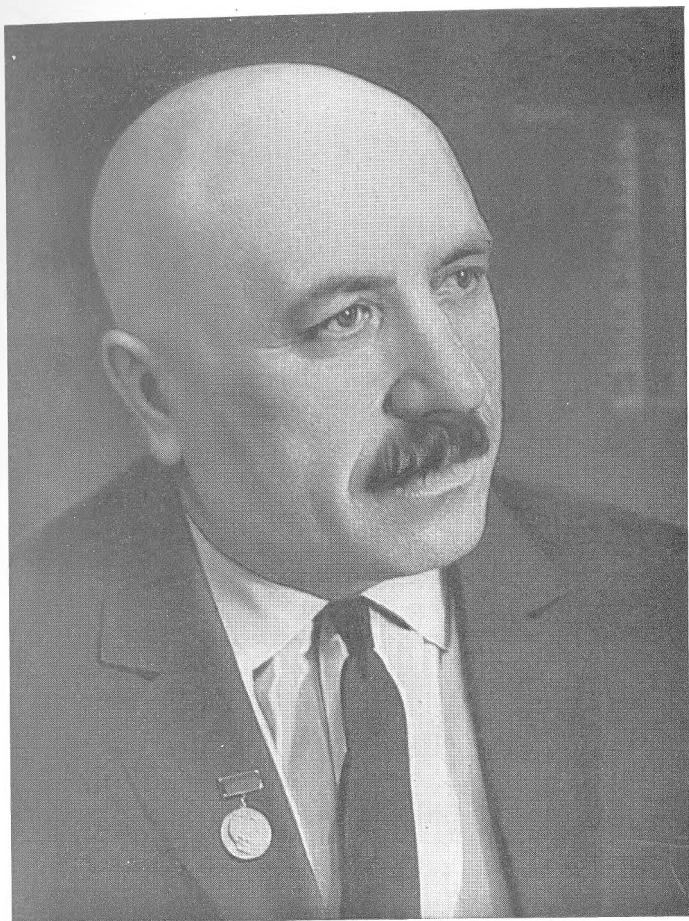
Вступительная статья

М. Д у д и н а

Оформление художника

Г. К л о д т а

НА ПУТИ К ВЕРШИНАМ

Очевидно, для того, чтобы сделать поэта истинным творцом и выразителем своего времени, надо, чтобы река времени прошла через его душу, наполнив ее до краев своим ароматом и своей горечью, вечной надеждой и трагедией, радостью победы над пропастью поражения, торжеством человеческого духа, его нравственной возвышенностью над мерзостью зла.

Спешу, мой стих, ручьем от ледников
В людское море радости и песен.

Так сказал Кайсын Кулиев о своем назначении и о своей поэзии.

Он называет себя кавказцем, горцем, и вершина его таланта, уже теперь в расцвете полдня его жизни, с каждой новой книгой приобретает на горизонте нашей поэзии все более заметные и только одной ей свойственные контуры.

«Горы кавказские для меня священны».

Это я мог бы повторить вслед за Лермонтовым сотни раз.

Почва души Кайсына Кулиева в горах.

Поэтому они для него трижды священны.

Он влюблен в них не меньше, чем в поэзию Лермонтова.

Когда народ Кайсына — балкарцы — был лишен своих гор, Кайсын, имея возможность остаться в горах, ушел со своим народом. Разделяя с ним тоску изгнания, но веруя неистребимой верой в торжество ленинских идей, проникнутый любовью в волшебное слово Лермонтова, он перевел в эти дни его «Демона» на свой балкарский язык.

Не знаю, может быть, я выдаю тайну Кайсына, но я не могу ее не выдать, так она поэтична и примечательна. Это было уже после возвращения балкарского народа на свою землю, после того, когда стали выходить в переводе на русский язык книги за книгой Кайсына, удивляя и поражая читателей своей масштабностью и откровением. Кайсын показал мне карту Кавказа, на которой его, Кайсына, рукой был отмечен по изгибам ущелий путь Демона на свидание к Тамаре.

— Вот здесь он и летел,— сказал Кайсын.

И я поверил в придуманную им сказку. Ей было нельзя не поверить, потому что к нам в окно заглядывал Эльбрус, сверкая чистейшей двухглавой белизной на бархатном звездном небе бесконечности, и мира, и души.

Он звал к себе.

А зачем все-таки человеку нужно идти в горы, карабкаться с уступа на уступ, по непроходимым тропинкам, ежеминутно рискуя поплатиться головой за любую свою неосторожность?

Человека всегда тянет к вершине и неизведанному. Да он и перестает быть человеком, если в нем угасает это, рожденное вместе с ним, желание, страсть. Он жертвует собой, а идет, сантиметр за сантиметром отвоевывая высоту, утверждая мужество своего духа.

С вершин виднее мир и возможности человека.

Об этом знают альпинисты и поэты.

Они первыми замечают, как из-за горизонта выкатывается солнце и первый его луч приветствует их дерзость.

Это ощущение ни с чем не сравнимо.

Ради него можно идти на любой риск, потому что благородству порыва нет смерти, потому что за покоренной вершиной встает и зовет новая, более высокая и более прекрасная высота на пути к бесконечному совершенству.

Завидна судьба первооткрывателей и первопроходцев на этой дороге.

Поэзия зовет первооткрывателей в путь. Она первая побывала на луне и подготовила в душе космонавтов уверенность в прилунении. Там прежде них уже побывал и Ломоносов, и Мильтон, и Байрон, и Лермонтов. Поэзия летит впереди открытия.

В этом ее назначение.

Ты хочешь в горы, в высоту и стужу,
Возьми ее в свои проводники.

У каждого поэта должно быть и есть свое Лукоморье, свое Михайловское, свои травы, деревья, синицы, дятлы и иволги, дожди и метели, свой купол неба, сливающийся с зубчатой кромкой лесов на горизонте, свой привычный с детства обжитой мир природы, то окно очарования и света, через которое идет живое общение с природой, вечная и непрекашающаяся связь.

И могучий пушкинский дуб, стоящий немного в стороне от Тригорского парка, — реально существующий дуб. Правда, Пушкин силой своего воображения наделил его совершенно фантастическими качествами, золотой цепью и волшебным котом, рассказывающим сказки, и русалками, скрывающимися в зеленых листьях; мы не видим их, но всегда пытаемся дорисовать, следуя неподражаемой прихоти поэта.

Не будь у Пушкина Михайловского, у нас не было бы того Пушкина, которого мы знаем, не было бы того свежего воздуха, которым дышит поэзия Пушкина, проясняя и одухотворяя нас, наполняя нас простотой и смыслом, не было бы этого высшего взлета человечности:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Окружающий Пушкина мир очаровал его, и, как бы в награду за это, Пушкин обессмертил этот мир силой своего поэтического гения, наполненностью очарования, увидел в обычном необычное, только ему одному свойственное, ту особую, только одному ему во всей конкретности присущую красоту.

— Остановись! — как бы говорит поэт, — это не просто дерево, не просто аист, разгуливающий по лугу, — это звенья бесконечного чуда. Остановись! И ты будешь богаче, и мир в твоих глазах — добрей и радостней, и ты — сам частица этой незнающей конца совершенства гармонии — будешь совершеннее и мудрей.

Поэзия — вечно звучащая струна, ежесекундно напоминающая нам о нашем высоком назначении.

У истинного поэта должно быть и есть свое Михайловское — Лукоморье. Задача поэта — прояснить чудо, заложенное в обыкновенном.

У Кайсына Кулиева это Михайловское называется Верхним Чегемом. Это аул, волею судеб и человеческого упорства закинутый на уступ Кавказского хребта, окруженный вечно белыми зубцами задумчивых вершин, втиснутый между темными скалами Чегемского ущелья, поросшего кизилом и карагачем.

Его сакли лепятся по гранитным выступам, сливаясь с ними, как ласточкины гнезда.

Над пропастями петляют тропинки, и под обрывом грохочет, пенится холодный и чистый Чегем.

Поля и огороды, покосные лужайки так малы, что косить траву можно, только предварительно привязав себя к дереву.

Тут и живет племя Кайсына, его судьба и песня — его народ, балкарцы, — умеющий добывать свой прекрасный и трудный хлеб из камня.

Здесь и родился Кайсын за шесть дней до революции в семье горца, в старой сакле-крепости с плоской, поросшей полынью крышей, поддерживаемой могучими, прокопченными временем и очажным дымом балками, выгесанными грубым топором из ствола чинары пять или шесть веков назад.

Над саклей поднимается башня с узкими, как прищур монгольских глаз, бойницами, — защита и опора.

Из этой сакли и вышел кайсыновский род мастеров камня, хлебосбобов, охотников и дровосеков, людей упорного, как камень, характера, покоровших камень, людей, знающих благородство и позор оружия.

Возле сакли — лоскутное одеяло поднимающегося террасами огорода, где каждая полоска земли не больше ослиного стойла. И рядом с огородом звенит, поет, переливаясь по камням, как белозубая улыбка горской девочки, радостная речка Жилга.

Напротив сакли отвесная стена горы. Если закинуть голову, то над ее угловатым профилем, как со дна колодца, ударит в глаза чистое небо, и тень орлиных крыльев скользнет по мокрому телу скалы, и гортанный клекот долго будет перекатываться эхом по ущелью.

Все видела эта сакля: и первый взгляд ребенка, и молчаливое прощанье с близкими.

Все слышали эти каменные, поросшие мохом стены: и застольную свадебную песню, и молитву об урожае.

Все вынесла эта сакля: и обвалы, и набеги, — и кажется, сам воздух мужества отстоялся за ее стенами и заполнил все углы.

Стоит только притихнуть, сосредоточиться, и он загорит.

Стоит только выйти лунной ночью к Жилге, встать на камень, и можно увидеть в наплывах водянистого лунного света, как литым серебром, переблескивая на перекатах, играет форель, выскакивая из бьющей по камням воды, и парит какое-то мгновение в воздухе.

Стоит только встать пораньше — и можно заметить на вершине скалы в первых проблесках солнца, как гордый тур заглядывает вниз, прислушиваясь к голосам пробуждающегося ущелья, к позвякиванию посуды и к треску карагача в низких очагах, к пронзительному крику осликов, пасущихся на зеленых лужайках.

Это место было и осталось на все времена для Кайсына и его читателей Лукоморьем-чудом, волшебным окном, через которое влетела в его душу, блестя фазаньим оперением, поэзия.

Здесь, у своих родичей, он и учился мужеству, верности камня, добру и ответственности слова.

У него были прекрасные учителя, строгие и справедливые, скупые в словах и точные в жестах, потому что здесь сама природа заставляет отбрасывать все лишнее, как губительное.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.

Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь.

Текут ручьи, звенят их голоса,
Я слышу моря гул и птичье пенье.
Земля нам дарит щедро чудеса
И ждет взамен труда и удивленья.

Здесь жил как восхищение и представление Кайсына о доблестном человеке его наставник, мудрец и поэт, пастух и кузнец, седобородый горец, хромоногий Кязим, предтеча, в котором история и судьба сосредоточили опыт и культуру балкарского народа.

Путь песни Кязима Мечиева можно бы сравнить с жизненным путем Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы или Дмитрия Гулиа, первых столпов поэзии и культуры кавказских народов, освобожденных Октябрьской революцией, даровавшей им печатное слово.

И не вина Кязима в том, что его творчество недостаточно знают. (А впрочем, самое хорошее вино не часто подают к столу, и от этого оно становится еще заманчивей, исключительней.)

Верю в то, что Кязим еще зазвучит в полный голос и достойно войдет на мировой форум поэзии, как первый певец балкарского народа, как проникновенный, любящий землю и человека художник.

В ауле открыли первую школу, и Кайсын одним из первых переступил ее порог и вошел в класс.

Организовали пионерский отряд — и у Кайсына на груди заалел красный галстук пионера, как вызов старому, замшелому миру, как свет зари, яростно плеснувший в глаза из завтрашнего дня.

Стали создавать комсомольскую ячейку — и Кайсыну одному из первых вручили комсомольский билет.

Он видел и постепенно испытывал на себе зарождение в людях ленинского братства земли.

Он учился жадно и лихорадочно, как будто в нем одном сосредоточилась вся вековая тяга его народа к свету, к знаниям, — ведь балкарцы до революции, как и многие малые народы царской России, не имели даже письменности, и Кайсын, не умевший произносить слово «хлеб» по-русски, увидел пытливыми мальчишескими глазами новую радость за снежными перелогами.

И ему захотелось петь об этой радости, сочинять, лепить слово к слову так же удивительно и складно, как это делал аульный кузнец, седобородый Кязим.

Кайсын, как и все в ауле, смотрел на своего учителя с восхищением, и это восхищение осталось в душе Кайсына, как чувство самой первой любви, — навсегда.

Потом пришли Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Гоголь, Маяковский, Есенин, Блок. И первая радость напечатанного в газете стихотворения окрылила его, наполнила свежим ветром легкие.

Ему снились горные вершины и бесконечные тропинки, по которым он поднимался к ледникам, срываясь с уступов, падая, но не расшибаясь.

Он рос, потому что летал во сне. Мир раскрывался перед горским мальчиком бесконечной перспективой неизведанного и возможного.

— Ты очень хорошо плясешь, — сказал ему Кязим. — Учись так же искусно писать.

И он учился.

Он увидел Нальчик, первый сказочный огонь Баксанской гидростанции, обильные сады и поля, бурно расцветающую жизнь, принимаемую им со всей юношеской восторженностью.

Первым его стихи заметил и перевел на русский язык удивительный знаток поэзии кавказских народов, ее первый пропагандист, обожженный альпийским солнцем путешественник и поэт Николай Семенович Тихонов.

Кайсыну он импонировал всем: и необычно молодым лицом, и белой, как у Казима, шевелюрой, и таким знанием географии и истории Кавказа, словно он родился в горах и прожил здесь всю свою жизнь, облазил все горы и занял блеск для своих проницательных глаз у фирнового льда вечных вершин.

Кайсыну нравились и ритмы, и жесткая точность тихоновских стихов, и его характер, общительный и веселый.

Это правда, что ни на чем ничего и не вырастет.

А у Кайсына в молодости была прекрасная почва и чистейшее небо с высокими и отчетливо яркими звездами. У него было из чего расти и куда тянуться. Был живой пример, на который можно было равняться с полной доверительностью.

Как ручей, выхлестнувший из-под гнета каменной скалы, не знает в первое время, куда течь, и вслепую выскивает русло, так и он в начале своего пути еще не знал, по каким ущельям и долинам пойдет поток его жизненной страсти и какие жернова и турбины придется крутить его неукротимой энергии, чтобы отдать, раздарить эту энергию, этот свет без остатка.

Он сам, наверное, не объяснит сейчас толком, почему он поступил в театральную студию великого артиста Остужева, — может быть, потому, что хотел быть всем: и поэтом, и звездочетом, и трагиком, шепчущим в напряженный, притихший, слившийся в одну живую душу зал роковые шекспировские слова: «Быть или не быть?»

Но все равно и это шло ему на пользу.

По крайней мере, он научился четкости интонации, которая потом перешла в кайсыновские стихи, обернувшись четкостью мысли; по крайней мере, он научился один на один разговаривать с Шекспиром и удивляться ему не меньше, чем Пушкину и Лермонтову, скандируя чуть хриповатым от волнения голосом заключительное двустийше Шестьдесят шестого сонета:

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу будет трудно без меня.

А представления о верности и дружбе для него всегда были и остались высокими и чистыми, как ледники. Он был всегда щедр, как человек, неосознанно знающий, что запасы его духовной силы от их беспощадной траты только увеличиваются.

А может быть, он об этом и не думал, настолько был завораживающ весь вихрь времени, повернувшийся к нему блеском радуги и радости, жаждой чести, битвы и подвига во имя этого прекрасного, ошеломляюще радостного вихря.

Каждый день нес ему новое открытие: то пестрый ковер врубелевских откровений, то узорную вязь пастернаковской лирики, то задумчивую нежность Лорки. Все это оставляло благородные семена на почве его души, а душа, в свою очередь, училась отбирать лучшие семена.

Таланту необходимо испытание так же, как голодному хлеб.

Без испытания талант вянет, искусство превращается для него в самоцель, сосредоточивая только на себе самом, ограничивает творчество субъективностью.

И конечно, Великая Отечественная война стала для него, как и для всех его сверстников-поэтов, тем точильным камнем, на котором закаленный клинок обретает окончательную остроту.

Война застала Кайсына в десантных парашютных войсках. Он был храбрым и смелым воином, он испытал на себе и всю горечь отступления, и ликующие слезы победы в этой смертельной схватке ленинского братства народов с самым отвратительным порождением двадцатого века — фашизмом.

Он понял, что мужеству Правды нет границы, что

есть упоение в бою
и бездны мрачной на краю,—

когда этот бой справедлив, как рождение ребенка.

Потом, как бы подытоживая этот опыт, он писал, обращаясь к грядущему:

Не только за счастье родного селенья
Я падал в золу на дымящемся поле,
За вас, мои правнуки, шел я в сраженья,
И молодость отдал, и кровь свою пролил.

Не знаю, какие возьмете вершины,
Какие дороги вам разум отыщет,
Как будут устроены ваши машины
И как будут выглядеть ваши жилища.

Но знаю, как нынче в садах ваших птицы
Засвищут, зальются тоской человечьей,
И будут, как нынче, поля колоситься
И хлебы сажаться в горячие печи.

Когда-то перед войной наш общий с Кайсыном друг и ровесник башкирский поэт Мустай Карим написал балладу о комсомольском билете.

В ней говорилось о том, как во время гражданской войны пуля пробила комсомольский билет молодого бойца и прошла через его сердце и он, умирая, передал этот билет товарищам.

Баллада выглядела романтической и в меру страдала дидактикой.

Но когда осколок немецкого снаряда пробил насквозь комсомольский билет Мустая, к счастью, не затронув сердца, баллада превратилась в пророчество. И этот комсомольский билет, пробитый осколком, есть у каждого из наших сверстников: и у Межелайтиса, и у Луконина, и у Юхана Смуула, и у Сергея Орлова.

Есть он и у Кайсына Кулиева, как символ верности и веры всего нашего поколения ровесников революции, выросших под справедливым знаменем Ленина, присягнувших этому знамени всей своей жизнью и на всю жизнь, потому что настоящие солдаты присягают один раз в жизни так же, как один раз и погибают.

Потом коммунист Кайсын Кулиев в ставшей теперь хрестоматийной «Горской поэме о Ленине» скажет о том, что:

За мир познания я в него влюблен,
Его идеи ревностный служитель.

И в этих простых, как вздох, словах нет ни позы, ни декларации, они естественны, как естественно дыхание, и так же необходимы.

Кайсын был и остается верным ленинским идеям, за них он не раз проливал свою кровь, вынужденный взяться за оружие.

Что он принес с войны?

Разочарование?

Нет. Ощущение, что битва не кончена, что жизнь трижды прекрасна.

Когда-нибудь в будущем историки и просто люди земли удивятся нашему оптимизму и поймут, что мы не могли и не умели жить по пословице «После нас — хоть потоп», что мы, как никто, чувствовали связь времен и жизнями своими мостили переправы, чтобы эта связь не прервалась, чтобы ландыши пахли ландышами, а не тротилом, чтобы добытый в поте лица хлеб был сладостен, чтобы у воды не было привкуса крови.

«Хлеб и роза», «Огонь на горе», «Раненый камень», «Мир дому твоему», «Кизилловый отсвет» — послевоенные книги Кайсы-

на, вышедшие в добрых переводах на русский язык, стали достоянием миллионов советских читателей.

В них есть нежность розы и твердость камня, вечное стремление познавшего мир человека к справедливости и любви, человека мужественной и рыцарски последовательной в этом мужестве души.

Эти книги просты мудрой простотой выстраданного опыта, необходимостью сказать именно ЭТО и именно ТАК, а не иначе.

На земле, и солнечной и снежной,
Не в соседстве ль камень с виноградом?
Твердость камня, винограда нежность
Разве у меня в душе не рядом?

На земле, и солнцем одаренной,
И посеребренной снегопадом,
Обручен я с песнею, рожденной
От соседства камня с виноградом.

Поэзии Кайсына свойственны вещные и вечные категории жизни.

Весь запас вековой мудрости его народа, передававшийся изустно от поколения к поколению, отобранный и проверенный временем, во всем своем золотом блеске точности, был в распоряжении Кайсына, и надо быть справедливым до конца, чтобы сказать, что Кайсын этим богатством умеет пользоваться как мастер, приобщая его к мировой гармонии поэзии. Большинство его стихотворений напоминают по своему строю четко сделанные черно-белые гравюры, где каждая грань мысли оттенена, как грань горного изгиба во время ясного и спокойного дня.

Черный конь умирает
На белом снегу.

Вчитайтесь в это стихотворение, и вы увидите одну из важных деталей кайсыновского взгляда на мир, один из важных приемов кайсыновского мастерства в передаче, в опозитизировании этого мира. Этим приемом он и достигает той пронзительности, предельно концентрированной правды, без которой не может существовать поэзия. Он не боится стыка противоположностей, понимая, что в этом лежит секрет выразительности.

В поэзии Кайсына большой заряд неистребимого человеческого добра,— добра, подкрепленного мужественностью характера, твердостью, волей, решительностью, мускулатурной жизненностью опыта.

В его стихах мир живет высокими страстями, и эти страсти чисты и прозрачны, как родники, не стесняющиеся своей прелестью обнаженности.

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке.
...Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень береговой травы.
...Плещется купальщица в воде.
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн — ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

Здесь и Ренуар, и Кустодиев, Боттичелли и Рубенс сплывались в каком-то новом свете, запели всеми красками торжества жизни, засверкали благородством страсти и тревоги.

В этом и есть жизнелюбивый характер поэзии Кайсына, свобода его интонации, выстраданная свобода опыта жизни, закаленная обнаженностью трагедии.

Эрудиция познания жизни — есть сплав глубокого изучения мировой культуры, ее поэзии с тем сугубо личным опытом самого Кайсына, который дает ему возможность видеть явления объемно с разных сторон, рельефно и точно лепить образ, как лепит узкогорлый кувшин горский гончар, на ощупь зная точность и завершенность каждой линии.

Мир его поэзии — горы и весь мир.

Он умеет видеть одновременно и противоречия человеческой души, и страдания раненого камня. Творчество его интернационально и человечно, оно активно, оно наступательно, оно вызывает чувство сопереживания. В нем есть такие необходимые поэзии качества, значительность, масштабность видения и изображения, беспокойство и ответственность за сказанное.

Как альпинист, идущий по едва заметному карнизу над бездонной пропастью, рассчитывает каждое свое движение, соразмеряя нагрузку на каждую мышцу, так и Кайсын умеет в лучших своих стихах соразмерить напряженность мысли, — редкая способность, подтверждающая присутствие крупного таланта, умение скорее врожденное, нежели благоприобретенное.

Я это говорю не только как читатель, любящий творчество Кайсына, а и как скромный переводчик его стихов, потому что сам процесс перевода дает возможность глубже обыкновенного вникать в строчечную суть, как бы соучаствовать в самом процессе творчества, в самой лепке образов и характеров, идти вторым по еле

заметному карнизу горы, повторяя по-своему все движения впереди идущего проводника, иногда даже подстраховывая его на более опасных поворотах трассы.

Путь настоящего поэта всегда не легок, всегда трагичен. Благополучной поэзии нет и не может быть потому, что она отвечает за все прекрасное и в человеке, и в мире всей своей голой беззащитностью.

Я людям дарил на доброй Земле
И песни и сердце свое.
Я равно любил на доброй Земле
И розы ее и репье.

Любил людей, говоривших мне «друг»,
Твердых твердостью этих скал,
И травы, мягкие мягкостью рук,
Которые я ласкал.

Кайсын умеет видеть противоречия и внутри человеческой души, и в мире и умеет, не боясь, изображать их, он знает, что трагедия — высшая форма выражения оптимизма.

Герой кайсыновской поэмы «Перевал» — Азрет спасает жизнь матери и новорожденного, а сам гибнет, подкошенный горным обвалом. Но подвиг его прекрасен высоким благородством мужества, и заключительные слова поэмы звучат, как хорал.

Ритм чистый моего сердцебиенья
Тяжелый снег остановил навек,
Как снег нагорный, чистые стремленья
Моей души засыпал горный снег.
Прости меня! Мне оправдаться нечем.
У радости и горя свой союз.
Груз смерти я взвалил себе на плечи
И на вершину поднял этот груз.

Он много ездил по земле и много видел и убедился в том, что человеческое горе во всех концах земли пахнет одинаково. Он сам сказал о том, что

Лик мужества ясен и светел,
Чужбины для подвига нет.

У поэта должна быть судьба — не роковое стечение обстоятельств и событий, а осознанно преднамеренная прилагательность к жизни. У Кайсына она есть, есть эта корневая связь со своим народом, с истоками его языка как хранителя духовной жизни на-

рода, и Кайсын говорит об этом светло и широко, вспоминая день рождения Ленина:

Я вечно буду славить этот день,
Он для меня высоким светом светел,—
Мы без него бродили б, словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел,
Как серый пух убитого орла,
И наш язык пропал бы бесполезно,
Как конь, окровенивший удила,
Подстереженный каменною бездной,
Но он не сгинул в смутном далеке,
Я стих веду, как поводами правлю,
Пишу стихи на этом языке
И тот апрель благословенный славлю.

В этих словах и биография Кайсына, и гимн ленинской национальной политике, разбудившей духовный мир так называемых малых народов и показавших всему миру, какие сокровища есть в каждом народе и как много сделать надо в мире, чтобы эти сокровища стали достоянием всего братства людей.

Вот поэтому я всегда с восхищением смотрю на судьбу верных друзей Кайсына по поэзии: на Мустая Карима, на Расула Гамзатова, на Давида Кугультинова, на многих товарищей Кайсына и моих товарищей, которые сделали горы Кавказа выше и прекрасней, которые, возвеличивая свои народы, сделали мир шире и добрее.

Этот процесс необратим.

В этот процесс неоценимый вклад внесли переводчики, расширившие через русский язык горизонты этих поэтов. Что можно им сказать, кроме самого признательного «спасибо!».

Кайсын любит забираться поработать в свой Верхний Чегем, в свое Лукоморье. И Верхний Чегем, или мне это только кажется, наложил свой отпечаток не только на характер самого Кайсына, но и на его облик, — на этом покато бритом лбу с каменными складками раздумья, в самой осанке коренастой, ладно организованной фигуры всадника и каменотеса.

Когда Кайсын улыбается, я вижу в его улыбке нежно розовеющие на горных пастбищах малявы, мне кажется, что зубы заняли свою белизну у вечных снегов заоблачных вершин. Когда Кайсын негодует, в его глазах я вижу молнии, сверкающие в горном ущелье.

Может быть, я об этом говорю тривиально, но что поделишь — это правда.

Я знаю Кайсына с 1957 года.

Но иногда мне кажется, что я знаю его давным-давно, с тех самых пор, когда еще мальчишкой я приехал на строительство Баксанской электростанции.

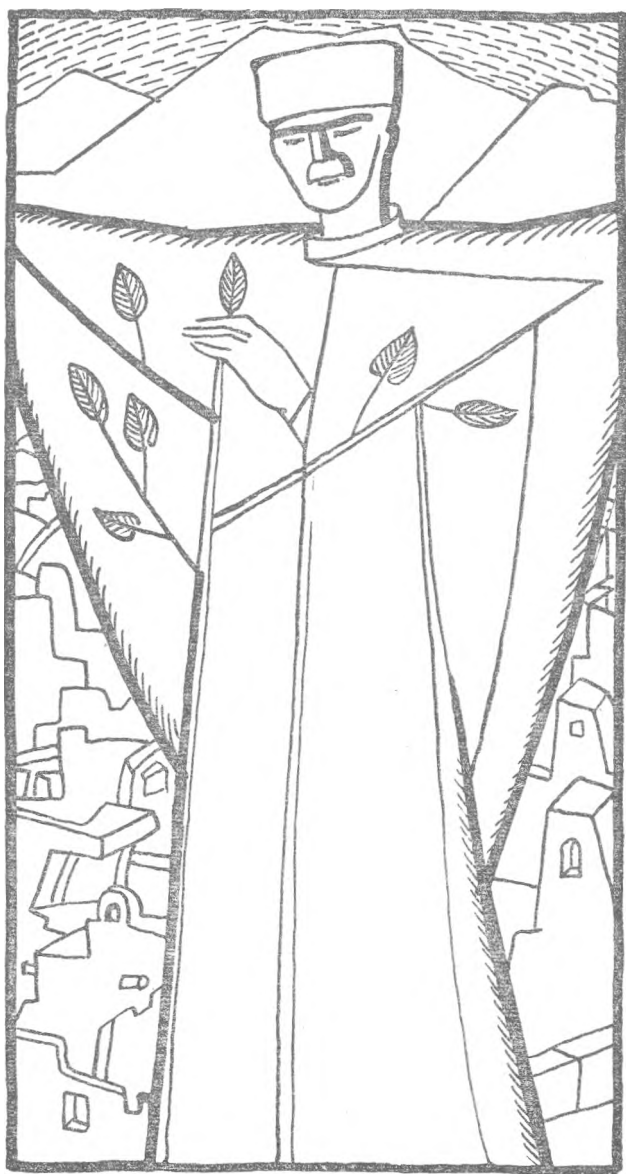
И мне приятно мысленно видеть, как сидит Кайсын за своим столом, вглядываясь в темное полночное окно и вслушиваясь, как за тонким стеклом гудит ветер времени. Мне приятно сознавать, что в лампе, которая отбрасывает легкий поток света на чистый лист бумаги, есть какая-то доля и лично моего света, помогающего Кайсыну увидеть за взятой вершиной еще более высокую, более трудную, более прекрасную высоту.

И только так — всю жизнь!

М. Дудин

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Утро мне всего милее.
Я люблю глаза ребячьи,
Освелые спросонок,
Я люблю в окно послушать
Птичий гомон и возню.
Скоро в комнате запахнет
Свежевыпеченным хлебом
И вареной кукурузой,
И согреется подойник
От парного молока...

1935

МАЛЬЧИК И ТЕЛЕНОК

Теленок и мальчик
Похожи немного.
Довольны игрою
Теленок и мальчик.

В глазах у тельенка
И небо, и солнце,
И щеки мальчишки,
И белые зубы.

Теленок и мальчик,
Гонясь друг за другом,
Нырют, как в омут,
В густые травы.

1935

МАЛЬЧИКИ И КОЗЛЯТА

Густая зелень веток
Горит в глазах козлят,
Два козлика дерутся
Высоко на скале.

А мир травую полон,
А вымя — молока.
И зеленью исходит
Весенняя земля.

Мальчишки шумно ловят
Увертливых козлят
И ничего не видят
На свете, кроме них.

1936

ЗДРАВСТВУЙ, УТРО!

Утро со светлым лицом,
С пеньем проснувшихся птиц.
С хлопотами людей,
Утро мое, привет!

Звонким садам привет,
Зрелым плодам привет,
Ветру, бегущему с гор,
Свежему ветру привет!

Шлю вам привет, облака,
В Грузию уплывающие.
Мнущие травы девушки
В росах бахчи, привет!

Ты, черноглазый малыш,
Мой белозубый малыш,
Смеющийся во дворе
Мальчик, тебе привет!

Я, как и ты, окунаюсь
С песнею, с детским смехом
В это росистое утро,
В этот сияющий мир.

Шелесту листьев кланяясь,
Кланяясь ясному небу,
Кланяясь радости детской,
В шумное утро вхожу!

1936

У САДОВНИКА

Я спешу к садовнику чуть свет:
Нынче стал отцом Салах — сосед!

Дремлют яблоки в тенях густых.
Запахом плодов наполнись, стих!

Чистым будь, как первая роса:
Человек с зарею родился!

Песнь моя, мы в сонный сад войдем,
Встанем под распахнутым окном.

Спит малыш, укрытый простыней...
Здравствуй, друг, родившийся с зарей!

1936

ВО ДВОРЕ

Мать принесла воды из родника,
А солнце только-только поднялось,
Порозовели в небе облака,
Расцвел в саду красавец абрикос.
Пахнула горной свежестью вода
И холодом заоблачных вершин.
И я держу в руках, как глыбу льда,
Чуть запотевший глиняный кувшин.

1936

* * *

Ты ночью родилась, холодною зимой.
Но мне все кажется — ты родилась весной.
Ты утром родилась. В сады спускался зной.
И яблоки в цвету склонялись над тобой.

1936

* * *

Дождь сечет бичами скалы.
Гаснут редкие огни...
Дождь, взгляни в окно любимой,
«Доброй ночи!» ей шепни!

Постучи, дружок, по крыше,
Пожелай счастливых снов,
Напой у дома милой
Стебли тонкие цветов.

Утром будут ей отрадой
Освеженные цветы...
В сад любимой падай, падай,
Падай, дождик, с высоты!

1936

* * *

Пускай меня любая спросит мать,
Каким бы дочку именем назвать—
Всем девочкам твое дарю я имя,
Пускай звенит над саклями родными,
Пусть не пройдет и суток возле скал,
Чтоб кто-то это имя не назвал!

1936

* * *

Мне кажется, что все певцы на свете
Тебе стихи и песни посвящали.
Мне кажется, что песни всех столетий
Твой облик неустанно воспевали.

Во всех стихах глаза твои блестели,
Ты, словно солнце, песни озарила,
Как заполняет шум грозы ущелье,
Так заполняло песни имя милой...

1936

ПЕСЕНКА ГОРНОЙ РЕЧУШКИ

Я — горная речушка,
Всю жизнь я тороплюсь.
Эй, где же ваша кружка?
Попробуйте на вкус!

Я услужить вам рада,
Отведайте глоток.
Во мне снегов прохлада
И камня холодок.

Бегу я мимо рощи,
Пересекаю луг,
И тень свою полощет
Во мне зеленый бук.

Мой голос чист и звонок,
Струя моя синя.
И буйвол и ягненок
Напились из меня.

Сегодня спозаранку
Поила я вола
И смуглую горянку
Отмыла Добела.

Бегу не уставая,
Не чуя берегов.
Я только вестовая
Заоблачных снегов.

И пена, точно стружка,
Единственный мой груз.
Я — горная речушка,
Я к морю тороплюсь.

Такой у нас характер,
Капризен и упрям.
Но, говоря по правде,
Без нас не быть морям.

1937

СНЕЖОК

На дворе идет и тает
Первый мяконький снежок
И ложится у порога:
Выходи скорей, дружок!

Знать, недаром нынче ночью,
Ожидаемый давно,
Горный ветер с Бичесына
Постучал ко мне в окно:
Снег идет! Снег идет!
Скоро будет у ворот!

Так стучался горный ветер
У порога моего.
Даже глупый и лохматый
Пес не лаял на него.

Ты явился, гость мой ранний,
Как я рад, что это ты,
Потому что мы с тобою
Одинаково чисты.
Снег идет! Снег идет!
Скоро будет Новый год.

Что-то он несет с собою,
Новый год и новый день?..
Здравствуй, гость мой
В белой бурке
И в папахе набекрень!..

1937

ПЕСЕНКА МАЛЬЧИКА, ЕДУЩЕГО НА ОСЛИКЕ

Ты все мечтаешь
О свежей травке.
Скачи, мой ослик!
Скачи, мой ослик!

Скачи быстрее,
Ты видишь, поздно.
Скачи, мой ослик!
Скачи, мой ослик!

Ты хочешь только
Весенней травки,
А я мечтаю
Иметь машину.

Ту, голубую,
Что прошлой ночью
Во сне мне снилась...
Скачи, мой ослик!

Быстрее, мой ослик,
Так есть хочу я,
А мать, я знаю,
Пекла чуреки...

Мы отрубями
Тебя накормим,
Ты будешь сытым.
Скачи, мой ослик!

Вечерний сумрак
Бежит за нами.
Скачи, мой ослик!
Скачи, мой ослик!

1937

АРОБЩИК

Залиты горы
Светом луны.
Возле дороги
Лежат валуны.

Медленно тащится
Вол круторогий.
Едет аробщик
По лунной дороге.

Руки раскинув,
Глядит в небосвод.
Едет аробщик
И песню поет.

Кузов кряхтит,
Надрывается кузов,
Доверху полон
Блестящих арбузов.

Песне старинной
И скрипу арбы
Возле дороги
Внимают дубы.

Вышла медведица
Прямо к дороге —
Скучно, наверное,
Стало в берлоге.

Воздух втянула,
Попятилась в глушь:

Видно, наелась
Медведица груш...

Слушают песню
Зайцы, лисицы,
Слушают совы,
Которым не спится,

Слушают скалы,
Как из году в год
Все ту же песню
Аробщик поет.

Рад он высокой
Луне и прохладе.
Годы клубятся
Туманные сзади.

1937

ЛЕЙЛЕ

1

Как входит солнце в сонный двор —
Без разрешенья, напролом —
И ветер оснеженных гор
Вдруг спозаранок будит дом,

В мою судьбу ты ворвалась!
В горах тебя я повстречал.
Ты умываешься, смеясь,
Водой, текущею со скал.

Как запах дикого цветка
Вливается в настой садов,
Как счастья весть издалека
Влетает ласточкой под кров,

Ты нынче в жизнь мою вошла,
Вошла, как в землю теплый дождь.
Ты — радость вешнего тепла,
Ты — шум веселых вешних рощ!

2

Смуглы маленькие руки.
Улыбнешься — блещут зубы,
Словно белый снег Дыхтау...
Ну, скорее улыбнись!

Есть ли где еще такая?
Ты — весны зеленой песня.
В ласковых глазах я вижу
Свет предутренней звезды.

Как темный ливень волосы твои!
 Ко мне пришла ты, словно дождь весны...
 Гроза отхлынула. Блестят ручьи.
 Мы в сад пойдем. Там яблоки сочны!

Нарвем их, влажных, вымытых дождем.
 Стряхает капли освеженный сад.
 Скорее в сад. Идем туда, идем!
 На ветках мудро яблоки висят.

И солнце возле каждого куста
 Лучистых зайцев сыплет без числа.
 И молодость, как этот сад, чиста,
 Как воздух послегрозовой, светла.

О, волосы твои как темный дождь!
 Как ливень вешний, ты ко мне пришла,
 Скорее в сад! Идем туда. Идешь?
 Там яблоки созрели без числа!

Множество цветов в Сары-Тюзе.
 На тебя они похожи очень.
 Опьяненные дыханьем их,
 Птицы не смолкая распевают.

Все в росе цветы в Сары-Тюзе,
 Все цветы похожи на тебя.
 Пахнут косы длинные твои
 Свежею травой, нагретой солнцем,

И малины привкус на губах,
 Алы губы, будто бы малина —
 Та, что собирали мы с тобой
 В золотых лесах Сары-Тюза.

Вся радость мира, все улыбки детства
Тебя своим сияньем озарили.

Прекрасна ты.

И мне не наглядеться,

И за спиною вырастают крылья.

Краса и гордость гор моих родимых
В твоём глубоком и спокойном взгляде,
А волосы...

Душистый темный дым их

Неизъяснимо нежен и отраден!

В мой дом вошла ты, словно солнце мая.

И мир как будто стал светлей и шире.

Я миру счастья вечного желаю

За то, что родилась ты в этом мире!

1938

Утром, под солнцем весны золотая,
Моешься не спеша.
Смуглые ноги. И плечи... И шея...
Как хороша!

1938

ЕЩЕ ТРИ ПЕСНИ ЛЕЙЛЕ

1

Снег покрыл кабардинскую землю,
Над равнинами — гул ветровой.
Чутко ветру ночному я внемлю,
Это голос мне слышится твой.

Спит аул, погруженный в истому.
Спит в гнезде заснеженном орел.
Я иду по ущелью ночному.
Сколько снега здесь ветер намел!

Этих гор я постиг обаянье,
Потому что со мной ты всегда,
Этих звезд полюбил я сиянье,
Потому что сама ты звезда.

2

Птица мимо меня пролетела,
Задевая крылами скалу.
Мне бы это крылатое тело,
Полетел бы сквозь ветер и мглу.

Прилетел бы дорогой пернатых
И открыл бы, что в сердце живет:
— Нас любовь превращает в крылатых,—
Потому я пустился в полет!

Словно витязи после сраженья,
Горы спят, не снимая кольчуг,
И врывается в их сновиденья
Песня звезд, разливаясь вокруг.

Вот иду я нагорной дорогой.
В сердце, ярком от звезд золотых,
В эту ночь о тебе, о далекой,
Сам собою рождается стих.

Ночь смежила усталые веки.
Горы спят, заснеженный приют.
Горным кряжам и ветры и реки
Колыбельную песню поют.

Вместе с ними тебе, ясноглазой,
Колыбельную песню пою.
Пусть возьмет ее ветер Кавказа
И примчит к тебе, песню мою.

1938

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВЕСЕННИМ ДНЕМ

О, как хорош наш день: леса. Холмы.
Вершины. Облака. Деревья. Мы!

Мир полон солнца, мир — подобье сада.
В ущелье, у реки, пасется стадо.

Коровы так спокойны, будто свет
Вовеки не знавал тревог и бед.

Мир полон неба и травы зеленой.
Ныряют облака в речное лоно.

О, как хорош наш день: леса. Холмы.
Хребтов вершины. Травы. Солнце. Мы!

1938

МОИ СОСЕДИ

1. Слепой столяр Кайсын

У тезки моего,
У старого Кайсына,
На свете — никого:
Ни матери, ни сына.
К тому же был он слеп.
Но так или иначе,
А добывал свой хлеб
Честнее многих зрячих.
И было очень жаль
Нам старого Кайсына.
Он в доме не держал
Ни свеч, ни керосина.
Среди крошечной мглы
Один для всей артели
Он мастерил столы,
Шкафы и колыбели.
Из колыбелей тех
Мы все повзростали.
Девчонки, как на грех,
Красавицами стали,
Глядят — не подступись
И пудрятя часами,
А мы обзавелись
Огромными усами...
Я помню вечера,
Лимонный свет заката
И пальцы столяра,
Как пальцы музыканта;
Как под лучом косым,
Тускнея, гасли краски.

Работая, Кайсын
Рассказывал нам сказки.
Он цену знал себе.
Он и по этой части,
Не только по резьбе,
Был настоящий мастер.
За мужество его
К награде не мешало б:
Ни разу от него
Никто не слышал жалоб.
И покоряли всех,
От мала до велика,
Его лукавый смех
И добрая улыбка.
Работы было — тьма
Его рукам умелым.
За летом шла зима.
Он жил любимым делом.
Вошел он в каждый дом,
И надолго — поверьте!
Добыл себе трудом
Он право на бессмертье.
Бессмертен только труд
И кто ему причастен...
Вовеки не умрут
Твои деянья, мастер!
Земле родной добра
Ты в жизни сделал много.
Она сама добра,
Но взыскивает строго,
Бессмертье тем суля,
Кто не слабеет духом...
Родимая земля
Тебе да будет пухом...

2. Фельдшер Петр Иванович

Жил он в нашем ауле
С незапамятных пор.
Годы спину согнули,
Затуманили взор.
Бились горные реки,

Полыхала гроза,
И усталые веки
Жгла от ветра слеза.
Таял выпавший за ночь
С грязью смешанный снег.
Шел к больному Иваныч,
Золотой человек.
Так его называли
За отзывчивый нрав.
И желанней едва ли
Был гость на пирах.
Он нигде не был лишним.
И лишь от муллы
Ничего он не слышал,
Кроме хулы.
— Не ходите к гяуру! —
Говорил тот в сердцах. —
Передохнете сдуру,
Да простит мне аллах!.. —
Как-то с лошади, что ли,
Свалился мулла.
Встал и охнул от боли.
Видит, плохи дела.
Он домой еле-еле
Добрел по стене...
— Где Иваныч? — с постели
Взывал он к жене.
Он-то знал, что надежней
В подобных делах
Наш Иваныч-безбожник,
А не аллах.

3. Кузнец Карабаш

Много в кузнице народу.
И особенно — зимой.
Рассуждают про погоду,
Не торопятся домой.
Славный малый Карабаш,
Как зашел к нему — шабаш.

В бороде густая проседь,
Но она совсем не в счет!..
Хоть его никто не просит —
Сам рассказывать начнет.
А рассказчик Карабаш —
Скажем прямо — все отдашь!

Разбавляет правду ложью,
Как водичкою — айран.
Разобраться невозможно,
Где тут правда, где обман.
Размешает Карабаш,
И выходит баш на баш.

Дескать, вы слышали сами,
Даже Киров знал меня.
Я вот этими руками
Подковал ему коня.
Как просил меня: «Уважь,
Сделай милость, Карабаш!»

Полыхает отсвет горна
На облупленной стене.
Подмигнет кузнец задорно,
Обращается ко мне:
— Доставай-ка карандаш!
Что расскажет Карабаш!

Вынет трубку из кармана
И давай плести свое,
Что в гареме у султана
Очень сладкое житье...
Люди скажут:
— Ну и блажь! —
Усмехнется Карабаш.

— Это, — скажет, —
В нашей воле.
А без выдумки рассказ
Все равно, что плов без соли.
Как же можно без прикрас!.. —
Вот каков рассказчик наш,
Знаменитый Карабаш!

4. Мельничиха Аминат

До чего свою жену
Уважает мельник!
Видно, знает ей цену:
Сам-то не бездельник.
Нос в муке у Аминат,
Щеки точно пышки.
Говорит сна подряд
Час без передышки.
Повстречает у ворот
Кумушек-соседок,
Весь аул переберет
Уж и так и эдак:
Что соседи навезли
В новую квартиру,
Где сегодня поднесли
Чарку бригадиру...
У нее в доме ребят
Чуть не целый улей:
Ведь рожает Аминат
Чаще всех в ауле.
Разве справишься — одна,—
Дел с детьми ей бездна!
Поглядите, как она
С кузнецом любезна,
Суется без конца,
Бегает, хлопочет —
Дочь за сына кузнеца
Выдать замуж хочет.
Неужели он не рад?
Экий привередник!..
Вытирает Аминат
Руки о передник,
Говорит и говорит.
Все ей знать охота.
А в руках ее горит
Между тем работа.
Без работы Аминат
Умерла б со скуки.
Про нее и говорят:
«Золотые руки!»

5. Бригадир Соллоу

Он обходит дом за домом,
Поднимает свой народ.
Ни родным и ни знакомым
Он поблажки не дает.

До чего же неохота
Летом девушкам вставать!
Чуть начальство за ворота,
Как они в постель опять.

От начальства нет покоя,
До того оно хитро!
У него нутро такое —
Беспокойное нутро.

Между прочим, два предмета
У него припасены:
Шляпа белая — для лета
И папаха — для зимы.

Знают их по всей округе,
И понятно — как не знать!
Бригадировы заслуги
Людям за версту видать.

Знает он свою работу,
Да и любит как-никак.
А с соседями в субботу
Он и выпить не дурак.

В зимний полдень, синий-синий,
Он спешит издалека
И, с усов смахнувши иней,
Ловит запах шашлыка.

Он в ладу с бузой шипучей,
Но особой нет беды,
Если, скажем, выйдет случай —
Поднесут «шайтан-воды».

Знаменитую папаху
Нахлобучив на глаза,
В пляску кинется он с маху...
Вот что делает буза!

6. Зурнач Хажос

В руках у Хажоса
Работа горит.
Захочет — в два счета
Зурну смастерит.

Усы у Хажоса
Отменной длины.
Растут из-под носа
Густы и черны.

Бывало, заложит он
За уши их,
Пройдется по улице —
Чем не жених!

Сидит на пиру
Со своею зурной,
Скосивши на девушек
Глаз озорной,

Моргает задорно —
Краснеют они...
Работы по горло
В Октябрьские дни.

С утра возле клуба
Толпится народ.
Усталость, видать,
Зурнача не берет.

Играет в оркестре
С зари до зари.
На новой черкеске
Блестят газыри.

А возле Хажоса,
Потупивши взгляд,
С гармонью своею
Сидит Фатимат.

Всегда нелады
У нее с зурначом,
Не знаю, в чем дело,
А я ни при чем...

7. Сапожник Мухаммад

Сидит сапожник Мухаммад
И трубочкой дымит.
Видать, дела идут на лад:
Такой довольный вид!

— Да,— говорит он наконец,—
Дела минувших дней...
А между прочим, мой отец
Когда-то крал коней.

Не раз рассказывал он мне
Об этих номерах.
Гуляют кони при луне
На пастбище в горах,

А он, откуда ни возьмись,
Скорей уздечку в горсть
И мчал на ярмарку в Тифлис
Иль рядом — в Пятигорск.

Поймали как-то храбреца
И вычли все долги...
А я, как видишь, не в отца,
Тачаю сапоги.

И на свое житье-бытье
Не жалуюсь ничуть.
И дело делаю свое
С душой, не как-нибудь.

Корову с телкою держу,
Зимой сижу в тепле.
И уж не крадучись хожу
По матушке-земле.

Чего мне крадучись ходить!
Хожу я в полный рост.
Как председатель, может быть,
Я занимаю пост.

Нигде сапог прочней моих
Ты сроду не найдешь.
Ведь и на свадьбах только в них
Гуляет молодежь.

Особо девушкам я рад —
Любую назови...
Иная, скажем, просто клад,
А не везет в любви!

И улетела б из семьи,
Да парни не берут.
Обует туфельки мои —
И свадьба тут как тут.

И мужа, веришь или нет,
Возьмет под каблучок.
Такой уж знаю я секрет,
Но только ты — молчок!..

Все мне «спасибо» говорят,
А девушки — вдвойне.
Недаром любит Фатимат
Захаживать ко мне!

Ведь надо в людях понимать,
Чтоб делать сапоги,
Чтоб ты надел их и снимать
Не захотел с ноги,

Чтоб было в них милей всего
Отметить Первомай.
Когда какое торжество —
Обновку вынимай!

Такой сапожники народ,
Что радость вам несут,
А это значит в свой черед,
Что им на радость труд!..

8. Ашуг Бекир

Знает вся округа
Старого ашуга.
Множество народа
Ждет его прихода.

Глянет он с порога,
Дескать, что за мода,
Что-то больно много
Собралось народа:

Чуть не полколхоза!
Дело за бузою...
Левый глаз с мороза
Искрится слезою.

В бороде колючей
Солнечные зайки.
Он на всякий случай
Говорит хозяйке:

— Ох, хозяйюшка-душа,
До чего ж ты хороша,
До чего красива!
Я хвалю не за глаза.
Ведь, пожалуй, и буза
У тебя на диво!..

Он поднимет чашу
За хозяйку нашу.
Прежде чем пригубит,
Сбалагурить любит:

— Здравствуй, желтая буза,
Непоседа, егоза,
Ишь какое зелье!

Это я — старик Бекир,
Без тебя нам пир не пир,
Не пойдет веселье...

Не пройдет минутки
Без веселой шутки,
Песни или тоста —
Удивленье просто!

Радуются люди
Старику заране,
Подают на блюде
Голову баранью.

Старому ашугу
Лучше нет награды,
Что ему, как другу,
Люди всюду рады.

9. Учитель Борис Игнатьевич

Родился он в русской деревне,
Где ночи от снега светлы,
Где летом роняют деревья
Пахучие капли смолы.

И вот привели его ноги
К нам в горы на старости лет
Изведать такие дороги,
Которых на родине нет.

Извилисты, круты и узки,
Пред ним они в узел сплелись,
Но он терпеливо, по-русски,
Все время карабкался ввысь.

Он шел с вдохновенным упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.

И вновь довелось мне родиться
В тот солнечный день сентября,
Когда я сидел над страницей
Раскрытого им букваря.

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,—
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.

Сквозь годы, лишения, старость
Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный «Парус»,
Летающий в бескрайний простор...

Учитель мой! Добрый и милый!
Прости мне бывшие грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

1939—1940

НОВЫЙ ГОД ПРИШЕЛ В ГОРЫ

1

Пахнет в пещерах овечьим пометом.
Высыпал снег новогодний впервые.
Он покрывает вас белым налетом,
Доброй вам ночи, о горы родные.

Что ему, Новому году, обвалы?
В саклях огни засветил он живые,
Вот он пришел, одолев перевалы.
Доброй вам ночи, о горы родные.

Спит на скале одиноко рябина,
Вскинула ветви от снега седые.
Новому году кивает вершина,
Доброй вам ночи, о горы родные.

Всюду снега, будто в дни Прометея.
К этой скале, видно, был он прикован,
Думал он думу, душою болея,
Этими звездами был очарован.

Буйствуют реки, дрожа от досады.
Снегом наполнены бездны глухие.
Новому году аулы так рады,
Доброй вам ночи, о горы родные.

Много зерна в закромах накопилось,
Много трудиться пришлось скотоводу,
Много детей ваших в школах училось,
Много вы сделали к Новому году.

Пусть отдохнут чабаны, хлебоборобы,
Пусть отдохнут малыши озорные.
Милым горянкам привет мой особый.
Доброй вам ночи, о горы родные.

2

Солнцем вы залиты Нового года,
Белые, все вы теперь золотые.
Как изменили вас краски восхода,
Доброе утро, о горы родные!

Солнце поднимется к гнездам орлиным,
Новыми занято будет трудами,
Будет сиять оно белым долинам
И старикам, убеленным годами.

Бабушка наша медовой бузою
Потчевать будет соседей, соседок,
Звуки зурны разольются волною,
Старые пустятся в пляс напоследок.

В школе устроят свой утренник дети —
Много детей в нашем горном селенье,
Может, мое прочитают в газете
Новое, свежее стихотворенье.

Там, где аул Булунгу за туманом,
Где перевалы видны снеговые,
Тихо плывут облака над Баксаном...
Доброе утро, о горы родные.

Снегом тяжелым калина одета.
Мимо текут облаков вереницы.
Вот уже солнцем калина пригрета,
Вот уже нежно клюют ее птицы.

Тучи уходят к Дыхтау с Эльбруса,
К ним протянул свои руки большие
Горный утес, богатырь седоусый...
Доброе утро, о горы родные.

1940

ТАБУНЩИК

Человеку не впервой
Бодрствовать ночами.
Вроде тучи грозовой
Бурка за плечами.

Ногу в стремя — и скачи
Далеко-далече!..
Горы снежные в ночи
Развернули плечи.

Ночь, тревожна и темна,
Подступает молча.
Где-то возле табуна
Бродит стая волчья.

Смотрят волки вслед коню,
Щелкают клыками.
Меж собой начнут грызню —
Шерсть летит клоками.

Человеку не впервой
Шишки достаются —
Опьяненные травой,
Жеребцы дерутся.

Реки горные шумят.
В скалах гром дробится.
С гор сорвался водопад,
Как самоубийца.

В тучах смутная луна
Плавает беспечно.
Ночь тревожна и темна,
Но не бесконечна.

Отгремела и гроза.
Тучи — мимо, мимо,
Будто в ясные глаза
Заглянул любимой.

И такая синева
На душе воскреснет!
И кружится голова,
И рождается песня.

Добрый конь
Заседлан вновь,
Полетел, как птица.
Песня, всадник и любовь —
Все вперед стремится!..

1940

В ГОРАХ

Пусть над дорогой гремит обвал,
Но вперед мы идем, скользя;
Ливень, ревуший потока вал,
Но нам перед ним стоять нельзя.

Этих обвалов похож размет
На обрывки сказаний тут,
Темные камни, где поворот,
Словно нарты в засаде, ждут.

Гром здесь такой, точно нас громят
Из орудий небес войска,
Волны речные в пене кипят,
Точно, спасаясь, летят у скал.

Мы запоздали. На камни круч
Искры мечет подковы стук,
Молнии пышут из клочьев туч,
Гривы коней освещая вдруг.

Снова копытами тьму толочь,
Молнии бьют обвалов края,
Трудно ехать в такую ночь,
Ехать в таких горах, друзья.

Молний и грома полон простор
В ночь, когда буря идет, круша.
Что ж! Пусть опасны дороги гор,
Мужеству здесь учись, душа!

1940

ДОЖДЬ ЗАСТАЛ НАС В ДОРОГЕ

Этот дождь нас застигнул в дороге,
Когда ехали мы из Баксана,
Коням вымочил гривы и ноги,
Налетевши, как вестник неожиданный.

Так летел он с высот Бичесына,
Словно враг по пятам за ним гнался,
И, спасаясь дорогой долинной,
Точно нас нагонять он поклялся.

С мокрых бурок потоки стекают,
Башлыки наши бурок мокрее,
След копыт струи враз заливают,
Кони наши идут все скорее.

Мочит дождь и машины и грузы,
Поит, радуется в поле пшеницу,
Горный дождь, омывая арбузы,
Словно конь неоседланный, мчится.

По бахчам, до краев напоенным,
Обогнав нас, все дальше он гнался,
Состязаться с ним трудно и конным,
Раньше нас он и в город ворвался.

Раньше нас он на город нагрянул,
В окна наших домов постучал он,
Водостоками пенными прянул
И на радость детей заплясал он.

Трое всадников, едем мы вместе,
Дождь догнал на пути из Баксана,
Словно был он веселою вестью.
Мы мокры с башлыков до арканов.

Дождь хлебами зелеными тоже
От аула к аулу несется.
В шалаше своем маленьком сторож.
Он доволен, глядит и смеется.

1940

ГОРНАЯ БАЛЛАДА

Рождайся, как обвал, баллада.
Строка — орлиных крыльев взмах.
Стремись вперед сквозь все преграды,
Как всадник, скачущий в горах.

Ты отрази так ясно горы,
Как утром буйвола глаза,
И скачку всадников, и шорох
Травы, и дальние леса.

Тебе стремительной быть надо,
Как молний блеск, как стук подков.
Ты слышишь ли в горах, баллада,
Весенний зов, олений рев?..

Машина мчит, и конь за нею
Не отстает на всем пути...
Баллада горная, быстрее,
Не отставай от них, лети!

Мелькнула бурка, галстук рядом
Мелькнул, и все исчезло вдруг.
Лети туда, моя баллада,
Где красный галстук на ветру.

Как будто свист погони сзади,
Летит машина все быстрее,
А следом в бурке мчится всадник,
Как будто гонится за ней.

Машина стала. В клубах пыли
Домчался всадник — и с коня.
Пожали руки. Прикурили.
И дальше в путь, в сиянье дня.

Орел с высот своих победных
На горы как владыка гор
Взирает. Две реки соседних
Никак не кончат разговор.

Зашедшим в горы пионерам
Гроза испортила маршрут,
И в шерстью пахнущих пещерах
Они нашли себе приют.

И козы на скале заснули,
Охотник сжал винтовки сталь,
А гордый тур, как в карауле,
Застыв над стадом, смотрит вдаль.

И, видя, как он гордо замер,
Стрелок заколебался вдруг.
Как будто высечен из камня,
Тур со скалы глядит вокруг.

Но ветер потянул прохладой,
И ноздри тура дух людской
Ожег. Хотел он прыгнуть к стаду,
Чтоб дать сигнал тревожный свой,

Но выстрел огласил раздолье,
Дорогу преградив ему.
И вот, закрыв глаза от боли,
Он в пропасть валится, во тьму.

На миг открыв глаза, он стадо
Увидеть думал, но не смог,
А увидал последним взглядом
Небес кровавый уголок...

Летит машина. Солнце село.
Догнал нас ливень в блеске брызг.
Мы, как в поэзию Пшавелы,
Под гром в ущелье ворвались.

Кинжалами звенели струи,
Сек сильный ливень скал тела.
Но, разрывая мглу сплошную,
Машина наша шла и шла.

Как вражьи части, ливень спорый
Нам ставил тысячи преград,
Стремясь закрыть дорогу в горы,
Остановить, погнать назад...

Из полного дождем ущелья
Въезжаем в праздничный аул.
В одном доме царит веселье.
Зурна играет. Топот. Гул.

Тут затанцует и калека.
В колхозе горном знатный пир.
Сегодня свадьба Темирбека —
Женился лучший бригадир.

Вновь за машиной всадник скачет.
Ущелье сзади. Тишина.
И высоко орел маячит.
И далеко поет зурна...

В горах на тех глядят с досадой,
Кто хлещет доброго коня.
А я хлестал тебя, баллада,
Пусть Тихонов простит меня!

1940

ИЗ ТЕТРАДИ «В СТАРОЙ РУССЕ»

1

Здесь русский мягкий снег идет.
Я ж вижу горы то и дело:
Дикаркой грушей вдруг пахнет,
Блеснет в глаза малиной спелой.

Легенда вдруг приснится мне,
Как тень орла, скользнет по скалам,
Когда же в снежной пелене
Бреду один куда попало,

Возникнет вдруг чегемский жар,
В ущелье тропочка лесная
Покрыта листьями чинар...
Я там ходил. Я все там знаю.

Мне слышно: там шуршит листва,
Наводит осень свой порядок.
Как верно сказаны слова:
«И дым отечества нам сладок».

И сказки детства мне всегда
Напоминают горы эти.
Вершины их во все года
На всех путях мне мягко светят.

Лежит тумана кисея
Преданьем по ущельям черным,
Где песня первая моя
Ушла, как тур, по тропкам горным.

Да, словом «горец» ты всегда
Сумеешь вдруг меня растрогать —
Вершин в нем дышит высота
И слышен в нем орлиный клетот.

Ты это слово не роняй
И будешь истинным поэтом,
Любой нам в мире дорог край,
Но своего дорожке нету.

И в целом мире нет для нас
Дорожке той земли орлиной,
Мы встретим свой последний час,
Обняв ее сухую глину.

Да, мы страну — на том стоим! —
Не подведем. Ее поэты,
Мы кровь по капле отдадим,
Лишь ей понадобится это.

А в тех, кто сразу не отдаст
Ей все в минуту потрясения,
В тех я заранее сейчас
Бросаю камень — песнь презрения!

2

Мчались лыжи, лес дремучий
Жизнью занят был своей.
Я глядел, как снег сыпучий
Осыпается с ветвей.

Вновь сегодня бор сосновый
Мне открылся вдруг в метель
Незнакомой сказкой новой,
Мной не слышанной досель.

Дремлют сосны вековые.
Тишина. Лишь треск ветвей.
Здесь, в лесу, душа России
Постигается полней.

В том городке, куда я занесен,
Где пахнет древней летописью русской,
Жил как-то Достоевский. Может, он
Бродил здесь так же улицею узкой

В снегу под вечер или поутру
Среди домов, заснеженных зимою,
И видел он, как этот дым из труб
Уходит в небо серое, стальное...

Сто лет назад жил Достоевский тут,
А древний город пахнет и поныне
Легендами Руси. Ветра метут
И вихри снега гонят по равнине.

Они на город с Ильменя летят,
Как вражьи орды в диком упоенье,
Но за предместьем сосны встали в ряд,
Как витязи, что вышли дать сражение.

Метельный вечер. Снег. Огонь поет
В любой печи — такое время года.
И русская красавица несет
Навстречу мне на коромысле воду...

Да, нынче песни стороны лесной,
Как песни гор, мне сделались родными.
Но все же горы вечно предо мной
Стоят, блестя вершинами своими.

Они, как символ мужества, стоят,
О раннем детстве мне напоминая,
Любую землю чествовать я рад,
Но сын я лишь тебе, земля родная.

Любой очаг — святыня для меня.
Я за тепло всех очагов болею.
Но тот, в ауле, у чьего огня
Ребенком ползал, тот мне всех роднее.

Всем матерям мой искренний поклон,
Но та, кем хлеб, мой первый хлеб на свете,
На этом очаге был испечен,—
Второй такой уже нигде не встретить!

Того мне хлеба запах не забыть,
Хотя с тех пор я пережил немало,
Вовек не в силах сердце разлюбить
Родную землю, как орлица — скалы.

Равнины, сосны, снежный русский бор,
Приветствую я их, родных и близких,
Но, повернувшись в сторону тех гор,
Где я рожден, я кланяюсь им низко.

В дома России, где горят в печах
Сосновые поленья, я влюбился.
Но снится мне аул и тот очаг,
Где жгут чинары,— край, где я родился.

4

Если мне когда-нибудь случалось
Из лесу с дровами опоздать,
Мать к соседям вечером стучалась
И просила робко погадать.

А теперь я далеко, родная!..
Русских сосен шум над головой,
Здесь под посвист вьюги вспоминаю
Я тебя, далекий образ твой.

Мне, как сны на выбор золотые,
Нынче сказка каждая твоя.
Шаль твою и волосы седые
Пред глазами часто вижу я.

Голос твой я слышу издалека,
Он звучит как будто в полусне.

Ты глядишь оттуда, с гор высоких,
На звезду, тоскуя обо мне.

Запах сосен. Ветра свист печальный,
А бывает вихрь — в глазах темно.
Запах дыма из аулов дальних
К нам сюда доходит все равно.

И гадать ты ходишь, как когда-то,
Средь густой вечерней темноты.
— Как живется моему солдату? —
У соседок спрашиваешь ты.

Мать, оставь. Твой сын давно уж взрослый.
Что к соседкам попусту идти?
Сын теперь здесь учится, чтоб после
В трудный час тебя от бед спасти.

Ищешь ты таких, кто не обманет,
Кто умеет лучше всех гадать.
Я учусь, чтоб, если бой нагрянет,
Поперек его дороги встать.

Мужеством своей земли вскормленный,
Я не изменю, не изменюсь
И, твоей любовью сбереженный,
После трудных битв к тебе вернусь!

5

Здоровый поймет ли больного судьбу?
О боли моей говорить ли с тобой?..
Если коню крутят губу,
Он только один понимает всю боль...

Как сытый с голодным, со мной ты была!
Каких бы я слов для тебя ни обрел,
Боль пробитого пулей крыла
Может понять только сам орел.

Ты б жить хотела, ни на что не тратясь,
 Чтоб для себя одной прожить свой век.
 Но разве это жизнь и в этом радость?
 И для того ль родится человек?

Ты б жить хотела для себя — и только.
 А здесь я вижу тысячи кругом
 Таких, как я, по чувству и по долгу
 За всех людей стоящих под ружьем.

Им пальцы жжет затвор, как лед холодный.
 Я — как они. И все, что в них, — мое.
 Во имя всех людей земли свободной
 Я жизнь свою поставил под ружье.

А ты живешь собой, своей персоной.
 Кто в наших судьбах общее найдет?
 Орла в полете не сравнить с вороной,
 У каждого коня свой шаг, свой ход.

Примчится старость — это быстрый всадник.
 И ты поймешь, что натворила ты,
 Что пусто впереди и пусто сзади,
 Над целой жизнью ни одной звезды.

Ну кто тебя полюбит? И за что же?
 Ведь ты любить не сможешь никогда!
 Ведь ты сама себе всегда дороже,
 Чем все и всё. Как жизнь твоя пуста!

Живешь ты лишь причудами своими.
 И шелест трав родной земли твоей
 Тебе как звук пустой. Ты даже имя
 Мое забудь! Произнести не смей!

*1941, январь, февраль
 Старая Русса*

ПЕРЕД БОЕМ

Я родился в ущелье Чегем,
Средь высоких обветренных скал,
Был моей колыбелью Чегем,
Песен горных я много слышал.

Там когда-то смотрели с высот
Круторогие туры на нас.
Мать, бывало, мне песню поет —
Смотрят строгие туры на нас.

Там и в школу я бегал зимой,
Буквы первые стал разбирать,
Там, в метель возвращаясь домой,
Имя «Ленин» вписал я в тетрадь.

С пионерами в день Октября
Там я пел «Интернационал»,
Жаждой грозного «боя» горя,
Там на палке верхом я скакал.

Через час начинается бой.
Мать, я вижу твой ласковый взгляд,
Ты глядишь на меня, ты со мной,
Вот морщины твой лоб бороздят...

Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твое повторять —
В нем я силу для битвы беру.

Мать, сейчас начинается бой,
Свищут пули, сверкают штыки,
И швыряются пушки землей,
Поднимая ее, как быки.

Коль сразит меня эта гроза,
Будет белобородый певец,
Прикрывая сухие глаза,
Петь о том, как сражался боец.

И в мерцании звездных ночей
Тот же ветер над горной грядой,
Что играл темной прядью моей,
Станет белой играть бородой.

Будет песня по свету кружить,
По ущельям, аулам, домам,
С чабанами подолгу дружить
И на свадьбах звенеть женихам.

Рыжим скалам полюбится песнь,
Всем скитальцам, сердцам храбрецов,
Перевалам полюбится песнь,
Матерям, потерявшим сынов.

Сакли имя мое обойдет,
Станет песнею бранный мой труд,
И услышит в ней горный народ
То, что про Гапалау поют.

Косы черные, мать, распусти,
Шаль на плечи накинь, не тужи,
Слушай песню, не плачь, не грусти.
«Я взрастила Кайсына, скажи.

Быть свободным, как горный орел,
Научила я сына-певца,
Мной вскормленный, он смелость обрел.
Был он горным орлом до конца».

* * *

Как ждет орленок мать свою,
Что далеко летает где-то,
Так, прерванная в грозный час,
Поэма ждет с войны поэта.

1941

СОСНЫ РОССИИ ШУМЯТ

Дождь отстучал — только листья блестят.
Осень. И тучи плывут в поднебесье.
Грустно. Дорога не радует взгляд.
И, напевая нам хмурую песню,
Сосны России шумят.

К фронту идет за отрядом отряд.
Сосны, как сестры под гнетом кручины,
Нас провожая, печально глядят,
И без умолку шумят их вершины,
Сосны России шумят.

Будто глухую тревогу таят,
Мерно качаясь и вслед нам глядя,
Мокрые — дождь был три дня подряд —
Сосны грустят, оставаясь сзади.
Сосны России шумят.

Верю: о нас они сохранят
Память. И будут шуметь ночами,
Вспомнив ряды молодых солдат...
Всюду дороги размыты дождями.
К фронту идет за отрядом отряд.

Сосны, как сестры, нам вслед глядят.
Грязь тяжелит нам усталые ноги.
Русские сосны вокруг стоят,
Качая вершинами у дороги.
Сосны России шумят.

К фронту идет за отрядом отряд.
А вдоль обочин, у самого края,
Может быть, песню о нас создавая,
Сосны России шумят.

1941

ЛЮБИМОЙ С ФРОНТА В ПЕРВЫЙ ГОД ВОИНЫ

1

Огромный простор, разлучивший нас,
Заливает кровью война.
Разливы морей, разделивших нас,
Застилает дымом она.

По скорбной и темной тропе войны
Мое сердце идет к тебе,
На гребне кровавой крутой волны
Мое горе плывет к тебе.

Услышь через головы черных бед,
Родная, мою печаль!
Как раненый воин, она к тебе
Пробирается в темень, вдаль.

По трудным дорогам войны ты шла
Тут же, рядом, вместе со мной.
Мне имя твое что струя тепла
В зимнем мраке тоски ночной.

Не знаю теперь ничего о том,
Где бровей твоих легкий взлет.
Вот сохнут чернила в перо моем,
А тревога в душе растет.

2

Привелось ночевать в соломе мне.
Я озяб и очень устал,
И всю ночь я видел тебя во сне.
А когда я, очнувшись, встал —

Голод, холод были со мной в тиши
И еще — по тебе тоска.
То не ты ль соломой моей шуршишь?
Подошла... и вновь далека.

Я сегодня увидел первый снег
И на нем... не твои ль следы?
Не твоей ли шубки мелькнул мне мех?
Не меня ль окликаешь ты?

3

Белика война. Нет конца полям,
А дороги что песни горя.
Словно ветер, гуляет несчастье там,
Люди бьются в кровавом море.

Упасут ли от смерти меня поля?
Приведет ли к тебе дорога?
Или скажут они: «Не сыта земля,
Хочет крови еще немного».

Припаду ли я, как бывало, вновь
К твоим жарким губам губами?
Стану ль пить, как прежде, твою любовь,
Глядя в глаз твоих черных пламя?

4

Как слова старинной песни забывают,
Так и ты меня забудешь, может быть.
Кровь солдата с камня дождь порой смывает,
Так и ты меня разлюбишь, может быть.

Ну, а может, в сердце что-нибудь осталось,—
Не забудешь вкуса крепкого вина.
Пусть порою слово в песне забывалось,—
Тем, о чем певалось, все душа полна.

«На войне забывают любовь свою».
Лжет, кто эти слова сказал.
Тот, кто так сказал, не бывал в бою,
Никогда он не воевал.

Моя просьба к судьбе так мала:
Полчаса бы побыть мне с тобой,
Полчаса бы судьба мне дала.
Человек, будь услышан судьбой!

А потом я под пули готов,
Мне ни раны, ни смерть не страшны.
Но не слышит судьба моих слов,
И с тобою мы разлучены...

1941

ТЫ ЖДЕШЬ МЕНЯ

То подолгу глядишь вечерами вдаль,
На крутые камни дорог.
Не твоя ли скрыта в горах печаль,
Там, где даль туман заволок?

Словно мягкая шуба, январский снег
Покрывает плечи вершин.
А тебе уже снятся разливы рек:
«Снег растает — вернется сын...»

Летним ли вечером в горы глядишь,
Ветер с чинары листик стряхнул...
«Скоро настанет осенняя тишь,
Выпадет снег, сын вернется в аул...»

Словно горская песня, доходит ко мне
Материнская боль-тоска,
Дорогая, как мысль о твоей седине,
Как дыханье твое, близка.

Не забыть дорог среди бурых скал,
Где травинка детства росла.
Я мальчишкой с пастбищ по ним сбегал,
Молоком нагрузив осла.

Каждый камень гор для поэта — стих,
Каждый выступ скалы — строка.
Сколько песен скрыто в тропах крутых,
И поэмой течет река.

1941

ЖИЗНЬ, Я ТВОЙ СЫН!

Жизнь! С тобой в часы веселья чистого
Пил вино и пел что было голосу.
На пирах отплясывал неистово,
Пятерней назад отбросив волосы.

Но война сковала землю стужею,
Жизнь, печаль пришла к тебе нежданная.
Я, твой верный сын, беру оружие.
Боль твоя моею стала раною.

Мать моя! Вмещает сердце воина
Песнь твою, и пляску, и страдания,
И любовь сыновняя удвоена
Материнской сединою раннею.

1942

ДОРОГИ МОИ

Дороги горные в полуночной тени,
Задумчивые, словно от кручины,—
Таковыми мне привиделись они.
Глядят на них деревья из лощины,
Как сын на материнские морщины:
«Состарилась, родная, в эти дни!»
Деревья, как печальные горянки,—
Таковыми вспоминаются они.
Мне видятся на выжженной полянке
Угрюмые обугленные пни.
О камни гор не я ли ранил ноги,
В пыли дорог не мой ли виден след?
Пройдет беда — и к вам, мои дороги,
Под кровли скал вернется ваш поэт.
Дороги горные задумались, уснули.
Таковыми мне привиделись они.
Вечерний дым над саклями в ауле.
И лай собак. И редкие огни.

1942

ВСЕГДА ГОРДИЛСЯ ТЕМ, ЧТО ГОРЕЦ Я!

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда.

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет,
Мне русые знакомы латыши,—
Я, раненный, оставил крови след

На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом.
Жестокой битвы дым по волосам
Полз у меня в окопе под Орлом.

Я по дорогам севера бродил.
Любил простор и ширь его степей,
Хлеб дружбы ел и воду дружбы пил,
И все-таки всегда в душе моей

Блестел далекого Эльбруса снег,
Вздымались острые вершины скал.
Поднявший голову седой Казбек
Везде мне чудился, всегда сверкал!

Мне рощи сосен по душе пришлись,
Их смутный шум и свежая хвоя,
Я их люблю, но все-таки всю жизнь
Я горд был тем, что вольный горец я!

Я видел пляски северных степей
И среди них прекрасные встречал,
Но твой, лезгинка, бешеный напев
Сильнее всех в моей душе звучал.

Да, я люблю косматой бурки взлет,
И белый треугольник башлыка,
И стук копыт в горах, когда вперед
Уносит конь лихого седока.

Как горд я вами, милые края,
Коварный враг! Оставь свои мечты,
Что эту гордость потеряю я.
Нет, жизнь скорее потеряешь ты!

1942

ЗЕМЛЯ МОЯ

О родина былин — земля моя,
Народ твой — исполин, земля моя,
Ты — мать, а я твой сын, земля моя.
Прекрасней нет долин, земля моя!

Родная! Чем бежать, забыв борьбу,
Чтобы враги, сойдясь со всех сторон,
Спешили превратить тебя в рабу,
Последний я в ружье вложу патрон.

Как бьется за свое гнездо орел,
Так буду за тебя сражаться я,
Я кровью напою твой каждый дол,
Умру, обняв тебя, земля моя!

Чем дать врагу топтать траву твою
И с робостью глядеть на твой позор,
Пусть лучше смерть сразит меня в бою,
Чтоб спать мне на груди родимых гор.

Чем чувствовать в груди стыда огонь
И звать тебя чужой, моя земля,
Пусть мой остывший труп растопчет конь,
Пусть кровь моя зальет твои поля.

Чем в ужасе бежать от тех зверей,
Что, задушив дитя, терзают мать,
Я мертвым храбрецом хочу скорей
На бурке боевой своей лежать.

Чем знать, что упадет на труса след
Холодная слеза из детских глаз,
Прощальный пусть они пошлют привет
Тому, кто пал в бою за свой Кавказ.

Чем слушать, затаив в душе позор,
Знакомый, гордый шум орлиных крыл,
Хочу, чтобы орел, владыка гор,
Крылами, точно брат, мой прах накрыл.

Когда б мне на Эльбрус глядеть пришлось,
В плен голову его отдав врагу,
Уж лучше б прядь густых моих волос
Бураном занесла зима в снегу.

Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Орлы Кавказа, с кем дружить без вас?
Родные пляски, как прожить без вас?
Друзья мои! Кому служить без вас
И голову за что сложить без вас?

Чем родину предать врага мечу
И на коленях жить, уж лучше я,
В сражение за тебя упав, хочу
Спать на груди твоей, земля моя!

ДЕДОВСКИЙ ДОМ

Валя в лесу дубовые стволы,
Дед на скале построил крепкий дом.
Теперь лишь груды пепла да гора золы
На этом месте. Дом сожжен врагом.

В изломанном саду — ни деревца,
Лишь обгорелая чернеет ель...
В том доме бабка родила отца,
Там мать мою качала колыбель.

В былые дни отец в расцвете сил
У горного козла спилил рога,
Пронзив его кинжалом, и прибил
Рога его к столбу близ очага.

Кавказец смотрит, сдерживая гнев,
На груды пепла. Дома больше нет.
Рога погибли, рухнули, сгорев,
Дубовые столбы, что ставил дед.

Сгорел тот снимок, на котором он
С кинжалом снят в черкеске у крыльца.
Висевшая в простенке меж окон,
Сгорела бурка моего отца...

Сгорел тот дом, в котором вырос ты,
Где мать певала песни для тебя,
Где ты лелеял юности мечты,
Где жил ты, вольность горскую любя.

И все ж кой-что осталось: ты нашел
Котел, который под золой лежал.
Он закипит еще, родной котел,
На новом очаге... А вот кинжал

Торчит в земле. Ты вытащил его
Из обгоревших кожаных ножен.
Он почернел от дыма. Ничего!
Для мщения еще годится он!

1942

СЛОВО СЕРДЦА

Может быть, еще придется видеть мне
Дом родимый под дымящейся золой.
Помертвеет сердце в грозной тишине,
Вместо дома видя призрак нежилой.

Пусть хоть так. Хотя и горько, пусть хоть так.
Пусть останусь без родимого угла,
Лишь бы не глядел с усмешкой лютый враг,
Как бледнеет драгоценная зола.

Если я и не дождусь такого дня,
Чтоб увидеть скорбный город мой средь скал,
Пусть мой друг его увидит за меня,
Лишь бы только враг злорадный не видал.

Если я, глаза ладонью заслоня,
Не увижу больше горные снега,
Пусть мой друг на них посмотрит за меня,
Лишь бы не глаза звериные врага.

Если мне, стаканом пенистым звеня,
Не придется пить веселое вино,
Пусть мой друг до капли выпьет за меня,
Только бы врага не тешило оно.

Если я, вскочив на быстрого коня,
Кабардинской степью мчаться не смогу,
Пусть мой друг на нем помчится за меня,
Только бы не оседлать коня врагу.

Пусть мой город — только пепел, дым и кровь,
Лишь бы он освободился от врага.
Люди вольные построят город вновь,
Только б вольными им быть на все века.

Это слово не созвучий пышный звон,
Не притронется ко лжи душа бойца,
Этим словом был я в битве вдохновен,
Это сердце, а в бою не лгут сердца.

1942

КЛЯТВА

Его черкеску ветер распахнул,
И пламя в саклях вспыхнуло сильней.
Скрипят арбы. Горит родной аул.
Он слышит плач и женщин и детей.

А он стоит, высок и недвижим,
Как будто высеченный из скалы.
Вот старики проходят перед ним,
И брови их, как снег вершин, белы.

На пепелищах трубы лишь торчат,
Разрушен мирных очагов уют.
Нахмурясь, скалы грозные молчат,
Как будто клятву отомстить дают.

Он за серебряную рукоять
Кинжал из ножен вынул, подержал,
Взглянул на лезвие. В ножны опять,
Ни слова не сказав, вложил кинжал.

1942

ГОРЫ МОИ

Не как мечтатель чуждые края —
Как сын родной люблю я горы мои.
Не в их раскате ль стал поэтом я?
Ваш снег и зной люблю я, горы мои!

Без вас прожить ли вольному орлу?
В степи ль гнездо совет он, горы мои?
Крылами не ударив о скалу,
Отправится ль в полет он, горы мои?

И если буду раненый лежать
Средь выжженного поля, горы мои,
Орлиным клеткотом окликну мать:
— О Родина, о воля, горы мои!

1942

СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ В ГОСПИТАЛЕ

Мне кажется, в тебе, моя страна,
Девичьи слезы каждый камень льет
И каждая седая крутизна
Тоскою материнскою полна.

Как будто слышу голоса камней,
Наперебой зовут они вперед:
— Сразись во имя родины своей
И победи. Иль умереть сумей!

Август 1942 г.

САМОЕ ДОРОГОЕ

В тепле твоих пещер я ночевал, Кавказ,
На гладкий камень голову склоня;
За трубкой у костра я слушал горский сказ,
И ночь, как буркой, кутала меня.

По горным пастбищам, среди орлиных скал,
Я кочевал, на посох опершись,
На бешеном коне над пропастью скакал,
Крутой тропой карабкался, как рысь.

И если скажут мне: «Живи, Кайсын, без гор,
Тебе построят золотой дворец»,—
Я рассмеюсь в душе: «К чему мне царский двор?
Что золото погонщику овец?»

Нет, лучше нищим быть в моих родных горах,
Чем на чужбине золото носить.
Скитаться по тропам, взметать дорожный прах,
В пещерах спать — вот так хочу я жить!

Поэту ни к чему набитая мошна —
Слагай стихи да слушай эхо гор!
Орлу не красота, а смелость, ширь нужна,
А горцу — не богатство, а простор.

Кинжалу не убор, а острота нужна,
А мне, поэту,— острый слух да глаз,
Шум крыльев и стремнин, и ширь, и крутизна,
И даль снегов, и воздух твой, Кавказ!

Мне бедность не страшна, свобода мне сестра.
Я буду днем слагать в горах стихи,
А ночью под скалой, у братского костра,
Меня сойдутся слушать пастухи.

Стиху — не золото, не праздничный убор,
Не комнатная сытость и покой,
Стиху — простор степей и воздух вольных гор,
И даль дорог, и небо над рекой.

1942

ПОЭТЫ

Лишь горькое вино во все века мы пили
И посылали миру свой привет.
Да, мы любили жизнь, и женщин мы любили
И целовали их, забыв про целый свет.

Мы, горький свой табак собрав, срывались с места
Навстречу нищете, навстречу злым ночам.
Наш легкий, чуткий шаг казался легковесным
Всем занятым собой, надутым богачам.

В лицо тиранов злых, страшивших все живое,
Бросали честный стих мы, не боясь тюрьмы,
И плакали о всех, задавленных нуждою,
О ком никто не плакал, только мы...

И горечью веков мы наполняли песни,
Чтоб стон запечатлеть в своих словах простых.
Бурлящее вино хранит бочонок тесный,
Живую боль хранит предельно сжатый стих.

За то в темницы нас сажали, жгли и били,
И на дуэлях гибли мы не раз,
На хмурых площадях нам головы рубили
И в жарких битвах убивали нас.

Во все века цари надменно и сурово
Стремилась нас изгнать и спрятать ото всех.
Но никаких границ и тюрем нет для слова.
Оно пройдет сквозь все, рождая злость и смех.

Во все века наш путь был тягостен и труден,
Всегда, не далеки от нищенской сумы,
Мы оставались все равно друзьями людям,
И жизнь и солнце все равно любили мы.

Да и сегодня мы, страдая жгучей болью,
Которой болен мир, ее передаем
В словах грядущим дням, печаль и грохот боя,
Победных пушек гром неся в душе, идем.

Идем среди полей, где ветром пули свищут
И где победы день встает сквозь кровь и дым.
Без сна и без воды, без отдыха и пищи,
В сырых окопах умирая, мы спешим.

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы,
И сердце мира мы, уставшее от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед

Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце это
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем.

ДЕВУШКЕ С СЕВЕРА

Валентине Лебедевой

1

Синие глаза ты подари мне!
Брови, что крылаты, подари мне!
Прядь, светлей пшеницы, подари мне,
Длинные ресницы подари мне!

Подари мне нежность грусти русской,
Тишину лесной тропинки узкой,
Вешних заливных лугов узоры
И степей печальные просторы.

Смеха, песен звуки подари мне,
Тоненькие руки подари мне,
В песнях запах сосен подари мне,
Сердце — краше весен — подари мне!

2

Надев пальто, стоишь ты предо мной.
Я вспоминаю строгий Ленинград.
Я Блока вспоминаю, и сырой
Туман, и ветер, и резьбу оград.

Когда с тобою бродим мы одни,
Я вспоминаю дальних улиц ряд,
Бегут, как строки ровные, они.
Я, как тебя, люблю твой Ленинград.

Не схожа ты с красавицами гор,
Не их огнем твои глаза горят.
Задумчив и прохладен ясный взор,
В нем вижу я твой город — Ленинград.

3

Рассудка холод чужд мне, милый друг,
Разумным притворяться не хочу.
Пусть умники твердят свое вокруг,
Чужим умом я сердце не учу.

Об умном и неумном рассуждать
Я не умею, — скучно, тяжело.
Мне любо звонкой песней отражать
Дней проходящих яркое тепло.

Мне быть потоком горным суждено,
Не павною, широкою рекой.
Я не водица, — крепкое вино,
Не тихий вечер, — полдень огневой.

Не лошади усталый шаг, о нет! —
Я стук копыт горячего коня,
Не мудрый старец, — пламенный поэт,
И мудрости не требуй от меня.

4

К напитку бессмертия ртом припав,
Не думает юноша. Я же пью,
Как горный наш воздух, как соки трав,
Красу опьяняющую твою.

Твоя красота! Я сгораю в ней,
Отдать тебе сердце свое готов.
Я вижу: горишь ты в моем огне,
И нет об ином ни мыслей, ни слов!

Когда с водою разлучают рыб,
 То рыбы умирают — знаешь ты.
 «Меня ты не увидишь», — молвишь мне,
 Как боль меня терзает — знаешь ты?..

Когда б сказать поэту, что вовек
 Стихов он не напишет, знаешь ты,
 Что сделается с ним от этих слов,
 Когда он их услышит, знаешь ты?..

Когда бы живописцу кто сказал:
 Ты не увидишь ничего вокруг;
 Когда бы музыканту на войне
 Осколком пальцы оторвало вдруг.

Как это тяжело!.. Не умрут они,
 Но будет жизнь унылой, знаешь ты...
 Я со скалы не брошусь, не умру,
 Но скорби моей силу знаешь ты!

Можно ли юноше-горцу сказать:
 — Верный кинжал свой сними и отдай?
 Можно ли старому горцу сказать:
 — Кинь свои горы, родимый свой край?

Так без тебя тяжело мне уйти.
 Ждут меня бурные в жизни пути.

Что без тебя я умру — не скажу,
 Но, словно раненый тур с наших гор,
 Глаз, дорогая, с тебя не свожу.
 Скорбь и разлука туманят мой взор.

Волосы твои густые, светлые
 Стали песней у меня в груди.
 Как любил в горах дожди и ветры я!
 Волосы твои как те дожди.

Синие глаза, такие синие,
Что пред ними меркнет бирюза.
Как на небосвод родимый, ныне я
В синие твои смотрю глаза.

На губах вкус ягоды смородины,
Кудри пахнут, как сосновый бор.
Ты не дочь моей гористой родины,
Но близка мне, точно песня гор!

Кривы тропки горные, кремнистые,
Широки пути твоей страны,
Но сердца и мысли наши чистые
Слиты, как напев и звук зурны.

Тишиною северного вечера
Кажется мне ласковый твой взор.
Всем не схожи мы, тут спорить нечего,
Но люблю тебя, как песню гор!

8

Хочу остаться в памяти твоей
Не длинной повестью — четверостишьем,
Не долгою затяжных дождей,
А горным ливнем, хлещущим по крышам.

И пусть, когда ты вспомнишь про меня,
Услышишь ты не шаг усталой клячи,
А топот кабардинского коня...
Пусть будет так, я не хочу иначе!

1942

ЖИТЬ!

Хоть за горло горе схватило —
Горе мужеством победить!
Хоть беда наш день омрачила,—
Непокорствуя, в битве жить!

Как ни труден путь наш далекий,
Но нельзя иных проложить.
С ног сшибает ветер жестокий,
Но под ним, не сгибаясь, жить!

Как орел взмывает сквозь тучи,
Так из черных бед выходить!
Слава жизни светлой, могучей!
Мрак и смерть побеждая, жить!

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе,
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей.

Убежденность моя созрела
Не в уютном, теплом дому,
А в полях, под бурей обстрела,
В ливне пуль, в огне и дыму.

Непреклонна и непокорна,
Как броня стальная, верна,
Из кольца врагов, как из горна,
Закаленной вышла она.

Как орел сквозь тучи взмывает,
Так из бед на свет выходить!
Как гранатой танк подрывают,
Так, беду побеждая, жить!

1942

ТВОЯ ЗЕМЛЯ

Владимиру Сосюре

Твоя обгаренная кровью земля —
Как раненый воин средь грохота битв.
Печально поникли твои тополя —
Так мать о потерянном сыне скорбит.

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Так тяжек был глаз этих мертвых укор.

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она.

И горец, чья родина так далека, —
Он в лунных садах этих не пировал,
На свадьбах у вас не плясал гопака
И вишен румяных с ветвей не срывал, —

Сегодня он здесь умирает в бою,
Руками остывшими землю обняв,
Как будто с младенчества в этом краю
Трепал ему волосы ветер дубрав.

Я в хате беленой сегодня сижу,
Я вижу тревогу девичьих очей,
Я книги стихов твоих здесь нахожу,
Их девушки прятали от палачей.

Стихи твои мне полюбились сейчас,
Храню я их вместе с портретом жены,
В них ветер, шумевший Шевченко не раз,
В них запах полынной степной тишины.

Здесь добрые матери братьев твоих
Кормили меня из морщинистых рук,
Как смуглые руки горянок седых,
Я их целовал, дорогой ты мой друг.

Люблю твою землю: тот отчий порог,
Где Щорс мальчуганом мечтал до зари,
Поля молчаливые, дали дорог,—
Слепые ходили по ней кобзари.

Шевченко бродил здесь под бременем дум,
Сзывая те строки, что пламенем жгли,
Здесь слушал он ропот старинных бандур
И песни о горе прекрасной земли.

И ты бушевал здесь, товарищ поэт,
Твой конь из-под сабель тебя выносил.
По этим тропам на заре своих лет,
Бывало, без шапки ты в бурю бродил.

С моими не схожи дороги твои,
Печали и горе шагали по ним.
Но я их люблю,— пусть грохочут бои,
По этим дорогам, пройдя, победим.

Те звезды, что тихо сияли тебе,
Спокойно глядят на меня с высоты.
Они мне порукой в тяжелой борьбе.
Я знаю: под ними побродишь и ты.

БАЛЛАДА О ПОГИБШЕМ ДРУГЕ

Бывало, прискакавши на коне,
Без спросу гость входил в мои владенья.
Так и теперь, в дождливый день ко мне
Погибший друг явился в сновиденье.
Повязка почерневшая сползла,
Открыла бледный лоб с кровоподтеком,
И на меня печальные глаза
Глядели с нескрываемым упреком.
Он говорил: «Ты помнишь этот бой,
Когда мы под дождем лежали вместе,
Не зная, что расстанемся с тобой?..
Ты помнишь этот бой? Скажи по чести.
Во ржи, густой и мокрой от дождя,
Не знали мы, когда лежали рядом,
Что нас с тобой немного погодя
Накроет разорвавшимся снарядом.
Ты был свидетель гибели моей.
Напрасно ты тогда старался, друже,
В шинель меня закутать потеплей
И затянуть бинты на мне потуже.
Все было тщетно...
Мой последний стон
Из глаз твоих слезу скупую выжал.
Не обнимай меня, я только сон.
Какое счастье, если бы я выжил!..
Ты знаешь, как ужасно умирать...
Я жду, когда ты скажешь мне: «Воскресни!»
И жизнь моя затеплится опять
И вспыхнет на ветру строкою песни.
Но ты молчишь — ни слова обо мне.
Я верю, что когда-нибудь ты скажешь,

Как трудно приходилось на войне,
Какая нам легла на плечи тяжесть...
Твой стих — мое последнее жилье.
И я хочу, чтоб в нем всегда звучали
Моя отвага, мужество мое,
Слова суровой правды и печали.
Среди поэтов много есть таких,
Что о войне легко и просто пишут.
И стыдно мне тогда за вас — живых,
И больно мне тогда за нас — погибших.
Нет! Подвиги рождаются в крови,
Бледнеют губы от смертельной муки...
Я все сказал.
Не забывай о друге
И ты в стихах душою не криви».

1943

ЦВЕТЫ НА ФРОНТЕ

Любимая! Не раз я рвал цветы
На поле, где зимой прошли бои:
Быть может, в блиндаже уснула ты,
И я тебе отдам цветы мои.

Я в низенькую дверь войду чуть свет
И, спящую тебя увидев там,
Тихонько приложу большой букет
Из полевых цветов к твоим губам.

Но, с поля возвратясь в окоп назад,
Тебя я не нашел, мой тихий друг,
Я видел лишь одних друзей-солдат,
Товарищей одних встречал вокруг.

Я в темном блиндаже ложился спать,
Усталый, отдыхал в чужой избе.
И думал я, цветы боясь измять,
Что, может, завтра их отдам тебе.

Как часто о тебе мне снились сны.
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Немало у меня завяло их.

1943

* * *

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла...
Помнишь, Вера, тот донбасский вечер...
Мы держали только край села.
Так сошлась с твоей моя дорога,
Девушка в шинели, милый друг...
Я с тех пор счастливей стал намного,
И стихи счастливей стали вдруг.

1943

* * *

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег,
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Но и теперь, когда случится
Назад, в те дали бросить взгляд,
Я вижу: там еще дымится,
Как будто письма всё горят.

1943

* * *

Далека ты. Снег идет.
Я в снегу. Я белый весь.
Я уверен, что у вас
Снег сейчас такой, как здесь.

Ты от фронта далеко,
Но я вижу сквозь пургу:
Ты по улице идешь
Вся, как я, в густом снегу.

1943

* * *

Война. Весна. Окопы. Небо. Тишь.
Одна звезда всех ярче, на виду.
И верится, что дома ты глядишь
Сейчас, как я, на эту же звезду.

1949

ВЕСНА НА ФРОНТЕ

1. Трава

На горестной земле растет трава.
Был ночью дождь. И вот трава растет,
Война. Цветы в полях и синева.
Трава впитала порох, кровь и пот.

И все кругом, куда достанет взгляд,
Цветами и травой поросло.
Цветет бугор — здесь был убит солдат,
Отдав земле последнее тепло.

Трава покрыла черноту могил,
Простых, хранящих безыменный прах,
Земля стерпела все, хватило сил!
Трава растет над павшими в боях!

В траву влюбленный, мог все дни подряд
На ней лежать я раннею весной.
Но никогда траве я не был рад,
Как здесь, в полях, растерзанных войной.

Забудут люди годы мук и зла,
Трава другая вырастет в тепле.
Но мне дороже эта, что возшла
На окровавленной войной земле.

На горестной земле растет трава.
Был ночью дождь. Опять трава растет.
Война. Цветы в полях и синева.
Трава покрыла порох, кровь и пот.

2. Кукушка

Кукушка все считает, как долго жить мы будем,
Как будто мир в весенней тишине.
Кукушку не смущает недалний гром орудий,
Кукушка так кукует на войне.

Кукушке все равно, что танки по соседству,—
Кукует в гуще леса что есть сил...
И раненый солдат, свое припомнив детство,
Вздохнул и не спеша глаза закрыл.

3. Коровы

За семь верст отсюда пушки бьют,
В битве люди истекают кровью.
Здесь губами влажными жуют
Травы разомлевшие коровы.

За семь верст отсюда дым и чад,
Пулеметов лязг и грохот пушек.
Здесь коровы сытые лежат,
Молоко в их вымени набухшем.

Солнце скроется за лес едва —
Мирные ленивые коровы
Тихо разбредаются в хлева
Своего села прифронтового.

И плывут, раздутые в боках,
Солнцем сыты, молоком богаты,
Отражая на сухих рогах
Зарево весеннего заката.

4. Он любил жизнь

Всю жизнь говорил он на войне:
— Увижу ли еще я зелень трав?
Уж если умирать придется мне —
Так не на снег, а на траву упав.

Мечта исполнилась — пришла весна,
Он насладился запахом цветов.
И, позабыв на миг, что есть война,
Он был всю жизнь лежать в траве готов.

Но летом, среди шелестящей тьмы,
Он, слушая ручьев звенящий бег,
Мечтал:
— Дожить бы только до зимы!
Увижу ли еще я первый снег?

5. Танки идут

Весна. Наши танки на битву идут.
Смертельные ждут их бои.
А в роще удода кричат: уду-ду-у,
Вьют гнезда свои воробьи.

Тенисты деревья в лесу и густы,
А танки торопятся в бой.
У них на пути голубые цветы,
Вдали горизонт голубой.

Проносится рой мотыльков над водой —
Там тоже как будто война.
Любуется ими танкист молодой.
Идут наши танки. Весна.

1943

* * *

Вечный снег на вершинах — он чист всегда,
Ни пылинкой не тронут он, ни ногой...
Я хочу, чтобы так же была чиста
Любовь моя к родине дорогой.

1943

СЕСТРЕ МАРИАМ С ФРОНТА

Прочтя твое письмо, я закрывал порой
Глаза усталые свои
Иль, подпершись обветренной рукой,
Глядел на облака в крови.

И предо мною гор гряда плыла,
Как воинов седых отряд.
Я видел пролетавшего орла,
Чегемский слышал водопад.

Парной туман висел в ущельях гор,
Как мокрая овечья шерсть.
Вон волчий след, знакомый с давних пор,
Их осенью в горах не счесть.

Бродил я часто — маленький буян —
По пастбищу на склоне дня.
Ты, распевая песню Таукан,
Вязала что-то для меня.

Белоголовую овчарку вдруг
Я вспомнил... С ней овец я пас.
В пещере ночевали мы сам-друг,
И овцы сторожили нас.

Зимой, бывало, в тонких сапожках
Бегу... До школы две версты!
Вернусь — и, с новой книжкой в руках,
Жду, что меня похвалишь ты.

Нет, не в кармане, — в сердце я берег
Послания родной земли.
И если я живым остаться смог,
Не вы ль меня уберегли?!

1943

ЖИЗНЬ, КАК БОЙ, ТРУДНА

Жизнь, как бой, трудна, я это знаю,
Слава дню, прошедшему в бою.
Твердое, как сабля боевая,
Светлое, как слава зарева,
Мужество мужское я пою.

С гибелью лицом к лицу встречаясь,
Я с ползучим страхом незнаком.
Сила духа, в бедах закаляясь,
Как солдат сквозь битву пробиваясь,
Говорит мне твердым языком:

«Даже под петлею не утрачу
Мужества и не расстанусь с ним,
Даже под секирою палачьей
Черный день смятения и плача
Мужеством я встречу боевым».

Жизнь, как бой, трудна, я это знаю,
Слава дню, прошедшему в бою.
Твердое, как сабля боевая,
Светлое, как слава зарева,
Мужество мужское я пою.

1949

ПЕРЕКОП

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед.

Н. Тихонов

1. По следу героев

По следу героев гражданской войны
Идем мы под рокот сивашской волны,
И ветер, гудящий в ночах боевых,
Над нами звучит как легенда о них.

Находим подковы от их лошадей,
Омытые водами многих дождей.
Сегодня, сейчас повторить нам дано
Деяния лет, отшумевших давно.

И Тихонов другом приходит ко мне
В балладе своей о гражданской войне.
Копыта заржавели — времени след.
Поэзии, подвигам — ржавчины нет.

И давние ветры над нами летят,
И снова поют, и трубят, и свистят,
И, кажется, Фрунзе тут рядом со мной,
Я слышу, как ржет его конь боевой.

Нам тоже Турецкий прославленный вал
В бою острой пылью гортань забивал,
И так же от раны мы падали вдруг,
Оружия не выпуская из рук.

Мы тоже сегодня, к победе спеша,
Несем на губах своих соль Сиваша.
И мокнут ночами шинели у нас.
Как раньше отцы, так мы бьемся сейчас.

2. Нет воды

Если бы сейчас воды напиться!
Пыль. И нет воды.
Хоть лицо б отмыть от жесткой пыли!
Но ни капли нет.

День и ночь мы шли без остановки,
И суха гортань.
Как в Египте древняя могила,
Сух Турецкий вал.

Хоть бы снег — схватить и есть из горсти!
Только снега нет.
Хоть бы дождь — прильнуть к следу копыта!
Не идет он, дождь.

Ветер сух. Земля желта от пыли.
Друг, терпи, терпи!
Золото — зола! Воды б, воды бы!
Ветер носит пыль...

3. Свобода не умирает

Склонилась над Турецким валом ночь,
Как женщина склоняется в печали
Над раненым, спеша ему помочь,
Его обняв концами черной шали.

Когда-то насыпали этот вал
Солдаты, мучась от жары жестокой,
Как только вечер звезды зажигал,
Они молились, став лицом к востоку.

О смуглых женщинах земли своей,
О черных косах часто тосковали
И, провожая взглядом журавлей,
Туда, на юг, привет передавали.

Турецкий вал всем ливням и ветрам
Веками подставлял сухие скаты...
Но и теперь стоит он сух, как шрам,
И впитывает жадно кровь солдата.

А люди, что когда-то жесткий вал
Здесь возводили, двигаясь устало,
Они давно — земля, бурьян, трава,
И даже их оружие глиной стало.

И тот паша, кто их, внушив им страх,
Гнал от Стамбула в степь, что в сушь дымилась,
Сам прахом стал. И ветер носит прах,
А кровь, что лил он, в землю превратилась.

Одной свободе время нипочем.
Ее в бурьян не обращают годы.
Мы сами, погибая, бережем
Свет наших трудных дней — ее свободу.

4. Трудно!

В России снег, а здесь дожди. Беда!
Шинели и обмотки набухают.
В окопах грязь. И хлупает вода,
Февраль дождливый по войне шагает.

А вечером — холодные ветра.
И все на свете сразу застывает.
Лежит солдат и мерзнет до утра...
Так трудно здесь победу добывают.

5. Баллада о капитане Сааяне

Эту балладу о Сааяне
Сложил не я,
Сложил не я.
Военные ветры Турецкого вала
Сложили ее,
Военные ветры.
Они поют ее
Этому валу,

А также ночам
Безлунным и лунным,
А также и дням
Туманным и ясным,
Деревни округи слышат ее.
Отвага сложила эту балладу,
Эту балладу о Сааняне,
Храбрость штыком записала ее.
Во время штурма Турецкого вала
Он ранен был,
Он ранен был.
Шесть пуль пробили его тело,
Шесть ран покрыли его тело!
И все смертельные были они.
И даже на то, чтоб подняться в бой,
Уже у него не хватало сил.
Упал Саанян,
Капитан Саанян,
Храбрец Саанян,
Упал Саанян!
И, упав, обратился к солдатам:
— Несите меня вперед на руках!
Это не просьба — это приказ!
Пока я дышу — я командир.
Пока не возьмете Турецкий вал,
Несите меня вперед на руках!
Пока я дышу — я командир!
Умру — все равно несите вперед!
Я не прошу вас жалеть меня.
Несите вперед — это приказ!
Одно только мужество выше, чем смерть!
Несите меня вперед!

За мертвым комбатом пошел батальон
И ворвался на Турецкий вал,
Ворвался на Турецкий вал.
Так погиб армянин Саанян,
Капитан советских войск.
Поэтому ветер балладу о нем
Рассказывает на Турецком валу
Безлунным ночам и лунным ночам.
Солнечным дням и пасмурным дням,
Всем деревням окрест.

6. Вперед!

Сегодня день прорыва. Значит, в штыки идти.
В черном дыму вперед!
Многие из нас, упав, останутся позади,
А мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!

О мертвых победа не думает. Собранны и
тверды,
Мы пойдем вперед!
Приказ никого не спрашивает: боишься ли
смерти ты?
А говорит: вперед!
А говорит: вперед!

Глотая сухую колючую пыль в просторах
степных,
Мы пойдем вперед.
Пыль Турецкого вала неся на шинелях
своих,
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!

Огню врага, если надо, свою подставляя
грудь,
Мы пойдем вперед.
Кто хочет добиться победы, о смерти думать
забудь.
Мы пойдем вперед!
Мы пойдем вперед!

1944

* * *

Ты слышишь, какая стоит тишина!
Прошла, словно град, отшумела война.

Спокойно растет молодая трава,
И в мерные строки ложатся слова.

Лишь воспоминания нас тяготят
О тех, кто уже не вернется назад.

Как сладко нам дремлется ночью, когда
Чуть слышно из крана струится вода.

Как пахнет клубникой, цветами, травой
И только что вспаханной влажной землей!

1945

ПЕРВОЙ ВЕСНОЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Детей босоногих возня
В зеленой чаще двора...
Не видя в окне меня,
Звенит во дворе с утра
Играющая детвора.

За облаком — облака,
За годом год плывет.
А эта возня на века,
А этот смех не умрет,
Ничто его не убьет!

2

Он в сапогах, в лиялой гимнастерке.
Глаза солдата ненасытно зорки.

Трава. Хребты. Речушки горный гул.
Петуший крик. Родимый дом. Аул.

И, сплюнув на руки и взяв лопату,
Он яблоньки сажает, как когда-то.

И босоногий сын спешит помочь.
И столько солнца, что смотреть невмочь.

Прошли все пули стороной,
Солдат вернулся в край родной.
Весна, тепло, а он жене
Велел топить:

— В окопах мне
Частенько снился дым густой
Над нашим домиком зимой.

1945

ПЕРВЫМ ЛЕТОМ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Облака плывут над головой.
Тень от них ложится на хлеба.
Стало быть, я все еще живой?
Быть убитым, видно, не судьба...
Вот разрезал дыню бахчевод,
На ноже кусочек мне подал.
Положил я тот кусочек в рот —
Ничего вкуснее не едал!..

1945

* * *

Если радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее.
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

1945

* * *

Как только ночь, полет прервав, садится
Любая птица в местности любой.
А ты, покой отвергнувшая птица,
Скажи мне, сердце, где найдешь покой?

Добравшись к морю, бурная стихает
Река и в нем находит отдых свой,
А ты, река, что отдыха не знает,
Скажи мне, сердце, где же отдых твой?

«На свете много радости и боли,—
Мне сердце отвечает без тоски.—
И мы с тобой ничто без них, тем боле —
Не верь, что в море отдых для реки».

1945

Я на войне увидел тьму смертей,
Дым городов, свалившиеся своды,
Протянутые руки у детей —
Большое горе моего народа.

«Закрой глаза!» — твердил себе порой,
Чтоб отдохнуть, чтоб позабыть об этом.
Но так нельзя. Прости, читатель мой!
Не видящий не может быть поэтом.

1945

* * *

Весна! Опять пришла весна
С травкою, с дымными опушками,
Ручьи без отдыха, без сна
Спешат, звенят, как и при Пушкине...

Приветствую чужое детство я
И кланяюсь густой траве,
Ручьи болтливые приветствую
И птиц во влажной синеве.

Не удалось весну веселую
Угрюмым недругам отнять.
Вновь кружит ласточка над школою
И мастерит гнездо опять.

1945

* * *

Беснуется угрюмый океан.
Кромешная нависла темнота.
Спокойно умирает капитан,
Не вынимая трубки изо рта...
Я этот образ с детства полюбил.
Я им живу, пока не скажут... жил.

1946

НАД СТАРОЙ КНИГОЙ ГОРСКИХ ПЕСЕН

Памяти Эффенди Капиева

Глядя на горы, залитые светом
Луны, и косы опустив,
Считая звезды и шепча при этом
Роднсе имя, сердцем загрузив,

Горянка песни многие сложила.
Я знаю песни девушки-красы,
Что сердца боль в стихи свои вложила
И волосы сложила в две косы.

И среди строк, певучих и звенящих,
Я вижу черные глаза, потом
Наездников, ущельями спешащих,
И тонких рук девических излом.

И взмах бровей, и тонких губ движенья,
Они живыми снова предстают,
Погибшие в бесчисленных сраженьях
Тут из могил храбрейшие встают.

И девушка, заслышав топот строгий,
«То черноусый, скажет, мой жених».
Другая смотрит, смотрит на дорогу —
Он из-за гор появится ночных.

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но, раненный, отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою.

А горец, с гор и в дождь пришедший ночью,
Он тяжело бурку мокрую волочит.

И смуглая жена бежит навстречу,
Прижавшись к жесткой, мокрой бороде,
Его целует, бурку взяв на плечи,
Относит в дом, на турий рог надеть.

Шум горных рек, ему в ущелье тесно,
Став струнами, по сердцу пробежит,
И прошлое, встающее из песен,
Как будто ветром надо мной шумит.

Под солнцем гор сияют великаны,
Сверкающие наискось клинки,
И перевал, и снег в крови, багряный,
На головах героев башлыки...

Вы, песни мне оставившие эти,
Похвал за подвиг в мире не искав,
Идя за сердцем и за все в ответе,
«А если я погибну», — не сказав,

Вы сравнивали в песнях зубы милых
Со снегом гор, над пропастью вися,
За эти строки первозданной силы
Ни у кого оплаты не прося.

И, как река, не течь она не может,
На мир глазами чистыми смотря,
Вы, как река, создали песни тоже,
«На что они нужны!» — не говоря.

Примите же вы мой поклон глубокий,
Вы живы, вы со мною наяву,
Коротких дней, как вы, имея сроки,
Я, в песни превращая их, живу.

Одна дорога, хоть дорог и много,
Все к морю реки держат путь, звеня,
Последним шагом кончу я дорогу,
Как вы свою кончали до меня.

Ну что же, той дорогою одною
Идем мы с песней, все в нее вложив,
И самое, что встретим, дорогое
Мы оставляем, в песни превратив.

Не может птица не летать, и скажем:
Так песни мы рожаем в добрый час,
Уходим мы из мира, песням нашим
Давая жить гораздо дольше нас.

Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни — наш подарок им.

Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильней,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней!

1946

ОХОТНИКАМ, ЗАБЛУДИВШИМСЯ В УЩЕЛЬЯХ

Вам, заблудившимся темной ночью
В ущельях гор, где мрак и светляки,
Вам, среди скал бредущие на ощупь,
Охотники и меткие стрелки,

Вам песнь свою сегодня я слагаю,
Сквозь эту ночь до вас дойдет она.
Вы слышите ее? Она до края
Горячей кровью храбрых вся полна.

В ущельях гор, покрытых мглой густою,
Вы ищете тропу среди травы.
«Что смерть в сравнение с мужеством?

Пустое!» —

Над бездной стоя, говорите вы.

И, точно звезды смотрятся в ущелье,
Горят глаза. Вам надо путь найти.
Снежинки на бровях обледедели,
И ветер сушит губы вам в пути!

Я ваш. И вас, кого храбрее нету,
Кто не страшился в жизни ничего,
Я вас пою. Услышите песню эту,
В ней кровь и муки сердца моего.
Что смерть и что беда? Ведь вы не щепки.
Есть мужество. И вы богаты им.
Охотников бывалых, сильных, крепких
Оно ведет ущелием ночным.

И вот сейчас, его подняв как знамя,
Я песнь пою. Как шел Шамиль в бои,
Израненный, исколотый штыками,
Так я иду, неся стихи свои!

1946

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ КЕДРИНА

В заснеженном поселке Подмосковья
Мы сжиивали часто, коротая
Досуг в домишке из сосновых бревен,
И вслушивались в завыванье вьюги.
Его густые волосы сбегали,
Переская лоб открытый слева.
Как были тонки и подвижны пальцы!
Он голову откидывал при чтенье,
Он отличался легкою походкой,
Он радовался, как дитя, пороше.
Я помню — он любил смотреть подолгу
На снег, свалившийся на плечи леса.
Когда читал он вечером метельным,
России сердце в тех строках стучало.
Я видел битвы на равнинах снежных
И ощущал себя их очевидцем.
Смерть меднохвостой огненной лисицей
Выглядывала из лесу и снова
Скрывалась.

Мы же не подозревали
(Хотя сосновый бор был близко, близко!),
Что на снегу нетронутым, конечно,
Она следы незримо оставляла.
В те дни глядели мы не на лисицу,
А в песен чистые глаза гляделись!
Какое дело было нам до смерти!
Ушел вослед лисице меднохвостой
Мой друг с безоблачным и добрым сердцем.
Что делать! Уходящий за лисицей
Уже не возвращается обратно:
Его пути заносит снег глубокий,
А расстоянья поглощают голос.
Вступают смерть и память в поединок,
Но друга память уступить не хочет:

Поэзия спешит на бой со смертью,
Поэзия бросает смерти вызов,
Когда из жизни он ушел,

планета

Мне показалась холодней, суровой.
Обычно это происходит с нами,
Когда теряем близких безвозвратно.
Всю силу дружбы — крепости алмаза —
Оставьте мне, Поэзия и Память!

1946

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я, люди, рожден на этой земле
Для того, чтобы вас любить.
Я ем ваш хлеб, омываюсь водой,
Принадлежащей вам.
И если мне бывает тепло,
То это от вашей любви.
И ваша радость — радость моя,
И ваше горе — горе мое,
Оно согнуть не в силах меня:
Ваша стойкость в крови моей.

Я все испытал. Все испытать —
Долг живущего на земле,
Которую то сжигает пожар,
То ласкает солнечный свет,
То моют ласковые дожди,
То омывает кровь.
Но в радостный час
И в горестный час
Я с вами бок о бок шел,
Я падал, вставал и жалобных слов
Старался не говорить.

Мужчины, я мужеством вашим горжусь,
Вы мне говорили «друг!»,
И руки мои были теплы
От пожатия ваших рук.
Одним я дымом с вами дышал,
В одних окопах с вами лежал,
Одна зола согревала нас,
Одна земля укрывала нас.

И пули с одним и тем же клеймом
Входили в наши тела,
И тогда замирали у нас на губах
Одни и те же слова.

Вы, женщины, были ко мне добры,
Хоть я вам и стоил слез,
Хотя из-за вас в моих волосах
Немало седых волос.
Но я, усталый от бурь и невзгод,
Засыпал на вашей груди,
И улеглась в русло река —
Смятенье моей души.
И впадали притихшие воды ее
В море вашей любви.
Вы своими руками кормили меня,
Вы своими руками поили меня.
Вы дарили меня
Любовью своей,
Вы родили меня
И моих сыновей.

Поэзия,
Ты для меня была
Единственной святой.
Тобою гордился, тобою жил,
Но я не молился тебе, а служил.
И если был в моей жизни хоть миг,
Когда я унизил тебя,
Я сегодня склоняюсь к твоим стопам:
— Прости заблужденья мои!

Я сегодня тебе присягаю опять,
Целую знамя твое.
Оно багрово, пробито в боях,
Как знамя моей страны.

Земля моя, где трава зелена,
Где ароматны цветы,
Земля, где хрустит под ногами снег,
Где песок под ногами хрустит,
Земля, где быстрые реки текут
И созревают хлеба,

Земля, где ночи сменяют дни,
Где трудимся мы, где боремся мы,
Я создан, чтобы тебе служить,
К тебе пришел я из небытия —
Оттуда, куда уйду.

Земля, я силен силой твоей,
Жизнью твоей могуч.
Я прижимаюсь бледной щекой
К смуглой щеке твоей.
Твоею сладостью дорожить,
Терзаться горем, кручиной твоей,
Пока не стану глиной твоей.

1947

ТРАВА РАСТЕТ

Трава зеленеет у рощи сосновой,
Трава вырывается из-под камней...
Военные весны припомнил я снова —
Трава нам казалась тогда зеленой.

Я думал: увидим ли завтра ее мы?
Дождемся ли будущей, мирной весны?
Друзей фронтовых вспоминаю я дома,
Луга и холмы зелены, зелены.

Кукушка кукует средь гулкой чащобы.
Заря разрастается... Вижу — живу...
А были когда-то орудья, окопы,
И пули валили пехоту в траву...

Погибшие! Путь ваш солдатский окончен,
Но жизнь продолжает свой путь, свой подъем.
И снова трава поднялась у обочин,
И вымя коровье полно молоком.

Ушедшие, нет вас... Бреду я по маю,
И вас вспоминаю, и песней зову.
И стих, как вино, я за тех поднимаю,
Кто после меня увидит траву!

1947

* * *

Я слагаю песню о тебе,
Горная багряная рябина.
Ты, одевшись в легкий снег, стоишь
У реки Адай.
Кисть твоя упала на тропу,
Узкую, засыпанную снегом,
Алым пятнышком...

Я помню это.

И сейчас та кисть перед глазами —
Кровь рябины у реки Адай,
Молодой окрасившая снег...
Для меня ты — словно кровь героя;
Словно кровь его, имеешь право
Ты войти в мой стих!
Ты — земли моей родимой кровь,
Кровь из сердца деда и отца,
Молодой окрасившая снег
У реки Адай.

1947

НА УЛИЦЕ

Дождь прошел. Идет верблюд.
Он медлителен и худ.
Он спокоен и высок...
А во взгляде спит Восток.
Древность спит.

Верблюд идет,
Словно прошлое встает
В этом облике живом...
Вся печаль пустыни в нем.

Шум мотора за спиной.
Мчит машина — ветром в зной.
Обогнала и летит...
А верблюд ей вслед глядит.
«Где машина? Что за бред?
Показалось или нет?..»
Не сродни машине он.
Это ритмы двух времен.

1947

СЛАВА

На плечах носил я славу,
Как тяжелого орла.
Знать, пришелся не по нраву:
От меня она ушла.

И с души, видать, немало
Облетело шелухи.
И роятся, как бывало,
В голове моей стихи.

Строчек целые оравы
Так и снятся наяву.
Я могу прожить без славы,
А без них — не проживу.

Звонкий стих высокой пробы
Над землею подниму,
Где бы жили хлеборобы,
Точно в собственном дому,

Где бы травы шелестели,
Солнце рдело, восходя,
Где бы тучею летели
Стрелы вешнего дождя.

Потружусь, как мой приятель,
Старый каменщик Джанхот,
Чтобы всюду был приятен
И желанен мой приход.

1947

ПЕСНЯ О ДЕТСТВЕ

Время, время, никуда
От тебя не деться!
Как орленок из гнезда,
Вылетело детство.

До сих пор сдается мне,
Как оно несется
В сумасшедшей вышине,
Ошалев от солнца.

И гляжу я вслед с тоской
Моему орленку,
И машу ему рукой,
И кричу вдогонку:

— Детство, детство! Отзовись,
Признавайся, где ты?!
А пред ним сияла высь,
Ширились рассветы,

Розовели гребни гор,
Дали голубели.
Был ему родной простор
Вместо колыбели.

Для подушек — облака,
Тучи — для пеленок.
Отзовись издалика,
Горный мой орленок!

Ходят волны по реке,
Да плеснулась рыба...
Отзовется вдалеке —
И на том спасибо!

А на встречу, милый друг,
Больше не надейся.
Не заметил, как из рук
Выпустил ты детство.

Упустил — и поделом,
Сразу улетело,
Лишь окрепнувшим крылом
По лицу задело.

Не страшит его гроза,
Не пугают бури.
И полны его глаза
Солнца и лазури.

1948

СМОРОДИНА

Я смородину лесную
Собирал в Темирчиколе,
Где росла трава по пояс,
Где весной на кочках грелись
Безобидные ужи.
Там в лесу, в Темирчиколе,
Было сумрачно и тихо,
Пахло сыростью и мохом
И смородиною пахло
И лежалою листвою.
И спускалась с гор прохлада,
И водою родниковой
Умывалась спозаранку,
И вплетала незабудки
В косы влажные свои.
И тогда ночные росы
И стремительные ливни
Превращались понемногу
В кровь смородины моей.
О зеленая прохлада!
Ты поила все живое,
И поэтому прошу я —
Песнь мою не покидай!
Без тебя она засохнет,
Как ручей в песках пустыни,
А с тобой нальется соком,
Расцветет на радость людям,
Как смородина в лесу.
В том лесу, в Темирчиколе,
По ночам волчицы выли
Так, как будто потеряли

Новорожденных волчат.
Как табунщики ночные,
В том лесу кричали совы.
И гремели птичьи хоры
По утрам в моем лесу.
Я и сам был, как волчонок,
Отколовшийся от стаи,
Заблудившийся в лесу.
Я один бродил по лесу,
Ел смородину горстями,
Мои руки, губы, щеки
Были сплошь в ее крови.
И ничем ее не смоешь,
Никакие реки мира
Смыть не смогут этой крови,
О родной Темирчикол!

1948

ГОВОРЮ ДОЖДЮ

Дождь — ты рассказ, который слышал в детстве,
На муле сидя, между гор теней,
Когда я ехал с взрослыми в соседстве,
Беседу слушал, стук копыт коней.

А помнишь ты, как в Бедике¹ лежал я,
Под буркой летом в жарком полусне,
И только-только задремал я,
Ты прилетел, словно приснился мне.

И, словно став абреком говорливым,
Так прибежал, примчался по горе,
Как будто мне шумел ты торопливо:
— Пусти под бурку, спрячь меня скорей!

Ты помнишь, дождь, как будто был ты ранен,
От кровной мести мчался в буерак,
Ты сынал так, по бурке барабанил,
В сухой тулук² зерно ссыпают так.

А помнишь, дождь, как в самом детстве раннем,
Омыв деревья, заставлял скорей
Цвести их, чтобы их благоуханье,
Как лужи, радость было для детей.

Когда же исчезал ты за горами,
Таких высот я видел разнбой,
Что мне они казались ступенями
И звали мир все выше за собой.

¹ Б е д и к е — название пастбища.

² Т у л у к — мешок из овечьей кожи.

Дождь, помнишь ты меня еще ребенком,
Босой, без шапки бегал под дождем,
Концы штанин мокры от луж тех звонких,
Что значит горе, я не знал о том.

Дождь, помнишь ты, тебя хвалила мама,
Картошку, кукурузу ты поил,
Чабан Джанхот ругал тебя упрямо —
В дырявой бурке дождь ему не мил.

Дождь, помнишь ты, как Нафисат, девица,
Которую впервые я любил,
Пошла к Чегему, чтоб воды напиться,
Ты ей без спросу косы замочил.

Дождь, для меня ты сказкой был и песней,
Твои любил я радуги в горах,
Ты шел, похож на песню, что чудесней
Всех песен гор, что пелись на пирах.

С тобою мы с тех пор похожи стали
На тех, кто шел дорогой боевой,
На тех, что вместе жили, воевали,
Кусок делили хлеба кочевой.

Хочу, чтоб все на свете были сыты,
Раз нет тебя — и хлеба нет в краю,
Милей полям, садам ты, чем пиитам,
Ты друг людей, тебя за то пою.

Поэзия и ты — друзья издревле, знаю.
Ты радугой своей всех детство озарил,
И потому стихи тебе я, дождь, слагаю,
Когда я слышу шум твоих веселых крыл.

ГОВОРЮ ЛУНЕ

Ты, луна, земле не надоела.
Из-за гор покажешься едва —
И тогда ручаться можно смело,
Что твоя романтика жива.

Высоко, среди ветвей зеленых
Летней ночью в небе ты плывешь,
И в глазах мерцаешь у влюбленных,
И любого можешь бросить в дрожь.

Помнишь, как впервые до порога
Провожал я девушку весной?
Серебрилась лунная дорога
И девичьи косы за спиной.

Помнишь крыши спящего аула,
Помнишь двор, куда ты заглянула,
Буйвола посреди двора
И его рога из серебра?..

Помнишь, ты вставала, словно в сказке,
Освещая скачущих коней
Посреди ущелий гор Кавказских,
Что полны тумана и теней?..

Помнишь, как тогда, на Перекопе,
Умирал Арсен, мой лучший друг,
Около меня лежал в окопе —
Ты ему в лицо взглянула вдруг...

А потом меня ты утешала
И никак утешить не могла...
О тебе написано немало.
Многим ты попутчицей была.

И когда весной сквозь ветви сада
Смотришь ты на землю с высоты,
Сторожу споксйному не надо
Лучшей собеседницы, чем ты.

Значит, ты земле не надоела.
И влюбленных нежные слова
Мне напоминают то и дело,
Что твоя романтика жива.

1949

РИСУНОК К ЗАГЛАВИЮ

Я буду издан, вполне возможно,
Когда уж закончится счет моих дней,
И, может быть, будет искать художник
Рисунок к заглавию книги моей.

Он волен, но пусть он рисует все же
Клинок. Чтоб на книге блестел металл.
Как вынимают клинок из ножен,
Всю жизнь я из сердца свой стих вынимал.

Казалось, что трудностям нету края,
Но с мужеством жил я, судьбу не кляня,
Я знал: если мужество я потеряю,
Любовь моя к жизни уйдет от меня.

Без мужества нет ни любви, ни свободы,
Ни дружбы, ни песни, ни дальних дорог,
И вот потому в эти трудные годы,
Как мужества знак, я целую клинок.

Художник на книге пускай нарисует
Клинок. Но не тот, что в крови чужой,
Такой мне не нужен, такой прокляну я,
Пускай он в земле весь покроется ржой,

Клинок, что творил над детьми расправу,
Гасил очаги, был всегда жесток...
Нет! Не такому клинку я славу
Пою — будь он проклят, такой клинок.

Убийство не мужество, подлость это.
Свободы клинок я теперь пою,
Пусть всем угнетенным он служит светом,
Пускай помогает он им в бою.

Он создан из вечного гнева народа,
Из гнева народа и сердца его.
Над миром блистая как символ свободы,
Он вечно над рабством и злом торжество.

Прошло сквозь огонь справедливое слово,
Каленая крепость отточенных строк.
Не надо на книге рисунка другого,
Художник, прошу, нарисуй мне клинок!

1949

МОЕ СЛОВО

Мое слово взросло не в дворцах дорогих,
Где бездарности учатся ханов забавить,
Нет, в дворцовой тиши непокорный мой стих
Никогда не учился насильников славить.

Мне служили подушкою выступы скал,
Надо мною орлиные крылья шумели,
Я на камнях дорог ноги в кровь разбивал,
Неустанно бродя по дорогам ущелий.

Вырастал я. И ветер играл в волосах
Среди зелени гор, где орлы пролетали,
Да, мой стих, по дыханью похожий на взмах,
Водопады и горы свободным создали.

Если выйдет мне жить до скончания дней
В нищете, если буду босой и голодный,
Не опустятся крылья у песни моей,
Все равно, как орел, она будет свободной.

В ней останется тот же бесстрашный полет.
(А иначе кого моя песня затронет?!)
Рабство смерти героической
лишь трус предпочтет.
Если струшу —
пусть горцы меня не хоронят.

1949

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Опять идешь ты, щедрый летний дождь!
Идешь, и нет конца твоим владеньям,
И твоему рассказу нет конца
О временах далеких и недавних.
Поведай мне о зреющих хлебах,
О фруктах, наливающих соком,
О путнике, застигнутом тобой
На горных тропах, скользких и опасных.
Люблю я монотонный твой язык —
Как будто брату старшему внимаю.
И слышу слезы матери моей,
Оплакавшей отцовскую кончину.
О, сколько ты мне счастья приносил! —
Бывало, дыню надвое разрежу
И вижу силу дивную твою,
Такое чудо вызвавшую к жизни.
В краюхе хлеба, в зелени травы
И в аромате яблок перезрелых
Я видел эту силу наяву...
С тобой дружить мы будем до конца,
До моего — тебе конца не будет.
Ты бесконечно стар и вечно молод.
О, скольких ты событий и людей
Бессмертный и великий современник!..
Не ты ли много лет тому назад
Мочил чехол кремневки Шамиля
И ворс косматой лермонтовской бурки?..
И вот опять идешь ты, щедрый дождь.
И счастлив слушать я твои рассказы,
Я становлюсь богатым, молодым...
Дай бог еще увидеться нам, дождь мой!

1949

СМЕРТЬ ПОЭТА

О, как грустен твой день. Гранада,
Даже камни твои в слезах!

Гарсиа Лорка

На дороге, ведущей в Гранаду,
Он упал оливою срубленнойю.
Он лежал в придорожных травах,
Обнимая землю возлюбленную.
Он упал на теплую землю,
Чьи лимоны сверкали росами,
Чьи дуга весной загорались
Молодыми алыми розами.
Он упал на родную землю,
Ту, что кровь влила в его жилы,—
И теперь эту кровь горячую
Он вернул земле своей милой...
Словно дерево одинокое
Из его печальных стихов,
На пути в Гранаду родную
Рухнул в придорожный ров.

И, наверно, взглянул он на небо,
Зажимая рукою рану,
Синеве его улыбнулся,
Обливаясь кровью багряной.
Это небо с мягкими звездами,
С блеском солнца — яркого, доброго —
Голубело в песнях поэта,
Жадным сердцем навеки вобрانو.
Он не мог не взглянуть пред смертью
На большое небо Испании.
Может быть, поэма о небе
Зрела в сердце,
Когда его ранили!

На дороге, ведущей в Гранаду,
Застрелили его фашисты...
Был он лучшим поэтом Испании,
Был дождем ее — вешним, чистым.
Был рыдающею гитарой —
И гитарой, звонко смеющейся,
Песней, сложенной народом,
Вечно юной,
Из сердца льющейся!

А его убили фашисты...

Но убьешь ли песню народа?
Но погубишь ли смех народа?
Но умрет ли радость народа?

На широкой гранадской дороге
Он упал, обливаясь кровью,
И дороги Испании всей,
Плача, в траур оделись вдовий,
И его голубое небо
Облачилось в глубокий траур...
Он упал, обнимая землю,
Приминая сникшие травы.

И земля, дарившая Лорке
Знойный сок золотых лимонов,
Огневеющих роз прохладу,
Радость песен, в землю влюбленных, —
Кровь его впитала земля,
Приняла своего поэта...
И оружие сжали гневно
Те, кто бился за землю эту...

Он упал, как тореадор,
В пять часов пополудни убитый...¹
Облака склонились над ним,
Потемнев от лютой обиды.
Он лежал в росистой траве.

¹ Имеется в виду тореадор Мехиас, воспетый в стихотворении Лорки «Плач по Игнасьо Санчес Мехиас».

Он молчал, лугами оплаканный,
Сабли вспыхнули в небесах
Нержавеющей мести знаками.

На дороге, ведущей в Гранаду,
Был убит великий поэт,
Был убит он врагами поэзии,
Ненавидящими рассвет,
Был загублен врагами песен,
Был расстрелян врагами весен —
Мир добра для разбойников тесен,
Мир без крови для них несносен!
Мир, где кормят младенцев матери
Молоком сладчайшим своим,
Мир, где птицы поют над селами,
Мир, который непобедим!

Я, писавший много и щедро
Об улыбках детей,
О весне,
Я, назвавший первую книгу
«Утро, здравствуй!» —

я был на войне.

Лорка!
Я не щадил убийц,
Разве дети меня обвинят?
Разве мир осудит меня?
Палачей презирал я,
Брат!
С палачами надо сражаться —
Иль задушат они поэзию.
Вот зачем,
Воспевая розу,
Прославлял я кинжала лезвие!
...Был убит певец доброты,
Друг детей великой планеты.
Бросив взгляд на небо отчизны,
Пал, прохладу смерти почуя.
Был убит фашистами Лорка...
Но для песни гибели нету!
Песни Лорки, словно ракеты,
Распороли тучу ночную.
Был их путь лучезарный волен.

Мир для них — безбрежно просторен.
А убийцам мир будет тесен!
Радость справится с черным горем!
Лорка, брат мой!
Я за тебя,
За тебя сражался с фашистами,
И за всех поэтов загубленных
На войне я дрался и выстоял!

Небо синее Андалузии,
И отвагу тореадора,
И лимонов солнечных запахов,
И лугов гранадских просторы,
Даже муку деревьев срубленных,
Тени мулов,
Рыдания ветра —
Все мне дал в стихах своих горьких,
Подарил мне собрат мой щедрый!

Так он близок мне,
Так мне дорог,
Словно жили в одной мы сакле,
И росли в Балкарском ауле,
И смеялись вместе, и плакали,
И в Чегемском ущелье осенью
Мы орехи лесные рвали,
И горянке, нас угощавшей,
Руку тонкую пожимали.

Так он близок, так дорог кровно,
Словно грудью своей нас обоих
Мать моя кормила когда-то
В тихой сакле
Белой зимою,
А потом бешметики наши
Нам латала у очага...
Так мне близок Гарсиа Лорка,
Так мне песнь его дорога...

И в далекой Гранаде матери
На мою, наверно, похожи,
На мою — печальную, худенькую —
Мать поэта похожа, быть может,

Так же много видела, вынесла,
Как моя усталая мать...
Лорка, друг мой!
Твоим убийцам
Не позволим мы убивать!
Брат,
Они и в меня стреляли
И грозили братьям моим.
Свет и радость мы отстояли,
Брат, и впредь мы их отстоим!

1950

ВОСТОЧНЫЕ СТИХИ

1

Жил на земле во времена былые
Мудрец по имени Аубекир.
Как ливень радует поля сухие,
Он словом радовал сердца людские.
Он был поэт. Ему дивился мир.

Все испытал он, все прошел дороги,
Познал он все, что знает человек,
Он видел повелителей чертоги,
Он бедных посещал приют убогий,
Ел горький хлеб несчастных и калек.

Как пьют с отрадой ключевую воду,
Так пил он мудрость вечных, древних книг.
Бродил он в стужу, зной и непогоду,
Постиг войны тяжелую невзгоду,
Он многое в скитаниях постиг.

Не раз ему на камне спать случалось,
Не раз — следить в пустыне звездный бег,
И голову, почувствовав усталость,
Он снегу открывал, с которым старость
Не зналась, ибо вечно молод снег.

Вступая в спор с небесной звездной славой,
Нанизывал он яркие слова.
Он шел долиной, полем и дубравой,
И мудрости внимал он величавой,
Что всех мечей сильнее, всегда жива.

Он прожил полтораста лет и встретил
Свой смертный час, как было суждено.
— Твой путь был долог,— ученик заметил
Учителю. А тот ему ответил:
— Вошел я в двери, выхожу в окно.

2

Случилось это в древности седой.
Сверкало утро свежей красотой.

Вот вышел из дому Кязим, поэт.
Послал он утру ясному привет,

Прославил он рассвета красоту,
Он поклонился горному хребту,

Снегам, одетым в утренний туман,
И птицам, чьим напевам чужд обман,

И вечно юной прелести земли...
Вдруг нищего увидел он в пыли.

Тот, голову на камень положив,
От голода был болен, еле жив.

Взглянул поэт — и замер, потрясен.
— Проклятие певцу! — воскликнул он.—

Чей взор не видит горя, темен, слеп,
Проклятием ему да станет хлеб!

Будь проклят он! — так повторил поэт.
— Будь проклят! — горы крикнули в ответ.

3

Поэт был известен когда-то,
Он звался Али Мухаммад.
Он весело жил и богато
Средь пышных пиров и услад.

Он в роскоши рос неизменной,
Не зная печальных сердец.
— Богатство — хозяин вселенной, —
Учил его старый отец.

Мужал он и дожил до мига,
Когда он расстался с отцом.
Раскрылась, как мудрая книга,
Вселенная перед певцом.

И вот что с волнением сердечным
Он в книге вселенной прочел:
Кипел на огне вековечном
Людского страданья котел.

Увидел он великолепье
Одежд на богатых пирах,
Увидел он нищих отрепья,
Тела, что черны, словно прах.

Услышал он звуки веселья,
Там были вино и плоды,
А узники из подземелья
Молили о капле воды.

Не струи текли дождевые,
Он слышал, всю ночь напролет, —
То слезы лились вековые,
То слезы вдовиц и сирот.

Так ливня сливались потоки
С дождем человеческих слез,
Так ветер вселенной жестокий
Отцовские речи унес...

— Того лишь сочту я поэтом,
Кто всем обездоленным брат.
Я буду их песней, их светом! —
Воскликнул Али Мухаммад.

НОЧЬЮ В УЩЕЛЬЕ

— Наши кони устали совсем,—
Никакого не видно пути,
Тьма такая, хоть выколи глаз.
В этой тьме как дорогу найти?

О, измучены кони вконец,
Темноту горный ливень сечет,
Как из тысячи бурдюков,
Небо воду на землю льет...
Как найдем мы дорогу вперед?
И назад мы вернуться должны...
— Нет, мужайся, мужайся и знай:
Не для трусости мы рождены!
— В дым измучены кони в пути.
— Нет, они еще могут идти!

— Ничего не видать впереди.
— Лишь вперед, хоть среди облаков!
— Впереди только бездны, гляди.
— Так проходят пути храбрецов!

— Даже гриву коня своего
Я не вижу. Назад повернем...
— Нет, пускай не видать ничего,
Мы дойдем, мы дорогу найдем!

— Я намокших ресниц приподнять
Не могу. Впереди не пройти.
— Но мужи ведь не могут стоять,
Испугавшись, на полпути!

— В дым измучены кони. Кругом
Только тьма, что назад нас зовет...
— Нет, мы, тьму разрезая, идем
Без тропы и под ливнем вперед!

1950

ВЕЧЕРОМ, КОГДА ГРЕМЕЛ ГРОМ

М. Кирееву

Был на Кавказ он сослан из России.
Подслушал ночью я его рассказ.
Но я не понял — за грехи какие
Он из России сослан на Кавказ.

Построив дом себе в Большом Чегеме,
Он стал работать, горцам печи класть,
Любил он песни петь, дружил со всеми,
С отцом любил наговориться всласть.

И, рыжий — будто был он сбить не в силах
Над головою языки огня, —
Могучими руками в синих жилах
Он поднимал с улыбкою меня.

Казалось необычным каждый раз мне
Его простое имя — Михаил.
Не понимал я, что оно прекрасно,
Что имя это Лермонтов носил.

Не мог я говорить с чудным мужчиной —
Не знал я пушкинского языка,
Но, помню, сравнивал уже с овчиной
Кудрявые седые облака.

В тот миг, как над сравнением я мыслил,
Наверно, родился во мне поэт.
Мне радуга казалась коромыслом
Горы, несущей в полных ведрах свет.

И я, наслушавшись старинных сказок.
Сестренке говорил: «Пойдем искать
У радуги конец — ты сможешь сразу,
Перескочив его, мужчиной стать».

Отец, как к брату, к русскому привык —
В дверях чуть встанет грузная фигура,
Нанизывал на вертел мясо тура
И жарил дымом пахнувший шашлык.

И гость хвалил: «Шашлык великолепен!»
А я не знал, что он приехал к нам
Из той страны, где необъятны степи,
Где нет границ лесам, снегам, полям.

У нас, в горах, тропинки круты, узки.
По ровным большакам он тосковал,
Он тосковал по тихим рекам русским,
Над бурной речкой сидя среди скал.

Наш горный дождь — он вдруг поток раздует,
Он словно звон копыт и плеток свист.
А дождь в равнинах — тихое раздумье,
Весь мир, как озеро, широк и чист.

А горный гром — как будто залп орудий,
Как будто взрыв над самой головой,
Как будто тишину внезапно будит
Большого войска грохот боевой.

Он тосковал по грозам над полями,
Что громыхают где-то там, вдали,
И дождик пахнет свежими цветами,
Взошедшими из политой земли.

Мечтал он, как войдет заиндевелый
К себе в бревенчатый родимый дом
Иль будет песню петь в пустыне белой
О тройке с захмелевшим ямщиком.

Погиб в грозу он. Но воспоминанья,
Как запах от погасшего костра,
Еще живут. И про его страданья
Мне пели мать и старшая сестра.

Не знаю я ни дум его, ни бедствий.
Я помню только кудри из огня.
Ночным рассказом, что услышан в детстве,
Остался он навеки для меня.

1950

В ПУТИ

Угрюмые горы, ночные леса,
Копыт приглушенный стук...
Пять всадников скачут, а небеса
Словно худой бурдюк.

Трудно скакать без звезд, без луны.
Дождь. Тяжелы башлыки.
Дорога длинна, горы темны,
Пропасти глубоки.

А в пропастях то ли вода, то ли мрак,
Не разобрать никак.

Пять всадников скачут вперед и вперед,
Копыта стучат в ночи.
По крупам коней дождик сечет,
Словно камчи.

От шалого выстрела ночь между скал
На миг озарилась огнем.
То ли камень в пропасть упал,
То ли всадник с конем.

Угрюмые горы, ночные леса,
Копыт приглушенный стук...
Скачут четверо,
А небо словно худой бурдюк.

Скачут они на усталых конях,
Несут недобрую весть.
На бурках кровь, и печаль в глазах,
А в сердце таится месть.

1950

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Орлицу я песней ночной разбудил,
Ой, мама, мама моя!
Прошуршала она парюю крыл,
Ой, мама, мама моя!
Ты видишь ее, ой, мама моя?
Ты слышишь ее, ой, мама моя?

Я птицу орлицу вспугнул на беду,
Ой, мама, мама моя!
Найдет ли она дорогу к гнезду,
Ой, мама, мама моя!
Вернется ль она, ой, мама моя?
Ночка темна, ой, мама моя!

Если она не вернется назад,
Ой, мама, мама моя!
Кто пожалеет бедных орлят,
Ой, мама, мама моя!
Кто их согреет, ой, мама моя?
Кто пожалеет, ой, мама моя?

Орлицу я песней ночной разбудил,
Ой, мама, мама моя!
Прошуршала она парюю крыл,
Ой, мама, мама моя!
Ты видишь ее, ой, мама моя?
Ты слышишь ее, мама моя?

1950

ЗЕКЕР И ЗАРИ

— Зекер, над Дыхтау светлей, чем всегда,
Звезда горит, посмотри!

— Нет, это светится не звезда,
Это сердце мое, Зари!

Ветер опять будет стонать,
Стучаться в дверь: «Отвори!»
То не ветер, то сердце мое опять
Будет рваться к тебе, Зари!

— Зекер, ты слышишь ржанье коня
И звон стремян у двери.

— Этот скакун унесет меня,
Если будешь ты злой, Зари!

— Я брата боюсь, он глядит, как медведь.
Брат кинжал точил до зари.

— А я, дорогая, боюсь умереть
Вдали от тебя, Зари.

— Зекер, а умрешь ли ты рядом со мной,
Если я прикажу: умри.

— Прикажи, клянусь, я о смерти иной
Не мечтаю, моя Зари.

— Чего же ты медлишь, Зекер, поскорей
Укради меня, заberi.

— Горяч мой конь и под буркой моей
Ты не замерзнешь, Зари!

1950

СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ

За добычею в лес
Шел по тропе человек,
Но синеву небес
От него закрыл снег.
Человек за добычей шел,
Но человек мал в горах,
А снежный обвал тяжел,
И страшен обвал в горах.
Ты упал на снег, человек,
Над тобою снег, под тобою снег,
Белым снегом глаза полны,
Снега полно вокруг.
От такой белизны
Стало темно вокруг
Снег, снег и снег —
Это твой последний ночлег.
Снег — подушка твоя
И подружка твоя,
Стал он милой твоей
И могилой твоей.
Над тобою снег,
Под тобою снег.
Мне жаль тебя,
Человек!
И руки твои
Теперь не твои,
И ноги твои
Теперь не твои.
Снег, снег и снег,
Он твой, ты его навек,
Снегом полон твой рот,
Снегом глаза полны.

А кто-то охотника ждет,
Как ждут не пришедших с войны.
В селенье тебя на ночлег
Ждут и мать и отец,
Но над тобой снег
И под тобою снег,
И это конец.

1950

НОЧЬЮ, КОГДА ШЕЛ СНЕГ

Снег по брюхо коню твоему,
Но ты не слезаешь с коня.
Грива коня твоего бела,
Но ты скачешь вперед и вперед.

Снег по брюхо коню твоему,
Но ты не жалеешь коня.
Уши коня твоего белы,
Но ты скачешь вперед и вперед.

Впереди весь в снегу аул Уллу-Эль,
Впереди мерцают огни.
И пока не достигнешь ты этих огней,
Тебе не передохнуть.

Снег по брюхо коню твоему,
Но конь твой идет вперед.
Заметен и заснежен аул Уллу-Эль,
А в домах очаги горят.

Там теплые руки над очагом
Повесят бурку твою
И снимут мокрые сапоги...
Спеши, торопи коня!

Там, в Уллу-Эль, ожидают тебя,
Там пара горящих глаз
Заглянет в твои глаза, а пока
Тебе остановки нет.

Снег по грудь коню твоему,
Но ты погоняй коня.
Гляди: впереди мерцают огни!
Взгляни: Уллу-Эль впереди!

1950

ВЕЧЕРНЯЯ БАЛЛАДА

- Ты откуда идешь, Азрет?
- С гор высоких, с далеких скал.
- Что ты делал в горах, Азрет?
- Гнал оленя.
- Догнал?
- Не догнал!
- Что случилось с тобой, Азрет?
- Иль в стволе твоём пули уснули?
- Нет, владеет ружьем Азрет,
- Но олени быстрее пули.

- Что ты видел в лесах, Азрет?
- Ветер сосны сгибал в дугу.
- Что ты видел в горах, Азрет?
- Кровь охотника на снегу.
- Что ты видел еще, Азрет?
- В небе сокол чертил круги.
- Что ты видел еще, Азрет?
- Видел мглу, а за ней ни зги.

1950

ГОРЕ

Муж Кермахан и сын Кермахан
Хорошие были бойцы.
Поехали двое джигитов на бой,
Вернулись домой мертвецы.

Завернутых в бурки, внесли их в аул,
И солнце застлала гроза,
И, выйдя навстречу им, вдруг Кермахан
Застыла, не веря глазам.

И вымолвить слово не в силах была,
И даже не вырвался стон.
Стояла она посредине двора,
Не веря, что это не сон.

И даже, когда их в земле погребли,
Стояла без слез Кермахан,
Не веря, что все это видит она,
Не веря, что все не обман...

В горах ей казалось, что дома ждет муж
И крутит седые усы,
А дома — что в дверь, постучавшись, войдет
Сейчас ее радостный сын.

Черкеску скроила она. — Но кому, —
Спросили соседи, — ты шьешь? —
Сказала она, удивленно взглянув:
— Да мужу... Кому же еще!

Спросили однажды соседи: — Кому
Ты шьешь этот славный бешмет?
— Кому ж, как не сыну, — она, удивясь,
Сказала соседям в ответ.

Оружье она протирала всегда,
Шепча про себя лишь одно:
— А вдруг заторопится муж на войну —
Пусть будет в порядке оно.

1950

ПОБЕГ

— Любимая, сзади погоня, —
Крепче за бурку держись.
Догонят — я буду сражаться
За нашу любовь до конца.
Красавица, как я был счастлив,
Когда я похитил тебя.
Если жить нам вместе не дали —
Вместе хотя бы умрем.

— Рядом с тобой я жила бы
Даже на голой скале.
Хочешь — бросай меня в пропасть,
Хочешь — хоть к звездам вези!
Вот твое сердце — прижалась
Крепко к нему щекой.
Вот оно, вот оно, счастье,
Я уж познала его...

— Конь вороной — вот надежда,
Конь наше счастье спасет.

— Милый мой, слышишь ты голос —
Это мой брат позади.

— Тише, не бойся!

— Я слышу

Сзади дыханье коней.

— Тише, не бойся!

— Я слышу

Сзади оружия звон!

— Милая, конь быстроногий
Нас от погони спасет.
Я ему дам свое сердце,
Он полетит, как стрела.

Если жить нам вместе не дали —
Вместе хотя бы умрем...
Вот и родное ущелье —
Милая, мы спасены!

1950

МОЛЧАНИЕ

Когда в плен попадал, обессилев, солдат,
Когда в тюрьмах пытали борцов непрерывно,
Начиналось молчанье. Так горы молчат,
Напряженно застыв под грозой и ливнем.

То молчанье — кинжал, что не первый уж год
Спит в ножнах, остроты не теряя нисколько,
Или крепость, которую враг не возьмет,
Хоть на стенах немало защитников пало.

1950

СОСТЯЗАНИЕ

— Хоть склон горы отвесен —
Иду, не устаю.
Тебе я много песен,
Красавица, спою.

— Что ж, спой мне, если можешь.
А память отшибет—
На чучело похожий,
Замрешь, разинув рот.

— Зазубрин у кинжала
От грозных битв не счесть.
Таких, как ты, немало
В ауле нашем есть.

— Нет, девушек красивых
Немного все равно.
А юношей хвастливых
Везде полным-полно.

— Нет, девушки не хуже
В родном ауле ждут.
Я к ним ушел бы тут же...
Да ноги не идут!

— Я жениха могла бы
Прекрасного найти.
Тебя я прогнала бы...
Да глаз не отвести!

1950

Я С ГОР ПРИШЕЛ

Я с гор пришел, где буран,
Я с гор пришел сквозь пургу.
Отряхни меня, Марзи-джан,
Видишь, бурка моя в снегу.

Я с гор пришел, где буран
Метет из конца в конец,
Где Эльбрус как белый чабан,
Пасущий белых овец.

Я с гор пришел, где белы
Заснеженные пути,
Я с гор пришел, где орлы
Гнезд своих не могут найти.

Я с гор пришел напрямик,
С гор, где белым-бело.
Был надежен мой проводник —
Сердце меня вело.

Средь ущелий во тьме ночной
Путь нерадостен и тяжел.
Я не знаю, что б стало со мной,
Когда б не к тебе я шел.

Мне ночами казались дни,
Я видел одну пургу.
Обогрей меня, отряхни,
Видишь, бурка моя в снегу.

1951

* * *

Джемалдину Яндиеву

Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака,
Что в небе плавают вокруг.
Кого не бьет беды рука?

Чернее быть не может дня,
Потери — больше. Ты не прав:
Будь мудр — кто потерял коня,
Не плачет, плетку потеряв!

1950

ДОЧЕРИ ГОР

1

Вечером выйду — издали кланяюсь
Белым горам, где ты родилась.
Поутру выйду из дому — кланяюсь
Тропкам, где шла ты ребенком, резвясь.

Благославляю трудолюбивые
Руки, что выпестовали тебя,
Гляну на звезды: вот ведь счастливые —
Часто на них ты смотрела любя...

Благодарю я землю суровую,
Ночи, тебя охлаждавшие в зной,
Воду, что ты пила, родниковую,
Каждой былинке поклон мой земной!

2

Когда, ножонку робко поднимая,
Ступила ты на землю в первый раз —
Увидела ты солнце в небе мая
В тот утренний, веселый ранний час.

И улыбнулась. И с тех пор осталась
Улыбка та на розовых губах,
И чистота высоких гор осталась
В сверкающих алмазами глазах.

В твоей душе с тех пор поныне живы
Сиянье утра, неба чистота.
Вот почему глаза твои красивы,
Вот почему пленительны уста!

Когда ходить ты стала, дорогая,
Не знаю... Летом, осенью, зимой?
Но, глядя на тебя, предполагаю,
Что как-то в мае утренней порой

Увидела ты солнце, день погожий...
Вот почему ты с майским утром схожа.

3

Благословен твой первый детский шаг!
Ты в мир шагнула, только и всего,
Ты обо мне не знала ничего,
Но наша встреча началась с него.
Благословен твой первый детский шаг!

1951

* * *

Так мало дней отпущено нам всем.
Не дай мне бог жить без тебя под старость.
Решу тогда, что не жил я совсем.
Не дай мне бог жить без тебя под старость.

Без глаз твоих, без плеч, без рук твоих
Не дай мне бог жить без тебя под старость.
Без голоса, который добр и тих...
Не дай мне бог жить без тебя под старость!

Какой горой укрыт от зорких глаз
Последний день мой, сколько их осталось,—
Не знаю. Где он — мой последний час?
Не дай мне бог жить без тебя под старость!

1951

ОСЕНЬ ПРИШЛА К ВАМ, ГОРЫ МОИ

Мои горы, к вам осень пришла поутру,
С шелестом желтых листьев пришла,
Наполнилась запахом диких груш
Всех лесов туманная мгла.

Сейчас привкус орехов живет в тиши,
В ваших лесных озер воде,
Сухие листья шуршат: шыр-шыр
На дубах в Сары-Тюзде.

И шумит ночами река Чегем,
Горы слушают, шум ее множа,
Она к морю стремится желаньем всем,
Но с горами расстаться не может.

В полдень тень облаков переходит вплавь
Реку Черек, где гром неустанный,
Ветер, все облака в табуны собрав,
Гонит в сторону Дагестана.

1952

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Эльдару, который еще не умеет читать

Спит наш мальчик утомленный,
Маленький джигит.
Тополей прибой зеленый
За окном шумит.

Все дома и все заборы
От росы седые.
Небо синее, и горы,
И сады, сады...

Гром ударил отдаленный,
Как салют весне.
Спит наш мальчик. Мир зеленый
Видит он во сне.

Свежевымытый, опрятный,
Он ему знаком,
Мир, в котором так приятно
Бегать босиком.

Спит наш мальчик — счастье наше...
Ровно дышит он.
А над ним тихонько машет
Влажной веткой сон.

1952

ТУР

Через перевалы и снега
Тур проносит гордые рога.

Чистый снег глаза ему слепит,
Заметает след его копыт.

И тогда в пещеру входит он,
И ложится спать, и видит сон:

Сочную, зеленую траву
Видит он, как будто наяву.

А проснется — ветер, сер и хмур,
Тяжело вздыхает гордый тур.

Как всегда, жестка его постель,
Бесконечной кажется метель...

Но когда на утренней заре
Выйдет он, и встанет на горе,

И поднимет гордые рога —
Перед ним смиряются снега.

1953

ЗИМНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Падает на ели снег,
Над аулом скалы спят.
Сероглазые орлята
Тоже спят под снегопад.
Спи, мой мальчик сероглазый,
Спи, мой маленький орленок
 Ляу-ляу, ляу-ляу,
 Ляу-ляу, ляу-ляу.

Под скалой козленок спит
Рядом с матерью своей,
Под ее горячим брюхом
Голову свою укрыл.
Ты его еще не видел...
У тебя глаза козленка...
Спи, малыш, козленок дикий.
Снег идет, идет, идет...
 Ляу-ляу, ляу-ляу,
 Ляу-ляу, ляу-ляу.

А под снегом спят березки
Возле матерей-берез.
Спят они...
И ты усни.
Спи, сынок мой, засыпай.
С гор пришел пушистый снег,
Бурку белую страхнул,
Буркою укрыл ущелье,
Луг, дорогу, наш аул...
 Ляу-ляу, ляу-ляу,
 Ляу-ляу, ляу-ляу.

Мул, наевшись сена, спит,
Под навесом крепко спит...
А отец твой черноусый
До сих пор еще в пути,
Конь с заиндевелой челкой
По дороге мчит отца.
Скачет, скачет...
Спи, мой мальчик,
Маленький джигит мой, спи.
 Ляу-ляу, ляу-ляу,
 Ляу-ляу, ляу-ляу.

1953

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В ЧЕСТЬ КИРГИЗСТАНА

Аалы Токомбаеву

Я ел твой хлеб, я воду пил твою,
Шел по твоим отрогам, в снег одетым.
Я руки в горном пожимал краю
Твоим табунщикам, твоим поэтам.

Скупа — я знаю — дружба на слова:
Как песня, слов чужих не повторяя,
Она всегда свежа, всегда нова,
В ней запах сада, в ней весна живая.

На звезды я твои смотрю: они
Как будто в детстве надо мной горели,
Тем незабвенным звездочкам сродни,
Чей свет к моей струился колыбели.

Твои ручки звенят мне, как во сне,
Твои тюльпаны мне милы поныне.
Поэмой древних гор казался мне
Твой Иссык-Куль, как свод небесный синий.

Как матери мы помним молоко,
Мы доброты людей не забываем.
Мы помним хлеб, нам данный братским краем
В те дни, когда нам было нелегко.

Как в битве отдает без сожаленья
Всю кровь свою за родину боец,
Так честной песне отдает певец
Всю кровь свою: у них одни стремленья.

И тот и этот движимы одной
К семье людской великою любовью,
Во имя светлой радости земной,
Со злом борясь, они исходят кровью.

Нет истинного воина без ран,
Как нет без песни о любви поэта.
Вот песнь моя. Она от сердца спета.
Мой дар любви прими, мой Киргизстан!

1947—1956

ЖЕНЩИНАМ

Вы — скорбь ночей, войной сожженных.
Вы — наша помощь, совесть, кров.
Вы — наши матери и жены.
Ваш трудный жребий был суров.

Вы клали добрые заплаты
На рубища своих мужей,
Лечили храброго солдата,
Омывши кровь слезой своей.

Из ваших рук умелых ели
И полководец и пастух.
Без вас бы сакли захирели
И в очагах огонь потух.

Да, славсю ваш труд увенчан.
Вы — солнцу ясному родня!
Какой поэт не славил женщин
От Саади и до меня?

«Я помню чудное мгновенье»
Без женщины б не родилось,
Красу есенинской сирени
Сгубил бы мертвенный мороз.

Вы были соловьиной трелью
Для всех поэтов всех времен.
Вы звездами добра горели,
Когда был мрачен небосклон.

Итак, за женщин поднимаю,
Как тост, я стих влюбленный мой
И слышу жаркий шепот мая,
И пахнет розами... зимой!

1955

КИРГИЗСКАЯ ДОРОЖНАЯ ПЕСЕНКА

Едешь к милой
На свиданье,
Так явись
Без опоздания.

Если сядешь
На верблюда,
Скажем прямо —
Дело худо!

Сердце мчится,
Как ракета,
А ему
Плевать на это.

Еле-еле
Тащит ноги,
Хоть слезай,
Проси подмоги.

Опоздаешь
На свиданье —
Не помогут
Оправдания!

То ли дело —
На машине!
Скажут: легок
На помине...

Села — мимо,
Скалы — мимо,
А она
Неутомима.

До любимой —
Час пути.
Год верблюду
Не дойти.

Нет,
Машина —
Это чудо!
Я не сяду
На верблюда.

1955

* * *

Живу, тружусь. Придет последний день,
Как к нашему соседу-печнику,
Когда шел ливень и цвела сирень...
И надо быть все время начеку.
Ну что ж! Да будут счастливы все те,
Кому в тот день родиться суждено.
Желаю исполненья их мечте,
Как и мечте их внуков заодно.
Да будет счастлив каждый человек —
Кто в этот день напишет первый стих.
Быть может, и ему на склоне лет
Я помогу в исканиях своих.
Да будет счастлив юноша-поэт,
Чужой, знакомый, сын мой или внук,
Все те, с кем мы расстанемся навек,
Кто примет этот мир из наших рук.
Круговорот извечный бытия —
Один из нас ушел, придет другой.
Вот почему работать буду я,
Хотя б в могиле был одной ногой.

1955

СЫНУ ЭЛЬДАРУ

Уходят дни. Ко мне уже стучатся
Болезни, и со снежного холма
Уж на меня посматривает старость...
Они грозят, но я не боюсь,
Не разуверюсь и свой труд не брошу.
Теперь я радость жизни и работы
Куда острее, чем в юности, постиг
И ощутил сильнее весомость слова.
Грозят болезни, угрожает старость,
Они понять никак еще не могут,
Что молодость моя к тебе уходит,
А силы и здоровье перешли
В мои стихи...

В тот день, когда я кончу
Свой путь, я знаю, ты его продолжишь,
Достигнешь мной не взятой высоты,
Да, ты дойдешь. И оттого я храбрый...

И зря слепая старость и болезни
Пытаются сейчас меня пугать —
С оружием павших в бой идут живые
И так к победе, к радости приходят...

Смерть нам грозит, а мы вперед стремимся:
Шуршит рубанок и пила скрежещет,
Собака лает — всаднику плевать...
Пусть старость смотрит на меня с холма,
Но я ее дразню растущим сыном.
Он вырастет. И старость удивится:
— Никак не удастся их согнуть!

1955

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ВЕЧЕРОМ

Как ты сильно постарела, мать!..
Вечные заботы и усталость...
Так и не сумев тебя догнать,
За горами молодость осталась.
Ты спешила все вложить в семью,
Вот и не заметила разлуки.
Зря ты ищешь молодость свою
И зовешь, протягивая руки.
Через перевал, где снег и лед,
К ней никто приблизиться не смеет.
Не сумеет даже самолет.
Только память, может быть, сумеет.
Вспомни, как была ты молодой,
Легконогой, стройной и высокой,
Как ходила к речке за водой
Ледяной и пахнувшей осокой.
Чистая и звонкая струя
Клокотала в горлышке кувшина.
Ты его по самые края
Наполняла и домой спешила.
И, сама не зная почему,
Улыбалась людям, птицам, звездам,
Даже отраженью своему...
Лет в семнадцать трудно быть серьезным!
В те года могли твоей судьбе
Только позавидовать подруги.
Складывали песни о тебе
Наши черноусые ашуги.
А речная светлая волна
Каждый день рассказывала сказки.
Но волос коснулась седина.

Щеки и глаза твои погасли.
Я тебя почти не узнаю.
И слежу я не без тайной муки,
Как ты ищешь молодость свою
И зовешь, протягивая руки.
Может быть, покорная мечтам,
Ты в моей дочурке увидала
Девушку, оставшуюся там,
За неровной гранью перевала...

1955

МАТЕРИ

Ты ради меня забывала про сон,
Ты столько дала мне чудесных имен,

Я сроду не слышал милей голосов —
Звучал мне в окопах твой голос, твой зов.

Нигде не видал я приветливей глаз,
Вкусней не едал я, чем в доме у нас,

И рук в целом мире, наверное, нет,
Как те, что латали мой старый бешмет.

1955

В НОЧНОМ ГОРОДЕ

Тихо, полночь несет караул.
Город смолк, но еще не уснул.
В каждом доме, за каждым окном
Пеленают детей перед сном,
Варят пищу, стирают белье,
Что-то делают, каждый — свое:
Кто читает, кто чай заварил,
А кого уже сон разморил...
Никому я из них не знаком,
Но хотел бы подслушать тайком
Их рассказы, их слезы и смех —
Потому что мне дело до всех...

1955

РОДНОЙ ЯЗЫК

В тебе тепло есть материнской груди
И запах трав родных тебе полей,
Вся свежесть рощ в твоих словах пребудет,
Как молоко балкарских матерей.

Вкус испеченного родимой хлеба
И взоров материнских доброта,
Тепло родного очага и небо,
Где майского рассвета чистота.

Лавины снежной грохот одинокий
И турий бег, отвесная скала,
Удар меча героя и далекий
Тот клеткот ввысь летящего орла.

Звон родника, раскаты бури снова,
Зной солнца и вечерний мир полей,
И голос гнева в час беды суровой,
И воркованье нежных голубей.

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь.
Родной язык, ты юности язык!
Родной язык, ты верности язык!

1955

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Мне нет и сорока, но прожил я немало,
И старше я кажусь теперь друзьям своим —
Ведь молодость моя под пулями шагала,
Через гнилой Сиваш переходила в Крым.

За спинами других, себя оберегая,
Не пряталась она, хоть был суровым век...
В беде не покорясь врагам родного края,
По месяцам жила, грызя сухой чурек.

— Ты тех старей,— твердят,— кто больше жил
на свете,
Счастливее, видать, им вышло жить, поэт...—
Но я скажу в ответ, что жили люди эти
Спокойнее меня, но не счастливей, нет.

1955

ПРАЗДНИК В АУЛЕ

День Октября. Кумачовый поток.
Горный аул стал нарядным и светлым.
Желтые листья высоких чинар
В быстрые речки уносятся ветром.
Шелест знамен. Партизан ордена,
Кони на скачках такие, как в сказке,
Хлопанье, шуточки, бубен, зурна,
Тонкие девушки, быстрые пляски.
Вдруг средь веселья народ замолчал,
Песня широко крылами взмахнула.
Это запел «Интернационал»
Хор нашей школы, питомцы аула...
Все было в жизни: удача, беда,
Много забыл я и много забуду,
Но как в ауле мы пели тогда,
В сердце своем пронесу я повсюду.
А пионеры, что вместе со мной
Пели тогда, в нашем дальнем ауле,
Сколько из них не вернулось домой,
В битве упало от вражеской пули.
Все мы — средь трудных, нерадостных дней,
Пусть хоть обида нам горло сжимала,—
Верили яростно в братство людей,
В гордый порыв «Интернационала».
Много я в жизни своей забывал,
Но не забыл я ни в громе, ни в гуле
То, как я пел «Интернационал»
В праздник у школы в осеннем ауле.

1955

ЖИЗНЬ — ВОСХОЖДЕНИЕ

Жизнь — на вершины всходить и взойти.
Жизнь — это значит не сбиться с пути.
Трудно? Но пусть не робеет душа,
В снежную бурю, под ветра гуденье
Будем карабкаться, трудно дыша.
Жизнь — восхождение. Жизнь — восхожденье.

Манит вершина, светла и строга,
Золотом солнце покрыло луга,
Снежные вихри на каждом шагу
Тщетно пытаются сеять смятенье,
Все ж мы дойдем, утопая в снегу,
Жизнь — восхождение. Жизнь — восхожденье.

Жизнь — это значит дорога крута,
Жизнь — это вечно в глазах высота.
Видеть вершину всегда пред собой,
Видеть сквозь бурю, сквозь тучи препятствий,
И по камням, по тропе ледяной
Все подниматься! Все вверх подниматься!

1955

ТОСТ

Пусть вовек не гаснет в доме нашем
Простой очаг, что мы зажгли теперь,
И пусть беда, чей лик знаком и страшен,
Не отопрет вовеки нашу дверь.

И пусть, коль будет радость мчаться к людям,
Облавы путь не преграждают ей.
Пусть для врагов мы тверже стали будем
И мягче всех мы будем для друзей.

Пусть мы подружим, как вода с мукою,
Когда хозяйки делают чурек,
Пусть трусость будет нам всегда чужою,
А с мужеством сроднимся мы навек.

И пусть хлеба настолько густо встанут,
Что и змея не проползет сквозь них,
Пусть наши изречения люди станут
Века хранить в пословицах своих.

И самой крупной трудностью народа
Пусть будет радостный прием гостей.
Как наши горы, вечно пусть свобода
Стоит неколебимей крепостей!

1956

ТЕНЬ ОРЛА

«Как увидим орлиную тень на скале —
Нам удачу большую пошлет Абсаты¹», —
Так сложили охотники гор, не полей,
Эту песню, слова у которой просты.

На заре шли в охотничий горный поход
И, удачи не встретив в пути ни одной,
Все же пели: «К нам счастье дорогу найдет,
Тень орла на скалу упадет все равно!»

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

1956

¹ А б с а т ы — мифический покровитель гор и леса.

МОЙ ГОРОД

Алиму Кешокову

Мой город Нальчик — горы в белом дыме.
Мое гнездо, вновь пред тобой стою.
Под липами широкими твоими
Я снова встретил молодость свою.

Лишь я тебя увидел снова, город,
Студенчеством моим пахнул ты вдруг,
Мне, как родному, улыбнулись горы
И, как на свадьбе предки, встали в круг.

Здесь девушки моей осталась где-то
Веселая улыбка чистых глаз
И радость первой книги, песни спетой,
Что тоже здесь когда-то родилась.

Балкария на поднятые плечи
Набросила, как бурку, облака...
О родина моя! Вот наша встреча!
Как я к тебе спешил издалека!

И запах дынь, настойчивый и тонкий,
Он и сейчас в домах неистребим.
И, как чегемский всадник, так же звонко
Несется дождь по улицам твоим.

И радуга все так же над тобою
Раскинула цветастые края.
Ей улыбалось детство озорное,
Ей зрелость улыбается моя.

А над Долинским облака часами
От Голубых озер плывут в тиши,
Густые тени на сады бросая,
Они уходят после в Хаймаши.

Кто от лавины снежной спасся чудом,
Свою приносит радость в дом, где рос.
Вот так тебе, что снился мне повсюду,
Свою любовь сегодня я принес.

Хоть стих порви — не буду обозлен я.
Лишь сам живи — найдутся песнь и стих.
Ворвался в строчки облик твой зеленый,
Как ветер в окна жителей твоих.

Веселый образ юности далекой,
Моя улыбка в детском чутком сне,
Походка милой, взгляд ее глубокий —
Вот облик твой. Ты так живешь во мне.

1956

* * *

Когда-нибудь и я, как все, умру.
И никуда от этого не деться.
И все же снег, что выпал поутру,
Меня сегодня радует, как в детстве.

Давно промчались юные года,
Того здоровья нету и в помине.
И все-таки красивей никогда
Мне не казались гроздья на рябине!

1956

ПОЭТ И ГОРЫ

Николаю Тихонову

Если снежные обвалы с гулом тяжким и глубоким,
Неожиданно срываясь, быстро к пропасти неслись,
Ты задумывался, вторя бурным лермонтовским строкам,
Что, как этот гул обвала, здесь когда-то родились.

Горы высились толпою, да, толпой бритоголовой
Строгих горцев, что одеты в яркий праздничный наряд,
Ты беседовал с горами, их язык поняв суровый,
Так беседовал с горами, словно был их младший брат.

В твоих строках мощно дышат наши горы, наши кручи,
Словно ты и впрямь родился на Баксане, меж теснин.
Как в свою родную саклю, в стих торжественно-певучий
Смуглорукая горянка вносит глиняный кувшин.

И быка у нас воспел ты, как он в гору шел упорно,
Меж рогов его широких вдруг аул ты увидал.
На тропах кривых и узких, на крутых дорогах горных
Не однажды бурный, щедрый ливень гор тебя застал.

И мохнатые, как тучи, партизанские папахи
Оживают в твердых строках, словно гор святая быть.
Как на пастбище высоком знойным летом душно пахнет
Бурка терпкою травой, ты, конечно, не забыл.

Высотой вершин взволнован, удивлен красой их новой,
Ты, как тост, за это поднял стих чеканный над собой,
Сразу эхо скал далеких подхватило стих суровый,
Как свою простую песню, повторяя голос твой.

И когда на Бичесыне вдруг за дымкою туманной
Сам Эльбрус тебе открылся дальней снежной белизной,
И когда ты, наклонившись, пил из речки безымянной
И до боли стыли зубы в чистой влаге ледяной,

И когда в ауле, в сакле, на пиру в прозренья мудром
Встал ты рядом с тамадою, непохожий на себя,
Иль когда ты близ Терскола спал в шатре и, выйдя
утром,
Увидал, как встало солнце, усмехаясь и слепя,

То почувствовал ты радость, что бурлит в тебе, играя,
Как река летит в ущелье, ворвалась в стихи она.
Эту солнечную радость, как заботливый хозяин,
Ты легко и щедро миру подносил, как рог вина.

Был ты мужества поэтом. И поэтому легко ты,
Очень просто, без натяжки стал поэтом гор крутых,
Чтобы люди новой эры всей душой рвались к высотам,
Чтобы их не испугало все, что станет против них.

А глаза твои вбирали неба синее свечение,
Шел ты в горы с марсианской страстной жаждою
творить,
И поэзия предстала непрерывным восхождением.
Восхождение — это слава, восхождение — это ритм.

Подымаю за тобою стих за все, что сердцу нужно,
И за мужество и юность мира — радости живых,
За людей хороших дружбу и стихов хороших дружбу,
За вершины и за то, чтоб всходить всегда на них.

И поток, от пены белый, скалы хмурые Хулама
И чегемские вершины, как и наш любой поэт,
Не забудут, как ты в горы шел, карабкаясь упрямо.
Этот стих мой безыскусный — только их живой привет.

ПОЭЗИЯ

Ты — седая снежная вершина,
Облака пронзившая, как меч,
Паводка весеннего лавина,
Ручейка хохочущего речь.

Ты — победоносные знамена,
Реющие гордо на ветру,
Запах кукурузы испеченной,
Хлеб, что мать готовит поутру.

Дробный стук дождя по бурке всадника,
Сокрушительный обвал в горах,
Зреющие лозы виноградника
И росой блещущий овраг.

Ты — синишки моего улыбка,
Ты — раздумье важных стариков,
И зеленый лист, пахучий, липкий,
И печальный материнский зов.

Ты — любимой ласковые руки,
Ты — моя родимая земля,
Где, валяясь у речной излуки,
В облака глядел мальчишкой я.

Все, что мне всего милей, дороже,
Весь запас душевного тепла,
Без чего и дня бы я не прожил,
Все ты мне, поэзия, дала.

На коня меня ты посадила —
Всех надежней он и всех сильнее...
Без твоей животворящей силы
Стал бы я чинарой без корней.

1956

БЕРЕЗКА

Подружка рябины, белеет березка.
Трепал ее ветер, холодный и хлесткий.

Устала она, подремать захотела.
Белеет она, а листва пожелтела.

А осень гуляет в лесу по-хозяйски...
Березка из песни пришла или сказки.

Поэтов России сестра, утешенье,
Белеет березка в чащобе осенней.

Быть может, на нашем Кавказе, в изгнание,
Тоской по отчизне оставленной ранен,

Оглядывал Лермонтов горы седые,
Искал тебя взором, березка России...

1956

* * *

Хочу я, чтоб в мой стих входили люди
С улыбкой доброй, словно в новый дом,
Чтоб им в строке дышалось полной грудью,
Как в светлом доме ясным летним днем.

И если в строчках будет им приятно,
Как у домашних теплых очагов,
И если скажут: «Что же, все понятно,
Нам хорошо среди твоих стихов»,—
Я буду счастлив, люди:

двери дома

В моих стихах для вас растворены,
Табунщики, стрелки и агрономы,
Строители, врачи и чабаны!

Пусть мастер точит дерево и камень,
Я так же честно, не жалея сил,
Все дни работал — только над стихами.
«Пусть пригодятся людям»,— я твердил.

Как в новый дом, в стихи свои простые
Зову я вас, прославленных трудом...
Без вас в том доме комнаты пустые,
Прошу, друзья, пожаловать в мой дом!

1956

* * *

Как пахнет трава на родной земле,
Не в моей позабыть это воле,
Слышал в дальней дали, в полночной мгле,
Как шумят мои сосны в Терсколе.

Талисманом родная земля на груди,
Мне не надо ни лучше ее, ни светлей,
Нет, нигде не забуду, где б я ни бродил,
Как пахнет трава на родимой земле.

1956

* * *

В землях многих как друг я, скитаясь, был,
У чужих очагов грел руки свои.
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Сыном гор я остался, горы мои!

Горной речке в горах греметь суждено,
Но в равнине стихает ее волна,
Все же с именем тем, что в горах дано,
У истоков, к морю доходит она.

1956

Я во многих местах бывал.
Я в окопах сырых воевал.

Без родимой земли я жил.
Только в сердце ее носил.

И когда среди трудных дней
Начиналась тоска по ней,

Возникал виденьем родным
Перед грустным взглядом моим

Огород. В огороде — мать.
Весь передник в земле опять.

Вечер. Плотно усевшись в ряд,
Наши куры в сарае спят.

Сто дымков над аулом родным.
И над нашим домиком дым.

1956

ХЛЕБ И РОЗА

Хлеб и роза, вы сердце поэзии всей,
Вы вселенной краса, радость наших детей.

Мы лежали в окопах, у гибели в лапах,
Но сквозь дым ощущали победный ваш запах.

Хлеб и роза, не сгубит вас черное зло —
Вы живете, чтоб счастье людское цвело.

Хлеб и роза, вы труд наш, вы наше богатство.
Миру с вами во веки веков не расстаться!

1956

ГОНЬ ОЧАГА

есть в очаге твоём,
ашно ничего на свете.
ж, и хлеб печется в нем,
сизнью старики и дети.

ь родного очага
тел задуть, добраться силясь,
епые клинки врага
ой моею заносились.

сами ни старался враг,
гас, врагу не удавалось.
нцов опять горел очаг,
прошедшем оставались.

а очагов своих тепло,
пламя вечно трепетало,
гордых храбрецов легло,
срови их земля впитала.

рецов не зря рекой текла,
защищались, насмерть стоя:
иснет, горяча зола,
похож на кровь героев.

! Немеркнувший мой свет!
бя и горестно и грустно,
ет, в пище соли нет,
леб нам кажется невкусным.

Для нас ты трудолюбие отцов
И матерей сердечная забота,
Пожатые друга, девушки лицо,
Луна и солнце, радость и работа.

Враги огонь гасили. Но во мгле
Мы защищали вновь его упорно,
И снова хлеб растили на земле,
Как счастье, светлый и, как горе, черный.

И будет хлеб. И зазвучат в ночах
Родные песни в нашем гордом крае.
— Да не остынет наш родной очаг! —
Всю жизнь я, как молитву, повторяю.

1957

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ БУДУЩЕМУ

Как многие люди, сегодня живущие,
Хочу, пролетев через годы и лета,
Увидеть, как выглядеть будет грядущее,
Хочу пожелать ему хлеба и света.

Мне чаще бы снились грядущего страны —
Края, где потомки мои обитают,
Но все еще ноют военные раны
И думать о прошлом меня заставляют.

Не только за счастье родного селенья
Я падал в золу на дымящемся поле,
За вас, мои правнуки, шел я в сражение,
И молодость отдал, и кровь свою пролил.

Не знаю, какие возьмете вершины,
Какие дороги ваш разум отыщет,
Как будут устроены ваши машины
И как будут выглядеть ваши жилища.

Но знаю, как нынче в садах ваших птицы
Засвищут, зальются тоской человечьей,
И будут, как нынче, поля колоситься
И хлебы садиться в горячие печи.

Не знаю, что будет в ту пору цениться,
Какие костюмы, какие наряды,
Но будут, как ныне, прекрасными лица
Невест

и горячими юношей взгляды.

И вас, улетающих в звездные дали,
Любимые ваши проводят со стоном,
Как наши любимые нас провожали
И плакали вслед уходящим вагонам.

И так же, как мы, на чужбину уехав,
Стремиться вы будете к отчему дому,
Вы будете рады и детскому смеху,
И горному эху, и вешнему грому.

Не знаю, вам будет ли что-нибудь слаще
Дождей, ударяющих в стекла со звоном,
Арбузов тугих, под ножами хрустящих,
Висящих под окнами веток зеленых.

Какое б оружие враги ни ковали,
Потомки мои, я желаю вам счастья,
Пусть будут светлы ваши светлые дали,
Пусть горькое горе вам лица не застит.

И нынче неверье свое и сомненья
Ногой отшвырнув, как разбитую глину,
Тебе я, грядущее, с грядки весенней
Бросаю цветок чрез века и вершины.

1957

КАЛИНА

Поздний пламень, подобный кармину,
Как я рад тебе, милый ты мой.
Привезли мне в подарок калину
Из Чегемского леса зимой.

Словно вижу зарю на рассвете
Рядом с детством у края небес,
Пастушонка в дырявом бешмете
И лохматые морды овец.

Летом грозди калина калила,
А зимой —
 позабыть ли могу? —
Под моими ногами калина
Багровела на белом снегу.

Помню, как закружилась долина,
Я в атаке упал на бегу.
Показалось: не кровь, а калина
Заалела на белом снегу.

Я у горского греюсь камина,
Красный отблеск на стеклах окна.
И на скатерти белой красна
Из Чегемского леса калина.

1957

ДРЕВНЯЯ БАШНЯ

Холодные ветры подули,
Снежинки летят и летят.
И школьные окна в ауле
На древнюю башню глядят.

Тетради и книжки на партах...
И я здесь учился.

И мне,
Седая, как повесть о нартах,
Все виделась башня в окне.

На камнях оставили пули
Не стертые веком следы.
И мальчики в горском ауле
Старинною башней горды.

Пускай ее стены негладки,
Достойный она образец
Надежности каменной хватки
И пламенной кладки сердец.

Каленные ветрами стужи
И огненным горном зари,
Темны ее стены снаружи
И кровью багрятся внутри.

Распахнута времени штора.
И как нас года ни когтят,
Но снова мальчишки из школы
На древнюю башню глядят.

1957

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

Грели детей, пеленали детей,
В люльке качали.
Слабые руки, вы силой своей
Нас окрыляли.

Нежность, которая в мире была,
Всю вы собрали.
Нежностью этой вы ото зла
Нас ограждали.

Шили, стирали одежду сынам,
Тесто месили.
Перед полетом расправили нам
Слабые крылья.

В путь отправлялись мы, рвались мы в бой —
Вы провожали.
Если в пути оступались порой,
Вы поднимали.

Мы пропадали, а вы берегли
Нашу одежду.
Смертью своей мы убить не могли
Вашу надежду.

Матери мира, силой своей
Это не вы ли
Счастливых людей, несчастных людей
В муках взрастили?

1957

ПЕСНЯ ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ

В белых саклях родимого края
Были сестры у нас.
Не увидели мы, умирая,
Их заплаканных глаз.

Нас пронзали горячие пули.
Обволакивал дым.
Плачут матери наши в ауле,
Мы под снегом лежим.

Не родят нам любимые жены
Сыновей-дочерей.
Пепла этой земли обожженной
Лица наши серей.

Не дожив до парадов победных,
В снегопад и пургу
Сколько наших пропало бесследно,
Как следы на снегу.

Пашут землю и сеют живые
В отгоревших степях.
Созревают хлеба молодые
На истлевших костях.

Под землею, где смерть нас сковала,
Ни зимы, ни весны..
Неужели и этого мало
Тем, кто хочет войны?

Кто-то хочет, чтоб нивы горели,
Чтоб в утробу земли,
Где мы, ставши землею, истлели,
Наши братья легли.

Мы когда-то пошли молодые
Под свинец и картечь,
Чтоб теперь вы не дали, живые,
Снова землю поджечь!

1957

ПЕСНЯ БАЛДРАЖУСА

Мороз февральский — Балдражус,
Хоть не мечу я грома,
Но, если рядом нахожусь,
Вы все сидите дома.

Колю дубы и хохочу,
Что Балдражус не шутит.
Быкам рога как закручу,
Сам черт их не раскрутит.

Я Балдражус — крутой мороз,
Благодарите бога,
Что запах марта бьет мне в нос
И я ослаб немного.

Я, Балдражус, не дую в ус
И тем горжусь, что грозен.
Когда б не март, то Балдражус
Вас всех бы заморозил.

1957

ПЕТУХ

Вдали, над горами зардев,
Закат еще не потух,
Когда, на ограду взлетев,
Заголосил петух.

Крик петуха знаком
Тому, кто рано встает,
И тем, кто всю ночь тайком
Целуется у ворот.

Красный петух красив,
Ограда — его насест.
Откликнулись, заголосив,
Все петухи окрест.

Летит петушиный крик,
И петуху невдомек,
Что нож достает старик
И точит об оселок.

1957

ЗВЕЗДАМ — ГОРЕТЬ!

Скажите, мало ли мы, люди, испытали?
Мы знали мрак темниц и пропастей земли,
И в окружении мы кровью истекали,
Вставали, падали, вставали вновь — и шли.
Но и в окне тюрьмы, и в темной бездне горной,
И в час, когда на казнь вели нас палачи,
Нам все-таки луна дарила свет упорный
И звезды все-таки сияли нам в ночи.

То звезды разума дробили мрак тяжелый,
То звезды правоты, надежды и добра,
И будущего мед копили в сотах пчелы,
И родины земля всегда была щедра.

Пусть новою бедой нам издали грозят,
Пусть матери детей баюкают с тревогой,
Усталым кажется, как в дни войны, закат
И, как судья, земля объята думой строгой,—

Печалась, мучаясь и гневаясь опять,
Я верю все-таки: гореть вовеки звездам!
Не сохнуть лепесткам, не молкнуть птичьим гнездам,
И созревать хлебам, и матерям рожать!

Пусть недруги добра торопят смерть,— нам, людям,
Всегда идти вперед, звезде — всегда гореть!
Что б ни грозило нам, что б ни случилось впредь,—
Вовеки на земле мы будем и пребудем!

Как Белояниса, пускай меня казнят,—
Я с этой верою умру, как мститель грозный:
Дороги бытия не повернуть назад,
Останется добро, свет не погаснет звездный!

1958

СТАРЫМ ГОРСКИМ МАСТЕРАМ

Вы ютились над крутизной,
Властелины страны богатой,
Глину с камнем земли родной
Почитавшие выше злата.

Не вставая весь век с колен,
Вы построили здесь твердыни,
Камень созданных вами стен
Да прославит ваш труд и ныне.

Вы ровняли вершины скал,
Обживали такие кручи,
Где до вас никто не бывал,
Разве только орлы и тучи.

Я смотрю в эту синюю высь,
И мне кажется: под облаками
Не с камнями камни срослись —
Там слепились сердца с сердцами.

Враг селенья сжигал дотла,
Где вы строили, где вы жили,
Ваша кровь по камням текла,
Отливалась гранитной пылью.

Гибнул мастер, вы для него
Камень ставили на могиле,
Чтобы мужество и мастерство
Неразлучны навеки были.

Пусть же святы будут в веках
Для балкарцев всех поколений
Кровь мозолей на ваших руках
И заплаты на ваших коленях.

Я — ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

В тех местах, где и тропок нет,
Вы о камни сбивали ноги,
Чтоб я шел через сотни лет
По проложенной вами дороге.

Мы — балкарской земли сыны!
Кто в каком бы столетье ни жил,
В нашем взгляде отражены
То же небо и горы те же.

Все мы камни скалы одной,
Все мы глина земли родной,
Части дерева одного,
Я лишь ветка — вы корни его.

1958

УТЕС

Лишь крылья орла и дождь да снега
Порою касались тебя.
И силу теряли пули врага,
Когда ударялись в тебя.

Недавно еще и когда-то давно
Внизу, у подножья скал,
И кровь лилась, и лилось вино,
И рассвет, как пожар, пылал.

И когда укроют тебя облака,
Сгустится туман голубой,
Мне кажется, ты вспоминаешь века,
Проплывшие над тобой.

1958

Слова любви — они стары, как звезды,
А может быть, еще древнее звезд.
Но я шепчу их, будто нынче создал
И в первый раз невнятно произнес.

Пусть до того, как появился голос,
Звучали те слова, что и сейчас звучат.
Они свежи, как свеж зеленый колос,
Что в первый раз созрел сто тысяч лет назад.

1958

* * *

Поэт востока женщину любил,
И помнит человечество доселе,
Что первым он глаза ее сравнил
С глазами недоверчивой газели.

Соперничать, как стихотворец, я
С самым Хафизом мог бы без сомненья,
Когда б твоим глазам, любовь моя,
Сумел найти достойное сравненье.

1958

* * *

Славой ангельской ты не увенчана,
И полночной звезде не родня,
Ты земная красивая женщина,
Одарившая счастьем меня.

Был не раз очарован я звездами,
Дивных гурий мне снились черты,
Но не создано в мире, не создано
Чуда большего, нежели ты.

1958

* * *

К чинарам прямым и согнувшимся ивам
Я шел и опять становился счастливым.
Земля дорогая, меня ты любила,
Меня одаряла ты ласковым взглядом.
Я кланялся зыбкам твоим и могилам —
Веселым кострам и погасшим лампадам.

Я слышал — скрипели твои колыбели,
Я видел — аулы твои пламенели.
Я видел и бедной тебя и богатой,
Счастливой от празднеств, усталой от тягот.
Я кланялся зорям твоим и закатам,
Подкрашенным соком кизиловых ягод.

1958

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В НАЛЬЧИКЕ

На снежинки смотрю не печалюсь.
То не гости ль из облачных мест
На веселую свадьбу примчались
И пустились кружиться окрест?

А быть может, расцветшие ивы
Мне подарены буйством весны?
А быть может, летят, белогривы,
Пеной брызжущие табуны?

Снег клубится и справа и слева,
Добрый снег и почти что ручной.
Дым сливается с хлопьями снега,
Из трубы поднимаясь печной.

Выйду я и пойду через город,—
Встретить белую зиму пора!
Белый мех оторочит мне ворот,
Станет шапка белей серебра.

Я почувствую к снегу доверье,
Дам растаять ему на щеках.
Молчаливые будут деревья
В белошерстных стоять башлыках.

И под липою стану я в парке.
— Ты поведай,— скажу ей любя,—
Сколько раз семицветные арки
Здесь вполнеба венчали тебя?

Сколько помнишь ты, липа седая,
Майских ливней, снегов в холода?
Не забыла ль, как с милой сюда я
Приходил в молодые года?

Как счастливые пчелы гудели,
А потом поднималась луна,
И желтеющей тонкой кудели
На тебя набегала волна?

Голубые кавказские ели,
Что и вправду достойны стихов,
Подвенечные платья надели
И как будто бы ждут женихов;

И, с гостиницею по соседству,
Что-то шепчут про выпавший снег.
Ты прислушайся к ним, мое сердце,
Полюби эту полночь навек!

Как приятно снежинок касанье,
Губ не прячь и не прячь от них лба.
В направлении аула Хасанья
Молодых разгулялась гурьба.

И наполнилась улица смехом,
В парня девушка метит снежком,
А в меня не швырнет уже снегом,
Лишь посмотрит она с холодком.

А когда-то в такие же ночи
Добрый снегом бросали в меня
И сияли влюбленные очи,
Обжигая, чаруя, маня.

В эту ночь я не путник усталый
И не рвусь посидеть у огня.
Я не старый еще, я не старый,
Киньте, девушки, снегом в меня!

Снег летит через степи и горы,
Издавека бросаясь в набег.
Белогривою конницей в город
Не разбойно врывается снег.

Он ложится почти невесомо,
Словно, с гор прискакавши в аул,
Мой отец возле самого дома
В полночь облако с бурки стряхнул.

Липы белые, белые ели,
И у девушек брови в снегу.
Я сравнить этот снег в самом деле
С лепестками ромашек могу.

Горы словно исчезли в тумане,
Усыпленные клетотом рек,
Протопили дома аульчане,
А над крышами кружится снег.

То не сонмы ли звездочек малых,
Прилетевших из давних времен,
Чтоб на крышах сверкать и на скалах
И мерцать возле ярких окон?

Снег летит над теснинами улиц,
Добрый снег, новозимний, густой.
Он летит на меня, я люблюсь
Первозданной его чистотой.

И к теплу очага и ночлега
Возвращаюсь, от снега я сед,
И высоким дыханием снега
Ночь уже замечает мой след.

1958

ВТОРАЯ СНЕЖНАЯ НОЧЬ В НАЛЬЧИКЕ

Такой эта зимняя ночь была:
Сугробы почти до крыш.
И ты, от снега белым-бела,
Без шапки ко мне спешишь.

Наш тихий город давно затих,
И ты бежишь как во сне,
Улыбаясь кому-то из нас двоих:
Может, снегу, а может, мне.

Тают снежинки у нас на губах,
Мы встретились, мы молчим,
А снег пастушеской буркой пропах,
Детством пропах моим.

Бывало, под буркой я на ночлег
Располагался в пургу.
С тех пор я отдельно бурку и снег
Представить себе не могу.

Вы скажете мне: заладил опять
Про снег, человек чудной!..
А приходилось ли вам тосковать
О снеге земли родной?

А я тосковал и готов был ползком
Добираться до горных рек,
Чтоб хоть на мгновенье одним глазком
Вот этот увидеть снег.

Я помню, горцы в последний свой час
От саклей родных вдали
Мечтали коснуться еще хоть раз
Снежинок родной земли.

В городе нашем ночной снегопад
Присыплет землю и лед,
Утром на санки посадит ребят
И с горки их понесет.

Я знаю, сильней разлуки былой,
Грядущих благ и наград
Сознание, что мы владеем землей,
Где есть такой снегопад.

Я этот снег и люблю и любил
Не меньше хлеба и роз.
Мне кажется: я его сотворил
И в дар тебе преподнес.

Я вижу — румяна ты и седа,
Снежинку ловишь рукой,
И я хочу, чтоб ты навсегда
Для меня осталась такой.

1959

МУСТАЮ КАРИМУ

Друг мой, сегодня в горах снегопад,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Многие наши под снегом лежат.
Мало товарищей с нами осталось.

Многих война обжигала огнем,
В белые пропасти сваливал ветер,
Скольким друзьям мы руки не пожмем,
Ибо уже никогда их не встретим.

Медленно падает снег за окном,
Прыгают в санки мальчишки с разбегу.
Где вы, друзья, с кем уже не пройдем
Мы, как бывало, по первому снегу?

Есть еще жар в очаге у меня,
Пламя в моем очаге не унялось.
Сколько таких очагов, где огня, —
Что там огня! — и золы не осталось.

Падает снег, покрывает во мгле
Наших друзей надмогильные плиты
Или холмы на остывшей земле,
Где торопливо тела их зарыты.

Падает снег, все заносит вокруг,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Дай же мне руку, мой сверстник и друг,
Старых друзей, нас немного осталось.

1959

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В КАЛМЫКИИ

Беркут в небе бездонном
Крыла распростер.
Между Волгой и Доном
Степной простор.

Караванов верблюжьих
Время стерло следы.
Слышу голос оружия:
Тонкий посвист стрелы.

Бег коней полудиких,
Стали кованой звон.
Кто из калмыков
В седле не рожден?

От века поныне
Полынь горька.
Запах полыни
Стар, как века.

Стоит проснуться
И бросить взгляд
Овцы пасутся,
Как век назад.

И, по верблюжьей
Дороге пыля,
Водитель дюжий
Поет у руля.

Синь небосвода,
Тучи судеб.
Сила народа
Вечна, как хлеб.

Вечна, как грудь,
Вскормившая нас.
В этом вся суть,
Об этом рассказ.

1959

ОБЛАКА

Вы в небе над аулом Думала
Над саклями плывете двухэтажными.
От вашей тени кажутся скала
И огороды высохшие влажными.

Всю жизнь мою вы плыли надо мной,
Я в ваших очертаньях смысл угадывал
И, лежа на траве земли родной,
Произносил слова и в строчки складывал.

Вы плыли и над матерью моей,
Горянку в жаркий день прохладой радуя,
И ваша тень, дарованная ей,
Была ее единственной отрадою.

Отец мой бедный в свой последний час,
Уже оплаканный родней угрюмою,
Смотрел и утешался, видя вас,
О вечности неприхотливой думаю.

И старикам, познавшим жизни суть,
Вы, облака, плывущие над родиной,
Напоминали собственный их путь,
Их путь печальный, потому что пройденный.

Вы, облака, плывете из дали,
Над нашими аулами весенними.
Как мысли сыновей моей земли,
Расставшихся с родимыми селеньями.

Сегодня над аулом Думала,
Где я, как все, живу и дело делаю,
Вы кажетесь мне в небе шерстью белой,
Которую когда-то мать прjala.

1959

* * *

Над валунами лысыми,
Где плещется волна,
Дикарка-груша лисьими
Хвостами убрана.

Березке, словно барышне,
С берега реки
Огненный боярышник
Шлет красные листки.

В лесах костров рябиновых
Уже не сосчитать,
Стал барбарис рубиновым
Шиповнику под стать.

Свои бросает отсветы
На облака закат,
Иль это листья осени
На облаках горят?

Иду горой, низиной ли —
Все цвета одного
От ягоды кизиловой
До сердца моего.

1959

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ

Облако стыло в небесной пустыне,
И в окружении скал
Пулей сражен был в дарьяльской теснине
Я, словно князь Синодал.

Терек метался и плакал, печальный,
Так же, как в пору, когда
Лермонтов мчался над ним и опальный
Свет излучала звезда.

И прошептал я, увидев в зените
Месяц, окутанный тьмой:
— Люди, вы в бурку меня заверните
И отвезите домой!

Звал, но поблизости не было друга
С черною буркой в горах.
Кряжи родные вздымала округа,
Став надо мной в головах.

Мог я на них затуманенным взглядом
Глянуть в последний свой час.
Только и радость, что отчие рядом
Поднял вершины Кавказ.

Кровь моя капала в горную реку,
И, не прибегнув к письму,
Шапку свою завещал я Казбеку,
Сердце — Кавказу всему.

1959

* * *

Я, над раненым камнем склонясь, горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому что хотел на нем видеть цветы.

Я над срубленным деревом в горе сидел,
Потому что хотел его видеть в листве,
Чтоб в тени его дети играли, хотел,
Чтоб лежала весь день его тень на траве.

Жизнь любить не до слез, не до боли нельзя.
Оттого-то и грустным порою я был:
Всех пропавших и павших оплакивал я,
Потому что живыми их очень любил.

1960

* * *

Если цените вы и январь и апрель,
Если хлеб выпекаете вы,
Если ночью качаете вы колыбель,
Если слышите шелест листвы,

Если женщиной вы очарованы так,
Что в снегах закипают ручьи,
Я дарю вам на счастье, как верный кунак,
Белоснежную веточку алычи!

1960

* * *

Кремень — кремень, и только.
Но, встретясь, два кремня
Становятся надолго —
Источником огня.

Что наше сердце, если
Другого рядом нет?
Сердца лишь только вместе
Несут огонь и свет.

1960

* * *

Дитя то плачет, то смеется,
То выпадет, то стает снег,
Жизнь то кольнет, то улыбнется,
И не мудрец тот человек,
Кто мнит, что он обережется
От пламени ее навек.

Не вечно саду быть зеленым.
О чем бы ни мечтал он в зной,
К зиме он потеряет крону
И снова зацветет весной.

1960

* * *

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

1960

Порой и туры чахнут и болеют
В своих горах, достигнувших небес.
Порой и реки шумные мелеют
И молнии испепеляют лес.

И нас на свете жизнь не только греет,
А шлет нам молнии своих невзгод.
Но мы не проклинаям, а мудреем,
Приемля все, что жизнь нам ни пошлет.

1960

* * *

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я столько видел горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Уже я прожил десять тысяч лет.

Меня работа ждет и манят дали,
Я столько строк еще не дописал,
Что кажется порою: не вчера ли
Я на коленях матери играл?

1960

ГЛАЗА МАТЕРЕЙ

На свадьбах веселых поют сыновья —
Радость в глазах матерей,
На бурках джигитов приносят друзья —
Горе в глазах матерей.

В глазах матерей и осенняя даль,
И весна, что цветет у дверей.
Я видел и радость земли, и печаль —
Я видел глаза матерей.

1960

* * *

Лишь мертвые не ведают тревог,
Не видят ничего они, не слышат,
А к нам тревоги входят на порог
И, как сентябрьский дождь, стучат по крыше.

Лишь мертвые не ведают забот,
А мы с тобой не мертвецы, не боги.
Нас пламя жжет, и снова в путь зовет
Привычный клич заботы и тревоги.

1960

* * *

Издревле люди в страхе и смятенье
Рычанье тигра слышали вдали
И радовались, слыша птичье пенье,
Когда по рощам вечером брели.

Огромный зверь неистовствует, злится
Уже не первый раз, не первый год,
Но слышат люди: маленькая птица
На ветке в роще радостно поет.

1960

На земле, и солнечной и снежной,
Не в соседстве ль камень с виноградом?
Твердость камня, винограда нежность
Разве у меня в душе не рядом?

На земле, и солнцем озаренной,
И посеребренной снегопадом,
Обручен я с песнею, рожденной
От соседства камня с виноградом.

1960

* * *

О, яблоки, созревшие в Мухоле,
Ваш цвет похож на цвет снегов весной,
Когда рассвет на полчаса, не боле,
Их красит красным цветом с желтизной.

О, зрелые плоды земли балкарской,
Познавши щедрость солнца и дождей,
Людей вы одаряете по-царски:
Их, зрелых, превращаете в детей.

1960

* * *

Я слово искал, перетряхивал снова
Свой скудный запас золотой,
Мечтал: подарю я тебе это слово,
Как влагу траве молодой.

Не тронул я словом тебя первозданным,
Ты тут же забыла о нем,
Бессильном, как дождь над простором
песчаным,

Как снег над открытым огнем.

1960

* * *

Я знаю вкус меда и соли твоей,
Земля моя дорогая.
Снег твоих гор и травы степей
Я мjal, к тебе припадая.

Я кланяюсь горным твоим снегам
И травам твоей равнины,
Твоим плугам, к чьим лемехам
Прилипли комочки глины.

1960

* * *

Не пни вековые на выжженных склонах —
Я славлю чинару в побегах зеленых,
И землю, ее вскормившую,
И тучу, ее полившую.

Не древнему руслу в сожженной долине —
Я кланяюсь речке, журчащей и ныне,
И снегу, ее породившему,
И морю, ее проглотившему.

1960

Льет дождик, и капли стучат по стеклу.
Приснилось мне детство: в горах на рассвете
Под елью столетней, прижавшись к стволу,
Укрылся мальчишка в дырявом бешмете.

Стекают потоки с зеленых высот.
Мне видится детство, я прячусь под елью.
Смеюсь я и плачу, а дождик идет,
И мокнут снега в Безенгийском ущелье.

1960

* * *

Не знаю, был ли хлеба я достоин,
Того, что ел всегда и ем сейчас.
Был чист ли я перед землей родною,
Где этот хлеб был выращен для нас.

Длинна ль — не знаю — жизни нашей повесть?
Но я хочу, чтоб и в последний час
Моя, друзья, чиста была бы совесть,
Как хлеб, которым угощаю вас.

1960

* * *

Кто-то песню ту же самую
Напевает в тишине,
Что и мне когда-то мамою
Пелась в горской стороне.

Дождь ли, полночь ли метельная,
Звезды ль на небе видны,
Льется песня колыбельная,
Как извечный свет луны.

1960

* * *

Перед собою не в лесу ли
Кабаньи видел я клыки
И звездные глаза косули
С полночным отблеском тоски?

Перед клыками не робел я,
С душой горячей, как июль,
И, полный трепета, смотрел я
В библейские глаза косуль.

1960

* * *

Солдат от боли умер до заката,
Ладонью даже сердца не прикрыл,
А я — преемник этого солдата,
Который вас так преданно любил.

Как тот солдат, погибший в чистом поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслоню от боли.
Пусть будет больно сердцу моему.

1960

ЖЕНА ПОЭТА

Н. Кешоковой

Ты — смелый ловчий — расставляешь сеть
Редчайшим птицам сердца и ума.
Жена велела детям не шуметь
И ходит как на цыпочках сама.

Подаст обед, заштопает носки
И постирает вовремя белье.
Любить тебя до гробовой доски —
Призвание и поэзия ее.

Когда успех твой мчится на коне
И ты в чести, — волнуясь и любя,
Жена стоит в тени и в стороне,
Чтоб больше света пало на тебя.

1960

* * *

Когда с обидой и печалью
Я жил на горестной земле,
Мне снился ты за дальней далью,
Цветок на каменной скале.

Чтоб перед пламенем согреться,
Вздувал я искорку в золе
И вновь к тебе тянулся сердцем,
Цветок на каменной скале.

Кровинкой рдея над туманом,
Ты, не взлелеянный в тепле,
Моим остался талисманом,
Цветок на каменной скале.

1960

* * *

Любой навет заранее приемлю,
Но про меня, когда мой час пробьет,
Сказать, что не любил родную землю,
Едва ль на ум кому-нибудь придет.

Кто скажет, что в разлуке мне не снились
Родимых гор снега и ледники,
Что я не видел, как потомки бились
И глыбы скал дробились у реки!

Что я на землю не глядел влюбленно,
Не озираю родимые края
Так, словно на ее пологих склонах
В малинниках горела кровь моя!

1960

* * *

Года уходят навсегда,
Они, как ливни, иссякают.
Подобно ливням, и года
Неодинаковы бывают.

Года бывают как дожди,
И проливные и скупые,
Года похожи на дожди:
Бывают добрые и злые.

Год умирает навсегда,
И так бывает: год грядущий
Вновь воскрешает города,
Что разрушает предыдущий.

1960

ПОКОЯ НЕТ

Покоя не было и нет в помине.
Вершит орел недобрый свой полет,
Снег, оползая, тает на вершине,
В низине ветром дуб столетний гнет.

Покоя нет. Луну закрыли тучи,
Шнур подожжен, взрывчатка скалы рвет.
Пчела, пораня грудь о куст колючий,
Ценою горькой добывает мед.

Покоя нет и не было от века:
Опять сверкает молния в горах,
И камень, словно сердце человека,
Сгорает, превращается во прах.

1960

* * *

Не я ль ревел подранком-туром
В твоём безбрежье бурых скал?
Не я ль в твоём заснежье хмурым
Голодным волком завывал?

То смертником, в крови застылой,
Лежал на снежной целине,
То ласточкой в степи унылой
Летел я с вестью о весне.

Но все ж я ни теперь, ни прежде
Тебя, земля моя, не клял,
И в час беды и в час надежды,
Как знамя, край твоей одежды
Я целовал.

1960

* * *

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно.

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя придавила б, если
Нам солнце не мерещилось вдали.

Мы все, кто грешен был или безгрешен,
Перед бедой не распростерлись ниц,
И справедливость, как листы орешин,
В мечтах и снах касалась наших лиц.

1960

СТАРИННАЯ ЗАПОВЕДЬ

Скажут: «Меньше тебя нет никого!» —
Ты не гневись!

Скажут: «Больше тебя нет никого!» —
Ты не гордись!

Будь стоек, как камни эти, молчащие
И в бурю и в снегопад,
Будь щедр, как деревья, тень приносящие
Всем, кто прохладе рад.

Учись, как потоки эти упорные,
Себе прокладывать путь.
Чтоб ни стряслось, как снега эти горные,
Чистым и светлым будь!

1960

* * *

Путь мой был труднее с каждым днем
В той дороге трудной к цели дальней,
Был я и железом и огнем,
Был и молотом и наковальней.

Был я дичью, крался по лесам,
Был стрелком — и кем я только не был,
Птицею был в клетке я и сам
Птицу выпускал из клетки в небо.

Чем дремучей край, чем больше кладь,
Тем труднее путь землепроходца.
Лишь слепые могут полагать,
Будто зрячим все легко дается.

1960

ХЛЕБ И КНИГА

Солнце греет землю, красит небо,
Подступает к окнам белый сад.
Книги рядом с караваем хлеба
В доме на столе моем лежат.

Хлеб и книга. Скрыты в них не даром
Кровь и сок земли, где мы живем.
Их сжигало пламя всех пожаров,
Все владыки шли на них с мечом.

Хлеб и книга, вечные от века,
На столе лежат передо мной,
Подтверждая мудрость человека,
Бесконечность щедрости земной.

1960

Ты скажи на милость, человек,
Чье лицо покрыто черной тенью,
Что с тобой случилось, человек,
Где решил искать ты утешенья?

Перед тем как разойтись нам прочь,
Сетуя на дождь и непогоду,
Чем, скажи, могу тебе помочь,
Что мне сделать, брат, тебе в угодую?

Я в одну, а ты в другую даль,
Мы уйдем, и разлучит нас вьюга.
Стал я старше на одну печаль,
Ты — на одного богаче друга.

1960

* * *

На этой земле я был человек
Не лучше, не хуже других.
Зеленые травы и белый снег
Жили рядом в стихах моих.

Бросался я в волны холодных рек,
Слушал птицу и вьюги вой.
И мне, словно брату, кивал Казбек
Непокорною головой.

Я людям дарил на доброй земле
И песни, и сердце свое.
Я равно любил на доброй земле
И розы ее, и репье.

Любил людей, говоривших мне «друг»,
Твердых твердостью этих скал,
И травы, мягкие мягкостью рук,
Которые я ласкал.

1960

* * *

«Право же, трудно и мне»,—
Раненый камень об этом
С кем говорил в тишине?
С сумраком, что ли, с рассветом?

Мне ли помог в этот миг
Раненый и одинокий?
Камня язык я постиг,
Камня я понял уроки!

«Вынес я все в трудный час»,—
Камня услышал я слово,
И по земле своей снова
Шел я, у камня учась...

1960

* * *

Новый год, как с добычей охотник,
В белой бурке спускается с гор,
И во многих квартирах сегодня
Вспыхнет елки зеленый костер.

Снег летит, снег летит,
и воочью
Вижу поле далекое я,
Где встает новогоднюю ночью
В наступление рота моя.

Ах, как молоды мы еще, кстати,
Батальонный у нас тамада.
Кровь багрит белоснежную скатерть,
И падучая блещет звезда...

Новый год постучался в ворота,—
Что ж я плачу, смешной человек?..

Все идет в наступление рота,
И ложится ей под ноги снег.

1961

* * *

Вдали снега подернуты туманом,
Вершины пригибает снежный груз,
Большое солнце, прячась за Баксаном,
Краснеет, как разрезанный арбуз.

Два каменщика трудятся упорно,
В руках спорится дело и горит.
Один из них сооружает жернов,
Другой надгробный памятник творит.

Гранит упорен, искры отлетают,
Во славу жизни этот тяжкий труд.
Пришедший в мир ест хлеб и умирает,
И мертвым честь живые воздают.

Стучат каменотесы, знают оба —
Живым нужна мука, чтоб хлебы печь,
А мертвых пусть не воскресить из гроба,
Но можно имя для живых сберечь.

И вновь два камня — с одного утеса —
Сегодня подтверждают эту связь.
Я вижу, что в труде каменотеса,
Как и везде, со смертью жизнь сплелась.

Кружится мир, и радуясь и плача,
В нем смерть и жизнь и вечный их союз,
И всходит солнце, за Баксаном прячась,
Краснея, как разрезанный арбуз.

1960

* * *

Мой сверстник, даже ты, прослывший «новым»,
Ты, позвеневший рифмой на веку,
Гресишь едва ль не самым старым словом.
И слово «старость» вводишь ты в строку.

Что делать, брат, она властна над всеми
И вечна, как скала или река.
Спасенья нет, по полю скачет время,
Как шагдий¹, потерявший седока.

Когда-то мы смеялись в колыбели,
Брели по травам, где была роса,
О нас тоскуя, вдалеке звенели
И плакали девичьи голоса.

Но с каждым днем тусклее все, что видел,
Тупее боль от ран, что получил
И от врагов, которых ненавидел,
И от друзей, которых так любил.

Как быстротечен век, наш век недлинный,
Как нелегко осмыслить до конца,
Что нас переживет кувшин из глины,
Что грамм свинца сильнее храбреца.

Но в старом доме, скованном морозом,
Где воет ветер, ставнями стуча,
Мы спим и видим: расцветают розы
И лепестки роняет алыча...

1960

¹ Шагдий — скакун кабардинской породы.

МОЕМУ СЕРДЦУ

Сколько исходили тропок длинных,
Сколько переплыли быстрых рек!
Словно сок раздавленной калины,
Наша кровь окрашивала снег.

Ты бы испытало меньше вдвое
Горестей за свой короткий век,
Если бы не я владел тобою,
А спокойный, мудрый человек.

Я тобой не дорожил нисколько,
Не жалели, впрочем, и меня.
Торопил тебя я, гнал, бывало,
Словно вестник верного коня.

На меня не сетуй, конь мой смелый,
Я тебе без злобы делал зло.
Что поделать, если в пене белой
Бьешься ты и дышишь тяжело...

Я тебя не холил, не лелеял,
Но, хоть загнан и от пены бел,
Конь лихой о том не сожалеет,
Что себя в дороге не жалел.

Не завидуй тем, кто неизменно
Мог беречь себя, всему назло,—
Если брошено в костер полено,
То оно должно давать тепло.

Жили мы — горели, не чадили,
Ну, а если было и у нас,
Что себя мы как-то пощадили,
Значит, мы не жили в этот час.

Мы цветы срывали, гром встречали.
Бой гремел — и мы бросались в бой,
Все рыдали — мы с тобой рыдали,
Люди пели — пели мы с тобой.

Мы с тобой, бывало, знали радость,
Напивались горем допьяна,
Нам любовь дала не только сладость,
Но и горечь своего вина.

Не горюй о том, что было с нами,
Не жалея и не вини меня,—
От огня чернеет даже камень,
Мы с тобой всегда в кольце огня.

Молодость не замело метелью,
К нам плывет еще издалека
Запах яблок, зреющих в ущелье,
Клевера, парного молока.

Мы с тобой еще живем и дышим,
Дело делаем не хуже всех,
Слышим, как дожди стучат по крыше,
Слышим детский плач и женский смех.

Много нам осталось иль немного,
Но в горах и в поле голубом
Под ноги нам стелется дорога,
Мы идем, идем, пока живем.

1960

ГРОЗА

На свете есть снег; он белеет и тает.
Есть грозы; весны без грозы не бывает.

Есть руки любимых — они горячи,
Есть пламя, что нас согревает в ночи.

Есть тихие песни и спящие дети,
Но жизнь без грозы не бывает на свете.

Мне слышится друга журчащая речь,
Мне дышится хлебом, садящимся в печь.

Есть в мире манящие далью дороги,
Орленок в гнезде, медвежонок в берлоге.

Есть память о детстве, родительский дом,
Есть листья, омытые теплым дождем.

Есть книги, на полках стоящие в ряд,
На свете есть небо, где звезды горят.

Но в мире есть грозы — они громяхают.
Об этом одни лишь глупцы забывают.

1960

Все было — дни удач и дни невзгод.
Бывало трудно и легко идти,
Я видел радуги спокойный свод
И грозовую молнию в пути.

Я не попутчик тем, кто путь свой весь
Пройти мечтает в солнечных лучах.
Люблю я мир таким, какой он есть, —
С травой и заносами в горах.

Быть может, горе вновь придет в мой дом,
И, голову на руки уроня,
Голодный, сяду я с бедой вдвоем
У очага, в котором нет огня.

Но, зная все, я все же не могу
Не славить вас, поля и небеса,
Вечерний луч, запутанный в стогу,
Весной сады, где на ветвях роса.

Сестра моих печалей и побед,
Люблю тебя, бумага на столе,
Слова, друг другу скачущие вслед,
Как кони по дымящейся земле.

Я знаю цену хлебу и вину,
Я рад грозе, и радуге я рад.
Я славлю мир: и осень и весну,
Его и нежный и суровый взгляд.

1960

Все реки с гор текут — вспять едва ли
Удастся повернуть их даже нам.
И листья, что с ветвей уже опали,
Не прирастут опять к своим ветвям.

Прошедший день уже не возвратится,
А новый день зовет нас снова в путь,
И соль дорог на волосы ложится,
И мы назад не властны повернуть.

Опять весна земле несет цветенье.
Я у огня сажу в вечерний час.
Засыпал пепел в очаге поленья,
Но сам огонь от бури не погас.

В саду зеленом яблоня упала,
А рядом молодая поднялась,
Впервые сын мой — мальчик годовалый —
Пошел неловко, силясь не упасть.

Течет река, со склонов снег сползает,
Жизнь движется, вперед влечет меня.
Я вижу: друг седой с коня слезает,
А молодой садится на коня.

1960

СЧАСТЬЕ

На свете счастье не одно, а разное.
Беда, когда оно однообразное.
Все счастье в мире: счастье — звук и стих,
И полдень солнечный, и ночь морозная,
Улыбка милой, смех детей твоих,
Работа, и луна, и небо звездное.

На свете счастье не одно, а разное,
Беда, когда оно однообразное.
Оно пестро, как горные цветы,
А на Кавказе их весною множество.
Не испытаем пусть ни я, ни ты
Покой и счастья серого убожество.

На свете счастье не одно, а разное,
Беда, когда оно однообразное.
Но пусть мы будем счастливы в одном:
Пусть не увидим род свой очерненным,
Погашенным очаг и сад спаленным,
Врага, входящего в наш отчий дом.

1960

СТОУСТОЕ СЛОВО

Знаю, что горцам,
хоть нравы их строги,
В облачном крае скалистых земель
Песня нужна, словно лошадь в дороге,
Песня нужна, словно бурка в метель.

Слово, как звездочка полночью темной,
Блещет над гребнями темных громад.
«Горец без песни — что всадник бездомный», —
Издавна в наших местах говорят.

Тот, кто когда-то изрек это первым,
Видно, неплохо чеканил слова.
Сердце в груди его билось напевно,
Светлой и мудрой была голова.

Славы при жизни не знал он, конечно,
И не в богатстве почил среди гор.
Блещет под стать золотому колечку
Слово его, что живет до сих пор.

Лошади стоит стоустое слово.
Ставший поклонником слов дорогих,
Кланяюсь низко я снова и снова
Тем мастерам, что чеканили их.

В горькую пору шептали мы часто
Те дорогие для сердца слова.
Как над горами, над ними не властны
Времени мчащиеся жернова.

Нет скакуна у кавказца иного,
Всадником числится он все равно:
Лошади стоит стоустое слово,
Мигом доскачет до цели оно.

Мастером слово подковано тонко,
Сколько таких я встречал на веку!
Жизнь моя, может быть, искорка только —
Высекло слово ее на скаку.

1960

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Здравствуй, дерево! В крае безлесном
Ты стоишь на ветру.
Как бывало, на склоне отвесном
Шелестишь поутру.

Зелень листьев твоих поредела,
Нету прежних ветвей.
А бывало, ты мне не жалело
Щедрой тени своей.

Я мальчишкой взбирался без страха
По изгибам ствола,
Оттого-то на мне и рубаха
Вечно рваной была.

Мы простились с тобой на рассвете
Непогожего дня,
Ты за это двенадцатилетье
Не забыло ль меня?

Помнишь, девушку в платице синем
Я сюда приводил?
В позапрошлом году на чужбине
Я ее схоронил.

Много верст пролегло между нами.
И в далеком краю
Я порой вспоминал со слезами
Тень и крону твою.

Много лет пролетело над нами
И воды утекло.
Обожгло нас недоброе пламя,
Но дотла не сожгло.

1960

ГЛУХОНЕМОЙ

Бьются реки осенней порой,
Соловьи заливаются летом.
Даль гремит.

Что он слышит, глухой?
Что, немой, он расскажет об этом?

Птичьих песен ему не понять,
Петушиного крика в селенье,
Той молитвы, которую мать
Шепчет, веря в его исцеленье.

Он своих не расскажет обид.
Утром в путь он уходит недалний,
В молчаливую кузню спешит,
У беззвучной стоит наковальни.

Разжигает он черную печь,
Поднимает свой молот сурово
И руками, обретшими речь,
Произносит заветное слово.

Я смотрел на работу его,
На широкие смуглые плечи.
Мне казалось — его мастерство
Обладало и слухом и речью.

Закалял он железо в огне,
И своими большими руками
Говорил он такое, что мне
Не сказать никакими словами.

1960

Весны я не встречу однажды,
Нисколько о том не скорбя,
И в зной не почувствую жажды,
В ручье не увижу себя.

Забуду о всех своих ранах
И с вечера до петухов
В ущелье о белых платанах
Шептать я не буду стихов.

И мне не услышать в ауле
Отзывчивой тонкой струны,
Ножом из арбуза в июле
Не вырезать красной луны.

Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Стряхнуть не смогу у дверей.

Забуду я, стар или молод,
Не будет ни ночи, ни дня,
И в самый убийственный холод
Присесть не смогу у огня.

Окажется, что не навеки
Мне были так щедро даны
И солнце, и тучи, и реки,
И добрые руки жены.

Я, преданный горным вершинам,
Обнять не смогу вышины...
Живые по этим причинам
Оплакивать мертвых должны.

1960

* * *

Одиночество я ненавижу,
Без людей клянусь я жизнь мою.
Если долго я людей не вижу,—
Словно от работы устаю.

Горец у друзей огня попросит,
Если у него темно в золе,
Спутника в горах в беде не бросит,
Если тот повиснет на скале.

Вот и я, чтоб стало мне светлее,
У людей огонь беру всегда.
Без людей дорога тяжелее,
А с людьми — беда мне не беда!

Знаю, дней моих близка граница,
А за ней — черед иных годин.
Время будет бесконечно длиться.
Только я — один, всегда один.

Нет, поймите боль мою глухую,—
Одному в земле сырой лежать:
С другом никогда не потолкую
И врага не встречу я опять!

1960

* * *

Ты камнем стал. Я не храбрюсь,
И мой придет черед
Лежать, не различать на вкус
Земную соль и мед.

Намочит вешний дождь траву,
Ударит в небе гром,
Нам ни во сне, ни наяву
Не мокнуть под дождем.

Мы матерей забудем, друг,
И смех детей в саду,
Прикосновенье женских рук,
Дававших нам еду.

Но что мы сделаем за век,
То смерти избежит.
Хоть на горе и тает снег,
Сама гора стоит.

1960

ВСАДНИК

Гремит Чегемский водопад...
Спешит дорогой горной
Скакун, как двести лет назад,
И всадник в бурке черной.

Уходят времена коней,
И спорить невозможно —
Быстрее машина и прочней
И более надежна.

Не думайте, что я чужак,
Что я всего хулителъ.
Автомобилям я не враг,
Я сам автолюбитель.

Но всаднику гляжу я вслед,
И в этот миг, быть может,
Сын горца, сам на двести лет
Я становлюсь моложе.

Спешит джигит. Себя всего
Он отдает дороге.
Как прежде, он и конь его
Здесь и цари и боги.

Летит огонь из-под копыт,
Летят ветра навстречу,
Как белый снег, башлык горит,
Закинутый за плечи.

1960

ПРОДАВЩИЦА МОЛОКА

С утра на улице морозит,
И хоть девчонке нелегко,
Девчонка молоко разносит,
И пахнет лугом молоко.

Ей открываю двери вновь я,
От всей души благодарю.
И слышу: — Пейте на здоровье! —
И вижу на щеках зарю.

Снежок похрустывает тонко,
Привычно город льнет к горам,
Где трудится с утра девчонка
И учится по вечерам.

В житейской радости и грусти
Она чиста, как мало кто,
И уж такая не допустит,
Чтоб лили воду в молоко.

Я перед ней бываю грешен,
Журчит в стихах моих когда
Для яблонь больше и черешен
Необходимая вода.

Нет меж напитков равноправья,
Но, поднимая высоко
Стакан граненый, я во здравье
Пью вспененное молоко.

1960

ОБВАЛ

Дождь по ущельям бушевал,—
Казалось, вдоль теснины
Он промочил громады скал
До самой сердцевины.

Сорвавшись с черных облаков,
Висел он над горами,
Подобно тысяче орлов
С шуршащими крылами.

Гремел, шумел он, завывал
Ста тысячами глоток,
Хлестал Черекский перевал
Ста тысячами плеток.

Он гнал камней тяжелый вал
По горному отрогу,
Сбивал со склонов глыбы скал,
Перерезал дорогу.

В краю, лежащем между скал,
Бывало так от века:
Весенний дождь рождал обвал,
На горе человека,

В ущельях свадьбы запирал
И пастухов со стадом,
Дороги он перерезал
Коням и конокрадам.

И все ж бедняк благословлял
Беды своей свирепость:
Обвал порою превращал
Селенье горца в крепость.

1960

РАДУГА

Вновь над просторами цветущими
Дождями вымытой земли,
Как весть из прошлого в грядущее,
Сияет радуга вдали.

Она цвета свои по-дружески
Переняла у наших мест,
Увидев жар костров пастушеских
И шалей на плечах невест.

На счастье детворе смеющейся,
Вдали сияет в полный рост
От горя к радости несущийся,
Над нами вознесенный мост.

1961

* * *

Тучи клубятся, по склонам кочуя,
Белые горы, вы дороги мне.
Белое утро, проснувшись, хочу я
Белые горы видеть в окне.

Чувству сердечному я покоряюсь,
В Мекку ходивших понять не могу.
Любящий родину, я поклоняюсь
Горным вершинам в белом снегу.

1961

* * *

На ветру меня ломало,
Был я слабою ветлой.
Но стоял и я, бывало,
Твердокаменной скалой.

Ахнет гром иль грянет выстрел —
Гнулся я, как все стволы.
А бывало: грянет выстрел
Или гром — и только искры
Отлетают от скалы.

1961

* * *

Женщина месит взошедшее тесто,
Льется зари или месяца свет...
Эта картина всем людям известна
Многие тысячи лет.

Хлеб выпекается древний, как слово,
Может, пшеничный, а может, ржаной.
Все мне поныне волшебю и ново
В этой картине родной.

1961

* * *

Земля поглотит все. В ее утробе
Все канет, все исчезнет навсегда.
Лишь глыбы скал чернеют, как надгробья
Над тем, что погибает без следа.

А наши дни и вовсе быстротечны,
Но, как ни краток век, я не даю
В обмен на эту каменную вечность
Ни жизнь, ни песню бренную свою.

1961

* * *

Чужой бедою жить не все умеют,
Голодных сытые не понимают.

Тобою, жизнь, балован я и питан,
И впредь со мною делай что угодно,
Корми, как хочешь, но не делай сытым,
Глухим, не понимающим голодных.

1961

* * *

Ценю я с нежностью и строгостью
Ту доброту как человек,
Которая перед жестокостью
Вдруг не растает, словно снег.

Ценю я доброту суровую,
Всегда за правду на костер
Взойти пред временем готовую,
Жестокости наперекор!

1961

КЛИНОК И РОЗА

Где зелень пробивается сквозь камень
И на плечи ложатся облака,
Мне дорог розы красноватый пламень
И лунный блеск холодного клинка.

Родную землю просьбой беспокою,
Я говорю ей тихо: — Не забудь,
Когда умру, ты мне своей рукою
Клинок и розу положи на грудь.

1961

* * *

Я тебе такую боль нанес,
Будто бы клинком удар нежданный,
Так обидел я тебя до слез,
Что и сам страдаю, как от раны.

Что же, я лишусь любви твоей
Оттого, что крикнул слово злое?
Мне-то, может, тяжелее вдвое:
Мне от собственной вины больней...

1961

* * *

Живем с тобою, каждый день и час
То радуя, то мучая друг друга.
Порою солнце юга нежит нас,
Порою дует северная вьюга.

Любовь не только лунный свет в окне,—
Любовь остра, как лезвие кинжала!
То нам легко в спокойной тишине,
То слышится нам грозный гул обвала.

Порой любовь — как вишни легкий цвет,
Порой блестит, как молния, пылая,
Но — сталь кинжала или лунный свет —
Она всегда любовь, всегда живая!

1961

И я причинил вам, о женщины, горя немало,
Хотя не хотел, чтобы старились вы от обид,
Вас, правых во всем, тосковать заставлял я, бывало,
Поэтому сердце мое так болит и скорбит.

Нет, я не из тех, кто становится в бравые позы:
Смотрите, мол,— я молодец, победитель, герой!
Сквозь ливни годов мне виднеются женские слезы,
И хлеб мой насущный мне кажется горьким порой.

— Простите меня! — это, женщины, вам говорю я,
Почти не надеясь, что давнюю боль мне простят.
— Простите меня! — говорю вам и долго смотрю я
С горы моих лет, где тяжелый идет снегопад...

1961

ПЕСНЯ, ПОДАРЕННАЯ ДЕВУШКАМ

Эту песню немудреную,
Чей мотив под стать словам,
Словно веточку зеленую,
Я протягиваю вам.

Мир меня не только радовал,
Видел я немало бед,
Но в глаза я вам заглядывал,
И казалось — горя нет.

Песню эту неумелую
Я дарю вам в светлый час.
Чем я буду, что я сделаю,
Если не увижу вас?

Мир вам дарит даль бездонную,
Утро — вешнюю зарю.
Я, как веточку зеленую,
Эту песенку дарю.

1961

* * *

Порою смысл в надгробной речи есть ли,
Зачем она умершему, к чему,
Душевных слов вы не успели если
Сказать за годы многие ему?

Как часто не хватает добрых слов нам,
Они волшебны, добрые слова,
И в холода нас согревают, словно
Кизилловые пылкие дрова.

Ростков не даст до времени зерно вам,
Согреть земля должна его сперва.
Чтоб высечь пламя, и сердцам кремневым
Необходимы добрые слова.

1961

ЖИТЬ, УДИВЛЯЯСЬ

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.

Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь.

Текут ручьи, звенят их голоса,
Я слышу моря гул и птичье пенье.
Земля нам дарит щедро чудеса
И ждет взамен труда и удивленья.

1961

* * *

Сжимаю в пальцах влажный ком земли,
Вдыхаю запах сладкий и знакомый.
Как часто, люди, умирать мы шли
За эти хлебом дышащие комья!

Земля переживает всех живых
И, пахнувшая потом и дождями,
Покоит повелителей своих,
По-царски шествовавших за плугами.

Земля берет и тех, кто волей злой
Ее сжигал, пытал огнем и громом,
Земля, покрывшись пеплом и золой,
Все ж остается прежним черноземом.

И кто ни угрожал бы мне войной,
Что б люди ни придумали,— я знаю:
Нет в мире сил сильнее земли родной,
Кусок которой я в руке сжимаю.

1961

ДРОВА

Мы говорим: «Огонь, согrevший нас...»
Не говорим, что нас дрова согрели.
Мы о дровах молчим. А ведь как раз
Они нас грели. И они — сгорели.

Горят дрова, чтоб было нам теплей.
И дерево золой и углем стало.
А мы, привычке верные своей,
Твердим: «Горит огонь...» Нам горя мало.

Дрова сгорают ради нас в огне,
Безмолвно предают себя сожженью.
Благословенны вы, в любой стране,
В любой печи горящие поленья!

Они стволами были. Их листва
Нас укрывала в летний день от зноя.
Теперь они горят, они — дрова.
Они нам служат, жертвуя собою.

Горят дрова. Как щедрость их добра,
И неизменна, и благословенна.
Промокший путник, греясь у костра,
Их доброте извечной знает цену...

1961

* * *

Если, книг прочтя не меньше тыщи,
Ты сказал о жизни: «Ерунда!» —
Значит, больше знал слепец тот нищий,
Что и книг не видел никогда.

Наш народ недоедал, бывало,
Выбивался из последних сил,
Раненый, кусал от боли скалы,
Но о жизни так не говорил.

Наш народ, оплакивавший павших
И коней седлавший в грозный час,
Во сто крат достойнее, и старше,
И мудрее каждого из нас.

Тот, кто видит в небе только тучи,
Глуп, как боязливый человек,
Что, соскальзывая в пропасть с кручи,
Не за ствол хватается — за снег.

Тот, кто все ругает без разбора,
Накликает на себя беду,
Словно гость, клянувший дом, в котором
И ночлег нашел он, и еду.

1961

ГРОЗДЬ ВИНОГРАДА

От прохладных этих виноградин
Снова становлюсь я озорным —
Мальчиком, не видевшим развалин,
Не вдыхавшим ядовитый дым.

Может статься, предок мой с любовью
Так же брал налившуюся гроздь.
Сколько с той поры воды и крови
В землю виноградника влилось!

Виноград не стал другим нисколько,
Хоть на склонах и вершинах гор
Множество пожаров бушевало
И мелькало молний с этих пор.

Но лоза из — нужных и ненужных —
Всех огней, метавшихся вокруг,
Приняла лишь пламя полдней южных
И тепло трудолюбивых рук.

1961

МОЛНИЯ

Молния! Даже названьем сверкаешь —
Так ты красива. Но вдруг ни с чего
С маху по дереву ты ударяешь,
В пепел, в золу превращая его.

Молния! Даже название искрится.
Что ж ты врываешься в окна домов —
К детям, которым, наверное, снится
Завтрашний день, белизна облаков!

Молния — свет, озаряющий горы!
Рухни, полнеба на миг освети.
Только в аробщика или шофера,
Только во всадника не попади.

Молния! Змеи гнездятся в ущелье.
Их и казни гордой силой своей.
Но не деревья. И не колыбели.
И не промокших в дороге людей!..

1961

* * *

Пора, не склонные к добру,
Вам у деревьев брать уроки.
Они в полдневную жару
Нам дарят тень на солнцепеке.

Сочны их добрые плоды,
Чьей зрелости известны сроки.
Давно пора, как ни горды,
Вам у деревьев брать уроки.

Садимся к доброму костру,
И вновь тепло нам лижет щеки.
Пора, не склонные к добру,
Вам у деревьев брать уроки.

Куда, мой друг, ни бросишь взгляд,
И в океане и на суше,
У равнодушных, говорят,
Из камня вытесаны души.

Неправда! Я кремень беру,
На свет родиться искра рада.
О вы, не склонные к добру,
Вам у камней учиться надо!

1961

ИНЕЙ

Сверкает иней, выпавший
Зимою во дворе.
Башлык морозом выпущен,
И бурка в серебре.

Изменчивого облика,
Но верная себе,
Солома белым облаком
Вздывается в арбе.

У ишака чуть синие
Бахромки под губой.
Покрыты скалы инеем,
Как дымкой голубой.

Ужели я, ужели я
В алмазной стороне?
Чегемское ущелие
Все в голубизне.

И я заиндевелые
Не в первый вижу раз
Овечьи морды белые
С печалью темных глаз.

И близкие и дальние,
Деревья все подряд
Как будто бы хрустальные:
Качнешь — и зазвенят.

И словно вижу детство я:
Как к солнцу на снегу,
Едва успев одеться, я
Из дому бегу.

И тем я счастлив именно,
Что светел холод дня.
Что воротник от инея
Искрится у меня.

Как мехом оторочены
Двери и порог.
И вижу я отточины
На крыльях у сорок.

Отца посеребренные
Кончики усов.
И елочки оконные
Из сказочных лесов.

А мама заскорузлые,
Облитые льдом,
Початки кукурузные
С мороза вносит в дом.

Люблю зимой нашествие
Инея,
 когда
Овечьей белой шерстью он
Облепит провода.

Когда в часы морозные
Я на стекле окна
Загадочные звездные
Читаю письма.

1961

Охотник, волку в пасть втолкнув кинжал,
Безжалостно швырял на землю зверя,
Но мотылька рукою отгонял
От пламени, зажженного в пещере.

Я тоже так на свете жить привык,
Жить, даже муравью добра желая.
Хочу, чтоб только чистую ледник
Гнал воду вниз, на солнце в зной сверкая.

Сижу, пишу, а за окном моим,
Играя, мальчик пробегает часто.
Хочу, чтоб счастье подружилось с ним.
Ведь это радость — видеть рядом счастье.

Пишу. А во дворе старик сидит,
И дерево задумалось с ним рядом.
Старик молчит, и дерево молчит,
Но оба смотрят вдаль спокойным взглядом.

А если будет вдруг подмят бедой
Старик, иль рухнет дерево от гуда
Ветров, иль мальчик станет сиротой,—
И я не буду счастлив. Нет, не буду.

1961

* * *

Пусть утес не достигает облака,
Безымянный, он который век,
Не гордясь неповторимым обликом,
Терпит летний дождь и зимний снег.

Не придумано ему названия,
В книгах про него не говорим,
Но утес в своем величье каменном
Не завидует горам большим.

Ручеек, свое шлифуя ложнице,
Скачет меж неведомых камней
И, безвестный, вовсе не тревожится
О безвестной участи своей.

В мире реки есть, до славы жадные,
В них порою не достанешь дна,
В городах кафе перворазрядные
Звучные их носят имена,

Реки по земле текут огромные
И ручьи, воспетые стократ,—
Им не подражая, реки скромные
Носят лодки, земляков поят.

Друг, не подражай чужой огромности,
На чужой не зарься пьедестал.
А завистлив ты — завидуй скромности
Малых рек и безымянных скал.

1961

ПЕСНЯ СУХОЙ ЧИНАРЫ

Надо мной плыла когда-то
Птичья стая,
Подо мной была когда-то
Тень густая.

На ветру я песни пела.
Мне, бывало,
Вьюга ветви снегом белым
Пеленала.

И с ветрами и с дождями
Я дружила,
И луна меня ночами
Серебрила.

Я, как добрая царица,
Не скупилась.
В тень мою какая птица
Не садилась?

Корни, ветви буря злая
Не сломила,
Крепкий ствол пила стальная
Не спилила.

Мало мне на белом свете
Жить осталось:
Что не может сделать ветер,
Может старость.

Пусть по веткам оголенным
Дождь стекает,
Птица к деревьям зеленым
Улетает.

Мой конец топор прочертит,
Я исчезну,
Но своею буду смертью
Вам полезна.

Запою в печи гудящей,
Как бывало,
Будто мне, огнем горящей,
Горя мало.

Мы, деревья, как герои
Умираем,
Что деревья, что герои —
Мы сгораем.

1961

ГРОМ

Две горы ли, две скалы ли
Бьются лбами в этот час,
Или вдруг с горы пустили
Вниз по крышам тарантас?

Первый гром грозы весенней
Прокатился за горой,
Как полки перед сраженьем,
Скалы выравниали строй.

Старикам в грозе весенней
Видится огонь и дым,
Грохотом былых сражений
Вешний гром приходит к ним,

Им мерещатся дороги
И тревоги прежних дней,
И дрожащие их ноги
Шпорят вороных коней.

Гром грохочет в отдаленье,
Видится мальчишкам бой,
Кажется им гром весенний
Близкой пушечной пальбой.

Медленно рождая фразы,
Вдалеке грохочет гром.
Мне он кажется рассказом
О грядущем и былом.

1961

РУКИ ГОРЦА

Мгла над желтой чинарой,
Над осенней листвою,
Горец, труженик старый,
Покачал головой.

Сел он, седоволосый,
Чуть сощурив зрачки,
Положил он на посох
Две дрожащих руки.

Руки горца, знавали
Вы счастливей деньки,
Серый камень тесали,
Закаляли клинки.

Вы могучими были,
И не так уж давно
Вы пшеницу косили,
Ворошили зерно.

Вы и поле пахали
С незапамятных дней
И проворно седлали
Самых лучших коней.

Кровь водою смывали,
Разрывали бинты,
Голубиц обнимали
Неземной красоты.

Колыбели качали,
И ласкали детей,
И землей засыпали
Опочивших друзей.

Вы дома возводили,
Превращенные в прах,
Вы огонь разводили
В ледяных очагах.

Разгребали во вьюгу
С гор скатившийся снег,
Подвигали вы другу
Свой последний чурек,

Никогда не ленились,
Не жалели щедрот,
А теперь опустились,
Кто вас в том упрекнет?

1961

НАШИ ДОРОГИ

По равнинам и по скатам
Вьетесь вы издалека,
От гранита сероваты,
Желтоваты от песка.

Засыпает вас метелью
Вот уже который век.
Вы изогнуты в ущельях,
Переломаны у рек.

Где-то солнце камень старый
Накалило в летний день,
Где-то добрые чинары
Путнику бросают тень.

Утром здесь туман ложится,
Пыль клубится в час дневной,
Ночью гравий серебрится
Под серебряной луной.

Поздней осенью дороги
Листьями покрыты сплошь,
В мягких листьях тонут ноги,
Ты по золоту идешь.

На горе ли, под горою,—
Павшие сто лет назад,
Здесь под плитами герои
Безымянные лежат.

Здесь порой поют и плачут,
По дороге с двух сторон
Кто с веселой свадьбы скачет,
Кто плетется с похорон.

...Помню, по дороге старой
Из далекого села
Мать с корзинкой шла с базара,
На спине меня несла.

И от легкости корзинки,
И от тяжести нужды
Матери моей слезинки
На песке прожгли следы.

По дорогам этим после
Брел я сам, пуглив и мал,
И копытцами мой ослик
По сырым камням стучал.

Пояса дорог старинных,
Где зимой, который век,
С веток падая, рябина
Красит кровью белый снег,

На своих потертых спинах
Вы укачивали нас
И на родину с чужбины
Приводили в светлый час.

1961

У ОЧАГА

С гор возвратившийся сквозь проседь
Зимы, когда летят снега,
Любил отец мой бурку сбросить,
Потом присесть у очага.

И, цветом схожий с пастью волчьей,
Огонь то злился, то смирел.
И на него отец мой молча,
О чем-то думая, смотрел.

О том ли думал он с тревогой,
Что снег метет, — спаси аллах,
Не разминутись бы с дорогой
Охотившиеся в горах.

Иль думал, как и все крестьяне,
Он, возвратясь под отчий кров:
Здоровы ль овцы на кутане?
Кормов ли хватит для коров?

Металось пламя и сникало,
Зардев на черной головне,
Но черных дум не возникало
В отцовской доброй голове.

Мели снега жестокой доли,
И помню, что огонь зачах.
Но вот он вновь в балкарском доме
Венчает каменный очаг.

Горит очаг. Огнем объяты
Дрова чинаровые в нем.
Сижу, как мой отец когда-то,
Задумавшись, перед огнем.

Со мной отцовские тревоги
И горы в дымчатых снегах.
Я думаю о людях многих,
О подвигах и о стихах.

И кажется: ущельем горным
Летит гнедой гривастый конь.
Не предаваясь мыслям черным,
Смотрю я молча на огонь.

1961

КИНЖАЛ

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был.

Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Кружился ворон над убитым,
На весь аул рыдала мать,—
Картинам этим незабытым
Причастен ты по рукоять.

И не тебя ль, когда был молод,
Носил отец мой на ремне.
Тобой в горах мой брат заколот...
Два чувства будишь ты во мне.

Двух этих чувств пойми причину
И за нее не обессудь,—
Тебя вонзала храбрость в грудь,
А трусость всаживала в спину.

Сталь боевая обнажалась,
Холодная, была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

То был ты славен, то ничтожен,
В зависимости от того,
Кто вырывал тебя из ножен
И убивал тобой кого.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой,
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал
На то, чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Но самому тебе учесть ли,
Сколь раз в минувшие века
Неволила, защитник чести,
Тебя бесчестная рука.

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованный кинжал.

1961

ОСЕНЬ В НАЛЬЧИКЕ

Дом построен, и вымыты окна,
А каштаны в осеннем огне,
И листвы первозданная охра
Отражается в каждом окне.

Стала липа медового цвета,
Но глаза на мгновенье закрой —
Оживет в ее шелесте лето
И пчелиный клубящийся рой.

То костер ли искрится пастуший
Или рдеет кизиловый куст?
Не спеши, приглядишься и послушай:
Схожа осень со зрелостью чувств.

И задумчивость леса не в силе
Даже ветер прервать до поры.
Облака в холодеющей сини,
Как снега Безенгийской горы.

Журавлей улетели станицы,
Но светла и спокойна душа,
Годы давние, словно страницы,
Перелистывая не спеша.

Вижу осень, и парк нелюдимый,
И серебряный свет с вышины,
И листок на коленях любимой,
Как желтеющий отблеск луны.

1961

В ДОРОГЕ

Кому не вспомнится в дороге
Тепло родного очага?
Уносит путь меня далекий,
Степные выстелив снега.

Степным захлестан я простором,
Степную ширь вбирает взгляд.
И мысленные перед взором
Нагорья отчие стоят.

И сердцем зрячим, не иначе,
Сквозь версты вижу пред собой
Поднявшийся, как хвост кошачий,
Дым над родимою трубой.

Лежат снежинки на пороге,
Калитки звякнуло кольцо.
Мне мама вспомнилась в дороге,
Ее глаза, ее лицо.

Все сон напоминает, правда.
Огонь в камине виден мне,
И перед ним взлетает плавно
Тень колыбели на стене.

В дуге степного окоема,
Сквозь ветры и летящий снег,
Я чувствую дыханье дома,—
Уж так устроен человек.

Одолеваем расстоянья
И словно предаемся снам,
И резче тем воспоминанья,
Чем тяжелей в дороге нам.

1961

Я ВЕРНУЛСЯ С ГОР

Вдохнувший снега вечного
И синевы озер,
Домой июльским вечером
Я возвратился с гор.

Еще клубилось облако
Косматое во мне,
И с ветром рука об руку
Я шел по крутизне.

Где горизонта линия
Лежит на гребнях гор,
И солнцем был и ливнем я,
Листвы вздымал шатер.

Будила вновь заря меня,
И в утренних лугах
Нес вместе с косарями я
Росу на сапогах.

И там, где тропы вклинены
В клубящийся туман,
Я пил из кружки глиняной
Целительный айран.

Во мне звучали выстрелы,
Цвели во мне, чисты,
На каменистых выступях
Рожденные цветы.

Во мне вершины гордые
Венчал весь звездный рой,
Когда вернулся в город я
Вечернею порой.

1961

* * *

Всегда, мой друг, наглядна высота.
Она — как жизнь. И видишь утром рано:
Одна вершина светом залита,
Другая — в сизом мареве тумана.

Бок о бок кружат по одной горе
Печаль и радость — вечные тропинки.
Справляют на одном дворе поминки,
Играют свадьбу на другом дворе.

Зеленая и желтая трава,
Мед и полынь, затишие и грозы,
Исчез бы смех, когда б исчезли слезы.
Жизнь по своей природе такова.

1962

* * *

Дороге в грудь спокон веков
Стучали осликов копытца,
Сегодня снег над ней клубится
И слышен грузный шаг быков.

Красна калина на снегу,
И я, в плену былой тревоги,
Забыть след волчий на дороге
И пятна крови не могу.

1962

* * *

Умеет выбрать истинный стрелок
Мгновение, чтобы спустить курок,
И золотом зовется не молчание,
А мудрость слова, сказанного в срок.

Нередко, кто от истины далек,
Выхватывает лезвие не в срок,
А слово мудреца — всегда до времени
В холодных ножнах дремлющий клинок.

1962

ПОЭМЫ

ГОВОРЮ С РОДНОЙ ЗЕМЛЕЙ

1

Глаза наполнив синевой, взошла ты
На скалы, поднялась до облаков.
А горы — словно ехать им куда-то —
С утра одеты в башлыки снегов.
Балкария моя, ты дорога мне.
И рвутся в душу: звон твоих лугов,
Олений рев, цветы, леса, и камни,
И гордый тур, и стук его рогов.
Здесь на скале, что затерялась в тучах,
Стоит березок хрупких белый ряд,
А на камнях, как буйволы могучих,
Тюльпаны, словно искорки, горят.
Ты — мужество и нежность. Эти свойства
В тебе в одно, Балкария, слились.
Ведь песни о любви и о героизме
В твоих горах, как сестры, родились.
Чегем, и Терек, и Баксан глубокий
Несутся, как гонцы, с твоих вершин,
Несутся вниз, привет вершин высоких
Передавая жителям равнин.
Чегемское ущелье с водопадом,
Озера голубые летним днем,
Там, если всадник вдруг проскачет рядом,
В воде он отражается с конем,
Я понял, глядя в воды голубые,
Где отражались облака и снег,
Что если вновь лишусь родной земли я,
То счастья не найду нигде вовек.
Сдружилась ты с Эльбрусом-великаном,
Он тамада, советчик твой и щит.

Когда в беде ты, он покрыт туманом.
Когда твой праздник, снег на нем блестит.
Балкария моя, откройся взору:
Как бурки — тучи, снег твой — как башлык...
Мой стих, как тур, в твои уходит горы,
Ему легко в горах, он к ним привык.

2

Зерно на скалах ты растил всегда,
Народ мой. Не питал ты к людям злобы,
Под облаками мирно пас стада.
Трудился от рождения до гроба.
Свою ты пашню буркой мог накрыть,
Вот пашня у тебя была какая!
Но не ходил ты к людям хлеб просить,
Его трудом из пашни выжимая.
Ты пробивал дороги сквозь гранит,
По ним теперь летят автомобили.
Арык провел ты — в нем вода журчит,
Пустынный склон теперь бахчи покрыли.
Вез яблоньки ты в горы на арбе,
Возился с ними, с каждой по неделям.
И вот теперь благодаря тебе
Цветут сады у скал, у всех расселин.
Когда над пропастями ты косил,
В твоих глазах привычных не темнело,
Был труден путь, но все ж хватало сил
Не погибать в беде и делать дело.
Всегда радушно ты встречал гостей
Вином, приветным словом, хлебом-солью,
Но, как атлет, веревки палачей
Ты разрывал и выходил на волю,
И если подвиг требовался твой,
Ты становился вдруг орла бесстрашней,
И если вел ты днем кровавый бой,
То все же ночью выходил на пашню.
И посылала в битву, как на труд,
Мать сына своего. Вот так мы жили!
А имена погибших не умрут.
О них мы песни гордые сложили.
Водил бойцов сквозь вьюгу и туман,

На белых волков нападая смело,
Хаджи-Мурат Асанов, партизан.
Он пал в бою за ленинское дело.
И в самой страшной схватке наших дней,
Как вся страна, мы отдали немало,
Лишь у одной у матери моей
Племянников пятнадцать в битвах пало.
Без этих слов вся жизнь была бы ложь,
Их не сказав, я не был бы поэтом.
Я знал, что ты беду переживешь,
И силы жизни черпал в вере этой.
Я верен был всегда твоей судьбе
И верил в нашу родину святую,
Я знал, что пригожусь еще тебе,
Коль эти дни с тобой переживу я.

3

Балкария милая! Золота залежь
Для нас не сравняется с камнем твоим.
К хвостам лошадей бы меня привязали —
И так до тебя б я добрался живым.
Как матери грудь, твои душные травы
Я буду сосать, моя родина-мать,
То жаркий, то влажный твой камень шершавый
Я буду и в ливень и в зной целовать.
Когда б я взошел на вершину Дыхтау
И бросился б вниз на аул Безенги,
Остался бы жив я, я знаю, я знаю, —
Ведь скалы мне с детства друзья, не враги.
Мне все твои беды, как в сердце кинжалы,
Я бросился б даже быку на рога,
Хоть бешеным будь он, лишь ты б расцветала,
Родная земля. Так ты мне дорога!
Чтоб жил мой народ средь народов свободных,
Чтоб пляскам в ущельях греметь каждый год,
Пусть сердце от пули вдруг станет холодным,
Лишь только бы в счастье ты жил, мой народ.
Убит век назад на глухом перевале,
Поднялся б я из-под столетнего льда
Тебя отстоять от беды и печали,
Когда бы грозили печаль и беда.

А если бы сил у меня не хватило,
Я плакал бы в песнях над горем твоим,
А в день твоей радости, встав из могилы,
С тобой бы я счастлив был счастьем одним.
А если б я был твоей древности воин,
Что пал за тебя в справедливом бою,
В час бед и в земле бы я не был спокоен,
Поднялся б, разрушив могилу свою,
И вновь за тебя я боролся бы страстно.
За смелых табунщиков и чабанов.
Чтоб ты не была сиротою несчастной,
И жизнь и здоровье отдать я готов.
Согласен быть пеплом, что ветер уносит,
Лишь только бы ветер был, родина, твой,
Пусть снежный обвал с высоты меня сбросит,
Лишь только б навек мне остаться с тобой!
Твоим быть певцом — это высшая радость,
Что может сравниться со счастьем таким?
Мне, может быть, в жизни всего только надо
Быть глиной твоею и камнем твоим.

1957

ИЗ ПОЭМЫ

1. Колыбельной песне вечно жить

Я думаю, что в первый раз
Народ сказал: «В единстве сила!»
В свой самый трудный день, в тот час,
Когда ему беда грозила.

Два слова! Сколько смысла в них!
Они народ мой звали к свету.
И я не зря сегодня с них
Решил начать поэму эту.

На древней мы живем земле,
Ее не раз враги душили.
Но и в тисках, в кольце, во мгле
Мы все ж не погибали, жили.

Путь каждого народа крут:
Обрывы, скалы — все бывает,
Тот путь то вьюги заметут,
То щедро солнце согревает.

Но никогда народ любой
Навек убить нельзя бедою,—
Пусть меч в руке его одной,
Рубанок держит он другою.

Вчера он мчал сквозь бой, как вихрь,
А нынче вновь с утра он в поле.
Вновь женит сыновей своих,
Не побежденный скорбной болью.

И самый черный день никак
В нем песнь и смех не убивает,—
Врагами залитый очаг
Все ж не навеки остывает.

Какая б ни была беда,
Все ж матери детей качают
И кормят грудью. Никогда
Их молоко не иссякает.

Народ живет и будет жить
И печь свой хлеб средь бед смертельных,
Не могут палачи убить
Извечных песен колыбельных.

Народа силу вижу в том,
Та сила недоступна тленью.
И вместе со своим стихом
Пред ней я стану на колени!

2. Другьям, погибшим на фронте

Дружья, что пали на войне,
Что нынче спят на поле брани!
Тоска по вас всегда во мне.
Я вашей смертью в сердце ранен.

Печаль о вас всегда жива,
С годами не теряет силы,
Пусть горца честные слова
Проникнут к вам сквозь дерн могилы.

Мой стих проходит без дверей
В дома, где жили вы, живые.
На лицах ваших матерей
Морщины видит он сухие.

Чем их утешить хоть на час?
Где силу мне найти такую?
Той силы нет, но я за вас
Худые руки их целую.

Друзья, что спите вечным сном,
Прислушайтесь! Звучит над вами
Мой стих на языке родном,
Который не убит врагами.

Пусть враг хотел его распять,
Но ведь язык нельзя замучить.
Он жив, на нем уже опять
В родных горах детишек учат.

Друзья, погибшие в бою!
Когда вы спали в колыбели,
Все мамы «баюшки-баю»
На этом языке вам пели.

Родной язык сберег народ,
Пронес его сквозь бури мира.
Огниво путник так несет,
Когда вокруг темно и сыро.

3. Поэт настоящий прост и честен

Друзья! Я говорить вам стал
О том, что нам всего нужнее,
Не потому, чтоб я считал,
Что я вас выше и умнее.

Я тоже пас в горах овец,
Как вы. Дружил я с вами всеми.
В чувяках, порванных вконец,
Я ездил по дрова в Чегеме.

Пусть не один сложил я стих,
Жил в городах, летал по небу.
Но выше чабанов простых
Не чувствовал себя и не был.

Гордец надменный, всем чужой —
Он не поэт! Поэт попроще,
Поэт от века прост душой,
Как дровосек и как аробщик.

Такой завет поэтам дан.
Я в этой верс — тверже камня.
Табунщик, слесарь и чабан
Близки по духу мне, друзья мне.

И лишь создатель книг пустых,
Что полон гордости сверх меры,
Отличие от людей простых
Хранит, как некий символ веры,

Свое отличие от тех,
Кто хлеб растит и строит зданья,
Нет, могут вызвать только смех
Таких «поэтов» притязанья.

Каким бы ни был он, твой труд,
Ты мне — ровня и друг, ты нужен.
Лишь те, что в праздности живут,
Меня намного меньше, хуже.

1957

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

1

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

Касалась неба древних скал гряда
Со всех концов нагорного аула.
И, как туман, в аул ползла беда
По скалам, поднимавшимся сутуло.

Но скалы горя не могли сдержать —
Нужды и бед неумолимых войско.
Оно врывалось, яростная рать,
И сеяло тоску и беспокойство.

И — нет зерна. И — мрачен цвет камней,
И словно лед потоков горных воды,
И небеса — потоков холодней,
И словно щели узки огороды.

И дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна.
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжимает зерна.

С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий.
И кукурузу горец вез с равнин,
И зернам нартов¹ радовались дети.

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось,
Где горек хлеб и тяжела беда,—
Шесть дней в том мире мне прожить досталось.

В ауле нашем был бедняк один
С нуждой своею — постоянным гостем,
В живых ему остался младший сын,
А старших путь оборвался погостом.

Как терпит камень жар огня и лед,
Так он терпел обиду и тревогу.
«Нас проклял сатана. И не найдет
Никто из нас счастливую дорогу».

Две дочери заснули смертным сном,
Как две звезды,— их оспа погасила,
Как два цветка нагорные. Потом
Двух сыновей взяла к себе могила.

Один от тифа умер. В снегопад
Другой сорвался со скалы прибрежной.
Живым остался младший, Бекболат,
В дому тоски единственной надеждой.

Мать, Халимат, молилась за него,
Седой отец о нем молился тоже,
Чтобы в земной юдоли ничего
Его судьбы не омрачило, боже.

Был склон горы кладбищенской горбат.
К могилам свежим в зарослях кизила
С горящим сердцем часто Халимат
В вечерний час тропинкою спешила.

¹ Зерна нартов — кукуруза.

Там, сердце погружая в темноту
Отчаянною, смертною тоскою,
Погасли звезды матери. В цвету
Четыре вишни срублены весною.

Теперь на небе матери одна
Горит звезда. И как же не бояться?
И ночь кругом. Тропинка не видна.
И утреннего света не дожидаться.

Среди застывших каменных громад,
Оплакивая горькую утрату,
У очага садился Азамат,
И звезды не светили Азамату.

Он не сумел своих детей спасти —
Позвать врача или добыть лекарство.
В долинный мир отрезаны пути
Из диких дебрей каменного царства.

Я вижу саклю, вижу скудный свет
И Азамата каменную спину,
Заплатами рыжеющий бешмет
И бороды колючую щетину.

И я, двухлетним мальчиком, просил
У Азамата самодельный ножик
И, бегая по сакле, голосил,
Держа в руках ножны из черной кожи.

О Халимат, прости меня! Тогда
Знать было сердцу моему откуда,
Что есть на свете горе и беда,
В которых не спасает даже чудо,

Что много муки в сердце. А муки
Ни горсточки, в переднике — заплата.
Как эти годы детства далеки...
А я, как брата, помню Бекболата.

Вот он меня, на зависть детворе,
Сам из себя коня изображая,
Катает долго на своем дворе,
Потом везет, на ослика сажая.

Вот мы уходим к берегу Жылги,
Летит в поток волосая леска,
И от нее расходятся круги,
Потом она натягивается резко,

Звенит и вылетает. Наяву,
Подобная невиданному чуду,
Живая рыбка прыгает в траву.
Я этого до смерти не забуду.

А Бекболат, от радости смеясь,
Мне отдает ту рыбку на удачу.
И я тогда, богатый, словно князь,
В восторге счастья и смеюсь и плачу...

Форель и впрямь, как слиток золотой,
Горит и вырывается упрямо.
И, как цыпленок, я бегу домой.
Чтобы со мной порадовалась мама.

Вот Бекболат у сванов, в стороне
За перевалом, недоступной глазу,
Два яблока выпрашивает мне,
А я не видел яблока ни разу.

Я помню звезды над горбом горы,
Ущелья, утонувшие в туманах.
И Бекболат до утренней поры
Мне сказки говорит о великанах.

Нет, я не знал, что нет в горах бедней
И горестнее жизни Азамата,
Не мог понять, как смерть живых людей
Несет туда, откуда нет возврата,

И почему у одного — коней
Лихой табун, играющий на склоне,
А у другого — ветер меж камней,
Пустой очаг и ни осла в загоне...

А золотые рыбки, и хребты
Лиловых скал, и Бекболата сказки
В моей душе тревожили мечты
И поселялись, смешивая краски.

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

О, детства промелькнувшие года,
Душа моя не вами ли крылата!
...И в горести, и в радости — всегда
Я неизменно помнил Бекболата.

2

Белоказаки в горы ворвались,
Тень виселиц застыла на дороге,
Огнем пожара опалило высь,
Запричитали женщины в тревоге.

Слеталось и кричало воронье
Над темною тесниною Чегема.
В тот день отец мой, зарядив ружье,
Обнял меня и попрощался немо.

Аул Чегем разграблен был сполна,
И в нашей сакле настужь дверь открыта...
Там весь запас последнего зерна
Рассыпали под конские копыта.

И мать моя, прижав меня к груди,
Рассвет встречала, сидя у ограды.
Кровавые дороги впереди,
Туман и партизанские засады...

Потух огонь в холодных очагах,
Как мамина случайная улыбка.
И уплыла на легких плавниках
И не вернулась золотая рыбка.

Забыл в те дни про сказки Бекболат
И про меня, иною занят целью.
Он в партизанский убежал отряд,
Как тень в ночи по темному ущелью.

...И партизаны выгнали врага,
Как гонит буря снежную лавину.
Но, встретив пулю, в мутные снега
Упал мой друг без памяти на спину.

Его под буркой привезли в аул,
Понуро кони разминали слякоть.
Клубился снег, и ветер скалы гнул,
И не решались женщины заплакать...

Они над ним сомкнули тесный круг.
А я, освистан снежной крутовертью,
Спал в эту ночь, не зная, что мой друг
В бреду и муке борется со смертью.

К нему под утро привели меня,
Но Бекболат навстречу не поднялся.
Кого-то призывая и кляня,
Он, как огонь, под буркою метался.

Я в бледный лоб его поцеловал,
Просил подняться со своей постели,
Чтоб мы опять пошли за перевал
И наловили удочкой форели...

Я звал его. Я был на все готов,
Рукою бурку стаскивал с кровати...
Тогда я слышал много разных слов
Неслыханных, не для моих понятий.

Откуда было мне тогда понять,
Как может, на пути подкарауля,
К постели Бекболата приковать
Мизинца меньше маленькая пуля...

А он кричал: «Винтовка... Мой бешмет...
Где мой карман?..» — и падал, как в тумане.
Я слушал молча раненого бред:
Что за бешмет и что в его кармане?..

Но взяли бекболатовский бешмет —
Кровь по нему разводами заволгла...
В его кармане отыскав портрет,
Все в очередь рассматривали долго.

Недоуменный отводили взгляд,
Пожав плечами, становились с краю.
И, посмотрев, сказала Халимат:
— Среди родичей такого я не знаю...

3

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекболата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

И в книге той я увидал портрет,
И память озарилась ясным светом:
Я вспомнил бекболатовский бешмет
И дома стал рассказывать об этом.

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лет паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое впору!
Сын пастуха, его мечтой горя,
Весь мир увидеть поднялся на гору.

Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,
К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

4

Прошли еще три года. В третий класс
Я торопился каждый день с друзьями.
И книги завораживали нас,
Теперь уже не расставаясь с нами.

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь — неполна, а все дороги — узки.

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающий сурово.

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда вы так внимательно глядели,
Наверно, вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью
Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатьич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставлю вам над вашею могилой.

Я свято вспоминаю о поре,
Где счастьем сердца не было границы,
Как я читал ребятам во дворе
Заветные о Ленине страницы.

Читал родным, и матери читал,
Гостям, соседям, путникам бывалым,
Табунщикам, чей зоркий глаз видал
Свет новых звезд над горным перевалом.

Я понимал, что их глаза смелей
Надеждой окрылялись понемногу,
Как у застрявших на скале людей,
В долинный мир увидевших дорогу.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами как гора
И наши души поднимала в горы.

И русский мастер с топором в руках
С артелью горцев-каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Мы прикрепили Ленина портрет
Над самым входом, на стене веселой.
И весь аул, как мотыльки на свет,
Спешил сюда полюбоваться школой.

Теперь учительствовал Бекболат,
Свою учебу кончив раньше срока.
Я этой встрече был не меньше рад,
Чем золотистой рыбке из потока...

Был чист и светел звонкий школьный зал,
Все пионеры в сборе были в зале.
И нам учитель новый рассказал
О тех боях на снежном перевале,

Когда его под буркой привезли
Друзья в аул и встали к изголовью,
И на груди простреленной нашли
Портрет, залитый Бекболата кровью.

«Не узнаю», — сказала Халимат
Тогда и наклонилась над портретом.
А он для сына был родней, чем брат.
Откуда знать она могла об этом?..

Нам тот портрет учитель показал.
С него глядел Ильич, глаза прищуря.
И наш учитель видел по глазам,
Какая в душах бушевала буря.

И зависть мы не прятали свою,
Не знали мы, что с Бекболатом вместе
Придется нам идти в одном строю
Дорогой справедливости и мести.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
Но не уступит ленинское знамя.

Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату.
...Откуда ж в девятнадцатом году
Попал портрет в ауле к Бекболату?

Жил с нами рядом ссыльный Михаил,
Рабочий русский, мастер на все руки.
Он печи клал, игрушки мастерил,
Столярничал и плотничал в округе.

В горах он прожил долгие года,
Родным для нас, ни бедно, ни богато.
Из рук его и перешел тогда
Портрет вождя под сердце Бекболата.

...Сам Бекболат теперь сутул и сед,
Согбен уже трудами и годами,
Но тот давно подаренный портрет
Под ленинскими носит орденами.

Нас на рыбалке видели не раз
Как двух друзей у быстрого потока.
Проходит время, как ночной рассказ,
Старинным другом начатый до срока.

Я дружбу нашу свято берегу,
Она горит в душе моей так чисто,
Как первый бой за перевал в снегу
В душе седого друга-коммуниста.

В Москве мело. Снег шел со всех сторон,
 Как в наших скалах, самый чистый в мире,
 Я вышел с Бекболатом, удивлен
 Всем, что увидел в ленинской квартире.

Железная солдатская кровать.
 Шаль на кровати. Ситцевые шторы.
 А ум его миры умел объять,
 И должность высока была, как горы.

Я видел шали темную кайму —
 В горах у нас такие носят шали,—
 Мать подарила эту шаль ему
 В час расставанья, в горький час печали.

В изгнание время медленно текло..
 И от родных за тридесятою далью
 Он, засыпая, чувствовал тепло
 Родной души под материнской шалью.

И лучшая на целом свете мать
 До сына снова не могла добраться,
 И сыну больше не пришлось обнять
 Родную мать и встречи с ней дожидаться...

Он жил, как все, кто, не жалея сил,
 Хлеба растил, пускал чугуны из домны,
 Хотя всегда на целый мир светил
 Своей душой, чьи помыслы огромны.

Ни с чем нельзя сравнить его труды,
 А сам он жил в квартире небогатой.
 Ел хлеб, как все,— от белой лебеды
 И отрубей сухой и горьковатый.

Здесь, по Кремлю, подошвами стуча,
 Он проходил походкою торопкой,
 Надев пальто, у левого плеча
 Заштопанное аккуратной штопкой.

Цари и графы, ханы и князья,
Ценою человеческой печали,
Паркетами воцеленными скользят,
Вы только нищим золотом блистали.

Что вам народ, его печаль и труд,
Плоды и хлеб, добытые рабами!
Репейник и крапива прорастут
Над вашими забытыми гробами!..

Я вышел с Бекболатом, про себя
Судьбы великой повторяя повесть.
В Москве мело. С вершины декабря
Клубился снег, чистейший, словно совесть.

Снег оседал на позолоту глав
Церквей старинных и летел на крышу.
Мы молча шли Кремлем московским, став
Добрее сердцем и душою выше.

Мы шли, и каждый думал про себя,
Свои шаги отмеривая мерно,
Как Ленин, удивляясь и любя,
На снег такой в окно глядел, наверно.

И Бекболат в метели снеговой
Сказал слова с неповторимой жаждой:
— Что мы сегодня видели с тобой,
Увидеть должен на планете каждый.

6

Разноголосы в мире соловьи,
По-разному текут ручьи и реки.
В ауле каждом правила свои,
И голос свой дан каждому навеки.

Любой живой по-разному живет —
За перевалом и у перевала.
И мой ущельем стиснутый народ
Своя беда в пути подстерегала.

Едва живой въезжал в аул мой дед
На одноухом муле из долины
По тем тропинкам, где случайный след
Стирали камнепады и лавины.

Тот след петлял по осыпи камней
Ущельями, кинжальной уже раны.
Был мой народ, как древний Прометей,
Прикован к скалам, спрятанным в туманы.

Он камнем стал в теснинах рыжих скал,
Свой хлеб из камня выжимая черный.
Но только камень жалобы слышал
Души народной о судьбе упорной.

Он в сонмы звезд бесчисленных глядел,
Ждал откровенья разуму и глазу.
Не раз без хлеба на воде сидел,
Но мужества не уронил ни разу.

Он песни пел. Как звезды, в них жива
Тоска и боль. Их давний путь просторен.
И мельницы крутили жернова,
Хоть ран на сердце было больше зерен.

Его герои к золотой поре
Мечтой тянулись из ущелий тесных
И гасли так, как звезды на заре.
Их имена навек остались в песнях.

Как солнца свет, светили до конца
Через обиды, горечи и годы,
Кровоточа, отважные сердца
Твоих абреков — рыцарей свободы.

Ты все познал, мой каменный народ,
Свои дороги не коврами выстлав!
И жизнь твоя в пословицах живет,
Исполненных трагического смысла.

Ты сам сказал: «На чью арбу залез —
Того и песню запевай в дороге».
Арба, скрипя, ползла наперерез
Ущельям через горные отроги.

Ты сам сказал, что «мужество души
Лесмает скалы», — и поверил в это.
Светильника души не потушил —
Пронес его до самого рассвета.

Оно пришло, как солнце сквозь туман
В ущелье, знамя ленинского дела.
Был свет его сияющий багрян —
Кровь храбрецов на знамени горела.

И мужество, которое ты нес,
Орлиным взмахом развернуло крылья,
Арбу насилья сбросив под откос,
Отрезав в горы все пути насильям.

И каменные жалобы твои
Душой своею чутко Ленин слышал.
Ты шел за ним сквозь дебри и бои,
Чтоб видеть дальше — поднимался выше.

7

Апрель в то утро, горы веселя,
Одел, наверно, легким пухом ивы,
Зазеленела горная земля,
Запенились чегемские извивы.

И маки разбежались по земле.
И в этот день на дальней Волге где-то
У русского учителя в семье
Родился мальчик в тихий час рассвета.

Был звонок крик, а может, первый плач
Открывшего на мир глаза пострела.
И, как всегда, готовился палач,
И дожидались узники расстрела.

И, как всегда, мой дед спешил в аул,
И осыпалась горная порода,
И оступался длинноухий мул
У каменной ограды огорода.

А Азамат чужие гнал стада.
Цвела на скалах шапка заревая,
И на пиру богатом тамада
Зевал, об утре не подозревая.

Десятилетним мальчиком Кязим
В бешмете рваном по дороге старой
Высоко в горы с посохом своим,
Наверно, поднимался за отарой.

Откуда было знать ему о том,
Что, став поэтом гор, через полвека
Он будет славить вещим языком
Рожденного в то утро человека?

Ткачи, как прежде, на работу шли,
Шахтер врубался в каменные своды...
Откуда знать в тот день они могли
О сердце народившейся свободы?

Не знал об этом горестный мужик,
С картошки еле волочивший ноги.
Не знал пастух, закутанный в башлык,
Застигнутый бураном у дороги...

Я вечно буду славить этот день,
Он для меня высоким светом светел,—
Мы без него бродили б словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел.

Как серый пух убитого орла,
И наш язык пропал бы бесполезно,
Как конь, окровенивший удила,
Подстереженный каменною бездной.

Но он не сгинул в смутном далеке,—
Я стих веду, как поводками правлю,
Пишу стихи на этом языке
И тот апрель благословенный славлю.

Пою деревьев той поры красу
И травы воспеваю, словно друга,
И на траву упавшую росу,
И синий воздух заливного луга;

И свет звезды, и птичий разговор,
Дождя по крышам шум и перестуки,
И сына выводящие во двор
Добрейшие, внимательные руки;

Блеск радуги над Волгою-рекой,
Ее оттенков сполохи живые,
И рощи той березовый покой,
Где он ходить осмелился впервые;

И груди материнской молоко,
И добрых глаз добрейшую улыбку,
И руку, покачнувшую легко
Бессонной ночью маленькую зыбку;

Ораву босоногой детворы,
С которой Ленин заигрался в прятки,
И тот букварь, прочтенный до поры,
В обложке синей школьные тетрадки;

И школьный класс, гудящий роем пчел,
И книги, пережившие столетья,
В которых Ленин в первый раз прочел
О злой несправедливости на свете...

Я славлю это, как седой Кязим
Страну Советов вещим словом славил
И, совестью чистейшей не казним,
Нам сердце откровенное оставил.

Приветствуя высокой цели жизнь,
Испивший мудрость из ее колодца,
Он говорил о прошлом: «Не держись
За камень тот, что со скалы сорвется».

Все лучшее на свете для меня
 В поэзии души — открытом храме —
 Всей теплотой сердечного огня
 Я сравниваю с гордыми горами.

Что слишком часто я пишу о них,
 Меня мой критик судит однобоко.
 Товарищ Ленин, думаю, мой стих
 Не заслужил подобного упрека...

Пусть упрекают. За перо берусь —
 Толпятся горы у стихотворенья.
 Мне вот сейчас, пожалуй, лишь Эльбрус
 Один бы пригодился для сравненья!

Всегда видна с заоблачных вершин,
 Как сердце друга, дальняя равнина.
 А все, что Ленин на земле свершил, —
 Для всех веков великая вершина.

О мой Эльбрус! Ты и высок и бел.
 Таких вершин в Европе не отыщешь.
 Но Ленин выше в развороте дел,
 И мысль его снегов Эльбруса чище.

За мир познания я в него влюблен,
 Его идеи ревностный служитель.
 А он был прост, сердечен и умен,
 Внимателен и мягок, как учитель.

Он был в дерзанье революций смел,
 Народы за собою поднимая.
 И он умом миры обнять умел,
 И был задумчив, как поэт, мечтая.

Построить мост в грядущее сумев,
 Он строил планы, их размах огромен!
 И слушал, от восторга онемев,
 Как ликовал по клавишам Бетховен.

Я всей душою в Ленина влюблен.
Он для меня — всегда орел в полете.
И вижу я, как раскрывает он
Том Тютчева в старинном переплете...

Играет с ребятишками... Затем
Смеется с ними звонко, балагурия,
И видит не открытое никем
В той стороне, где закипает буря.

Я вечно славить Ленина готов.
И воздух свеж. И мир души не тесен.
Спешу, мой стих, ручьем от ледников
В людское море радости и песен!..

Пусть грозные и светлые года
Идут, как ливни через горы прежде.
Но с Лениным народам никогда
Не потерять своих путей к надежде.

Он больше всех для радости людской
На свете сделал и оставил свету,—
И в горести и в радости простой,
Зовет вперед. Иной дороги нету!

Как вешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая,—
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная!

1959—1960

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М. Дудин. На пути к вершинам	5
--	---

С т и х о т в о р е н и я

«Утро мне всего милее...» Перевод Е. Елисеева . .	21
Мальчик и теленок. Перевод Д. Голубкова . . .	22
Мальчики и козлята. Перевод Н. Коржавина . .	23
Здравствуй, утро! Перевод Д. Голубкова . . .	24
У садовника. Перевод Д. Голубкова	25
Во дворе. Перевод Е. Елисеева	26
«Ты ночью родилась...» Перевод Д. Голубкова . .	27
«Дождь сечет бичами скалы...» Перевод Д. Голубкова	28
«Пускай меня любая спросит мать...» Перевод Д. Го- лубкова	29
«Мне кажется, что все певцы на свете...» Перевод Д. Голубкова	30
Песенка горной речушки. Перевод Е. Елисеева . .	31
Снежок. Перевод Е. Елисеева	33
Песенка мальчика, едущего на ослике. Перевод Н. Коржавина	34
Аробщик. Перевод Е. Елисеева	36
Лейле. Перевод Д. Голубкова	38
«Утром, под солнцем весны золотея...» Перевод Д. Голубкова	41
Еще три песни Лейле. Перевод С. Липкина . . .	42
Стихи, написанные весенним днем. Перевод Д. Го- лубкова	44
Мои соседи. Перевод Е. Елисеева	45
Новый год пришел в горы. Перевод С. Липкина . .	57
Табунщик. Перевод Е. Елисеева	59
В горах. Перевод Н. Тихонова	61
Дождь застал нас в дороге. Перевод Н. Тихонова .	62

Горная баллада. Перевод Н. Коржавина	64
Из тетради «В старой Руссе». Перевод Н. Коржавина	67
Перед боем. Перевод В. Звягинцевой	73
«Как ждет орленок мать свою...» Перевод Н. Коржавина	75
Сосны России шумят. Перевод Н. Коржавина	76
Любимой с фронта в первый год войны. Перевод В. Звягинцевой	78
Ты ждешь меня. Перевод Л. Шифферса	81
Жизнь, я твой сын. Перевод Д. Голубкова	82
Дороги мои. Перевод Л. Шифферса	83
Всегда гордился тем, что горец я! Перевод Д. Кедрина	84
Земля моя. Перевод Д. Кедрина	86
Дедовский дом. Перевод Д. Кедрина	88
Слово сердца. Перевод М. Петровых	90
Клятва. Перевод М. Зенкевича	92
Горы мои. Перевод М. Петровых	93
Стихи, написанные в госпитале. Перевод Д. Бродского	94
Самое дорогое. Перевод Л. Шифферса	95
Поэты. Перевод Н. Коржавина	97
Девушке с севера. Перевод В. Звягинцевой	99
Жить! Перевод В. Державина	103
Твоя земля. Перевод В. Звягинцевой	104
Баллада о погибшем друге. Перевод Е. Елисеева	106
Цветы на фронте. Перевод Д. Кедрина	108
«Лампочка из гильзы ст снаряда...» Перевод Н. Коржавина	109
«Я в первый день войны жестокой...» Перевод Н. Коржавина	110
«Далека ты...» Перевод Н. Коржавина	111
«Война. Весна. Окопы...» Перевод Н. Коржавина	112
Весна на фронте. Перевод В. Сикорского	113
«Вечный снег на вершинах...» Перевод Н. Коржавина	116
Сестре Мариам с фронта. Перевод В. Звягинцевой	117
Жизнь, как бой, трудна. Перевод В. Державина	118
Перекоп. Перевод Н. Коржавина	119
«Ты слышишь, какая стоит тишина!..» Перевод В. Звягинцевой	124
Первой весной после войны. Перевод Д. Голубкова	125
Первым летом после войны. Перевод Е. Елисеева	127
«Если радость придет...» Перевод Н. Гребнева	128
«Как только ночь, полет прервав ..» Перевод Н. Тихонова	129

«Я на войне увидел тьму смертей...» Перевод Н. Коржавина	130
«Весна! Опять пришла весна...» Перевод Д. Голубкова	131
«Беснуется угрюмый океан...» Перевод Е. Елисеева	132
Над старой книгой горских песен. Перевод Н. Тихонова	133
Охотникам, заблудившимся в ущельях. Перевод Н. Коржавина	136
Памяти Дмитрия Кедрина. Перевод М. Шехтера	137
Стихи, написанные в день рождения. Перевод Н. Гребнева	139
Трава растет. Перевод Д. Голубкова	142
«Я слагаю песню о тебе...» Перевод А. Старостина	143
На улице. Перевод Н. Коржавина	144
Слава. Перевод Е. Елисеева	145
Песня о детстве. Перевод Е. Елисеева	146
Смородина. Перевод Е. Елисеева	148
Говорю дождю. Перевод Н. Тихонова	150
Говорю луне. Перевод Е. Елисеева	152
Рисунок к заглавию. Перевод Н. Коржавина	154
Мое слово. Перевод Н. Коржавина	156
Стихи, сказанные во время дождя. Перевод Е. Елисеева	157
Смерть поэта. Перевод Д. Голубкова	158
Восточные стихи. Перевод С. Липкина	163
Ночью в ущелье. Перевод Н. Тихонова	166
Вечером, когда гремел гром. Перевод В. Сикорского	168
В пути. Перевод Н. Гребнева	171
Ночная песня. Перевод Н. Гребнева	172
Зекер и Зари. Перевод Н. Гребнева	173
Снежный обвал. Перевод Н. Гребнева	174
Ночью, когда шел снег. Перевод Н. Гребнева	176
Вечерняя баллада. Перевод Н. Гребнева	177
Горе. Перевод В. Сикорского	178
Побег. Перевод В. Сикорского	180
Молчание. Перевод Н. Коржавина	182
Состязание. Перевод В. Сикорского	183
Я с гор пришел. Перевод Н. Гребнева	184
«Не плачь и постарайся, друг...» Перевод Н. Тихонова	185
Дочери гор. Перевод В. Звягинцевой	186
«Так мало дней отпущено нам всем...» Перевод В. Звягинцевой	188

Осень пришла к вам, горы мои. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	189
Зеленый мир. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	190
Тур. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	191
Зимняя колыбельная. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	192
Стихи, сказанные в честь Киргизстана. <i>Перевод С. Липкина</i>	194
Женщинам. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	196
Киргизская дорожная песенка. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	197
«Живу, тружусь...» <i>Перевод Е. Елисеева</i>	199
Сыну Эльдару. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	200
Стихи, сказанные вечером. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	201
Матери. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	203
В ночном городе. <i>Перевод Е. Елисеева</i>	204
Родной язык. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	205
Откровенный разговор. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	206
Праздник в ауле. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	207
Жизнь — восхождение. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	208
Тост. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	209
Тень орла. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	210
Мой город. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	211
«Когда-нибудь и я, как все, умру...» <i>Перевод Е. Елисеева</i>	213
Поэт и горы. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	214
Поэзия. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	216
Березка. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	217
«Хочу я, чтоб в мой стих...» <i>Перевод Н. Коржавина</i>	218
«Как пахнет трава на родной земле...» <i>Перевод Н. Тихонова</i>	219
«В землях многих...» <i>Перевод Н. Тихонова</i>	220
«Я во многих местах бывал...» <i>Перевод Н. Коржавина</i>	221
Хлеб и роза. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	222
Огонь очага. <i>Перевод Н. Коржавина</i>	223
Стихи, сказанные будущему. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	225
Калина. <i>Перевод Я. Козловского</i>	227
Древняя башня. <i>Перевод Я. Козловского</i>	228
Материнские руки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	229
Песня погибших на войне. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	230
Песня Балдражуса. <i>Перевод Я. Козловского</i>	232
Петух. <i>Перевод Я. Козловского</i>	233
Звездам — гореты! <i>Перевод С. Липкина</i>	234
Старым горским мастерам. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	236

Утес. Перевод Н. Гребнева	238
«Слова любви — они стары...» Перевод Н. Гребнева	239
«Поэт востока женщину любил...» Перевод Я. Козловского	240
«Славой ангельской ты не увенчана...» Перевод Я. Козловского	241
«К чинарам прямым и согнувшимся ивам...» Перевод Н. Гребнева	242
Снежная ночь в Нальчике. Перевод Я. Козловского	243
Вторая снежная ночь в Нальчике. Перевод Н. Гребнева	246
Мустаю Кариму. Перевод Н. Гребнева	248
Стихи, написанные в Калмыкии. Перевод Я. Козловского	249
Облака. Перевод Н. Гребнева	251
«Над валунами лысыми...» Перевод Я. Козловского	252
Стихи, сказанные в Дарьяльском ущелье. Перевод Я. Козловского	253
«Я, над раненым камнем склоняюсь...» Перевод Н. Коржагина	254
«Если цените вы и январь и апрель...» Перевод Я. Козловского	255
«Кремень — кремень, и только...» Перевод Н. Гребнева	256
«Дитя то плачет, то смеется...» Перевод Н. Гребнева	257
«Где-то стонет женщина вдали...» Перевод Н. Гребнева	258
«Порой и туры чахнут и болеют...» Перевод Н. Гребнева	259
«Был пахарем, солдатом и поэтом...» Перевод Н. Гребнева	260
Глаза матерей. Перевод Н. Гребнева	261
«Лишь мертвые не ведают гнева...» Перевод Н. Гребнева	262
«Издrevле люди в страхе и смятенье...» Перевод Н. Гребнева	263
«На земле, и солнечной и снежной...» Перевод Н. Гребнева	264
«О, яблoкй, созревшие в Мухоле...» Перевод Н. Гребнева	265
«Я слово искал...» Перевод Н. Гребнева	266

«Я знаю вкус меда и соли твоей...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	267
«Не пни вековые...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	268
«Льет дождик, и капли стучат...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	269
«Не знаю, был ли хлеба я достоин...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	270
«Кто-то песню ту же самую...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	271
«Перед собою не в лесу ли...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	272
«Солдат от боли умер до заката...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	273
Жена поэта. <i>Перевод Я. Козловского</i>	274
«Когда с обидой и печалью...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	275
«Любой навет заранее приемлю...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	276
«Года уходят навсегда...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	277
Покоя нет. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	278
«Не я ль ревел подранком-туром...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	279
«Когда бы горцам, молодым и старым...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	280
Старинная заповедь. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	281
«Путь мой был труднее с каждым днем...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	282
Хлеб и книга. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	283
«Ты скажи на милость, человек...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	284
«На этой земле я был человек...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	285
«Право же, трудно и мне...» <i>Перевод С. Липкина</i>	286
«Новый год, как с добычей охотник...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	287
«Вдали снега подернуты туманом...» <i>Перевод Н. Гребнев</i>	288
«Мой сверстник, даже ты...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	289
Моему сердцу. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	290
Гроза. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	292
«Все было — дни удач и дни невзгод...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	293
«Все реки с гор текут...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	294

Счастье. Перевод Н. Гребнева	295
Стоустое слово. Перевод Я. Козловского	296
Одинокое дерево. Перевод Н. Гребнева	298
Глухонемой. Перевод Н. Гребнева	299
«Весны я не встречу однажды...» Перевод Я. Козловского	300
«Одиночество я ненавижу...» Перевод С. Липкина	301
«Ты камнем стал...» Перевод Н. Гребнева	302
Всадник. Перевод Н. Гребнева	303
Продавщица молока. Перевод Я. Козловского	304
Обвал. Перевод Н. Гребнева	305
Радуга. Перевод Н. Гребнева	306
«Тучи клубятся, по склонам кочуя...» Перевод Я. Козловского	307
«На ветру меня ломало...» Перевод Н. Гребнева	308
«Женщина месит взошедшее тесто...» Перевод Я. Козловского	309
«Земля поглотит все...» Перевод Н. Гребнева	310
«Чужой бедою жить не все умеют...» Перевод Н. Гребнева	311
«Ценю я с нежностью и строгостью...» Перевод Я. Козловского	312
Клинок и роза. Перевод Я. Козловского	313
«Я тебе такую боль нанес...» Перевод С. Липкина	314
«Живем с тобою, каждый день и час...» Перевод С. Липкина	315
«И я причинил вам...» Перевод С. Липкина	316
Песня, подаренная девушкам. Перевод Н. Гребнева	317
«Порою смысл в надгробной речи есть ли...» Перевод Я. Козловского	318
Жить, удивляясь. Перевод Н. Гребнева	319
«Сжимаю в пальцах влажный ком земли...» Перевод Н. Гребнева	320
Дрова. Перевод Н. Коржавина	321
«Если, книг прочтя не меньше тыщи...» Перевод Н. Гребнева	322
Гроздь винограда. Перевод Н. Гребнева	323
Молния. Перевод Н. Коржавина	324
«Пора, не склонные к добру...» Перевод Я. Козловского	325
Иней. Перевод Я. Козловского	326
«Охотник, волку в пасть...» Перевод Н. Коржавина	328

«Пусть утес не достигает облака...»	Перевод	
Н. Гребнева		329
Песня сухой чинары. Перевод Н. Гребнева		330
Гром. Перевод Н. Гребнева		332
Руки горца. Перевод Н. Гребнева		333
Наши дороги. Перевод Н. Гребнева		335
У очага. Перевод Я. Козловского		337
Кинжал. Перевод Я. Козловского		339
Осень в Нальчике. Перевод Я. Козловского		341
В дороге. Перевод Я. Козловского		342
Я вернулся с гор. Перевод Я. Козловского		343
«Всегда, мой друг, наглядна высота...»	Перевод	
Я. Козловского		344
«Дороге в грудь спокси веков...»	Перевод Я. Козлов-	
ского		345
«Умеет выбрать истинный стрелок...»	Перевод	
Я. Козловского		346

П о э м ы

Говорю с родной землей. Перевод Н. Коржавина	349
Из поэмы. Перевод Н. Коржавина	353
Горская поэма о Ленине. Перевод М. Дудина	357

Кайсын Кулиев

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т о м п е р в ы й

Редактор

Г. Фальк

Художественный редактор

В. Горячев

Технический редактор

В. Савкевич

Корректор

А. Юрьева

Сдано в набор 28/V 1970 г.

Подписано к печати 2/XI 1970 г.

Бумага типографская № 1.

Формат $84 \times 108^{1/32}$. 12 печ. л.
20,2 усл. печ. л. 11,95+1 вкл.=11,997
уч.-изд. л.

Заказ 250. Тираж 25 000.

Цена 1 р. 44 к.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Полиграфический комбинат
им. Я. Коласа Государственного
Комитета Совета Министров
БССР по печати.

Минск, ул. Красная, 23